

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

СВАРОГ

ЧУЖИЕ ЗЕРКАЛА

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ПРОЕКТ**

Александр БУШКОВ

СВАРОГ. ЧУЖИЕ ЗЕРКАЛА

**Санкт-Петербург
«Издательский Дом „Нева“»
Москва
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»**

2002

ББК 84. (2Рос-Рус) 6
Б90

Исключительное право публикации книги принадлежит «Издательскому Дому „Нева“». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

Бушков А.
Б90 Сварог. Чужие зеркала: Роман. — СПб.: «Издательский Дом „Нева“»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. — 383 с.

ISBN 5-7654-2203-9

ISBN 5-224-03959-2

Они не настолько наивны и не ожидают, что эта операция будет похожа на загородную прогулку. Но никто — ни Сварог, ни его команда — даже не подозревали, что ждет их там, в глубине всплывшего континента Граматар, и каким силам Зла придется противостоять горстке людей, отправившихся на поиски магического Ключа...

ББК 84. (2Рос-Рус) 6

ISBN 5-7654-2203-9
ISBN 5-224-03959-2

© Бушков А., 2002
© «Издательский Дом „Нева“», 2002
© «ОЛМА-ПРЕСС», 2002

Что все мы? Лишь блуждающие тени,
Подвластные любому мановенью
Волшебного светильника в руках
Великого Властителя движенья.

Омар Хайям

Часть первая

РОБИНЗОНЫ ГРАМАТАРА

Глава первая

Флеш-бэк

Вряд ли будешь млеть от удовольствия, когда в твоём присутствии идут жаркие дебаты на тему оставить тебя в живых или же лучше незамедлительно умертвить. Так что Сварог пока и не млел. Пока Сварог просто слушал, давая в себе любые эмоции и напряжено внимая прениям по вопросу «казнить нельзя помиловать».

Обсуждение проходило в здании Купол Совета, центральном здании Ствола. Ствол же, как не трудно догадаться, являлся центром Древа, и к нему примыкали Ветви, Листья, Сучки и, должно быть, прочие Корешки... Ну а если серьезно, если перейти с растительной белиберды на нормальный язык, то вся эта древесная чехарда представляла собой не что иное, как острова. Споры нет, острова не простые — то есть не вздымающиеся с океанского дна, а искусственные, людьми придуманные, людьми же и выращенные. Именно выращенные, а не насыпанные, сколоченные или собранные. Причем эти ботанические сады не нуждались

Авторы стихов, приведенных в романе: У. Блейк, И. Бродский, Л. Губанов, Р. Манделштам.

в опоре в виде морского дна, глубина под сучковатым килем нисколько не волновала их хозяев, острова плавали как хотели, проходя над любыми глубинами и подчиняясь лишь прихоти своих рулевых... Простолюдины, сталкиваясь с подобными диковинами, обычно восклицают: «Велики чудеса твои, господи!» — и если не бухаются на колени в суеверном ужасе, то уж всяко озаряют себя крестным (или же каким-то иным, согласно вере) знаменiem. Хотя чудес — что в случае с главным островом под названием Древо, что со всеми прочими Блуждающими Островами — не обнаружишь, как ни копай. Одна наука, господа, скучная голая наука и ничего более.

Из плетеного кресла (как раз таки и сотворенного той самой наукой) Сварог прислушивался к спорам, уже расколовшим на непримиримые фракции местный орган управления. Орган, именующий себя Советом, спорил до хрипоты на интереснейшую тему: убивать Сварога или не убивать.

— Этот экземпляр вредоносен! — махнул ладошкой в сторону предмета обсуждения новый оратор. — Предлагаю почтенному Совету аллегория. Представьте себе, что некий человек под деревом развел костер. Человек может уснуть, человек может уйти, оставив тлеющие угли, а может и сознательно бросить костер непотушенным. Костер разгорится, пламя перекинется на дерево и убьет его, не правда ли?

Оратор поправил накидку, широким, плавным жестом обвел аудиторию.

— Так стоит ли ждать, что выйдет из этих затей с огнем? Не лучше ли уничтожить человека сразу, не дожидаясь, пока он начнет разводить костер?

Спорили таким образом мастера парламентарии уже давно. И ровно столько прошло времени с тех пор, как Сварогу надоело выслушивать их вдохновенные речи. Но что поделать, ежели человеку, называющим себя интеллигентами, необходимо дать наговориться (если, конечно, имеешь желание решить с ними по-хорошему). Пусть они захлебнутся собственным красноречием, выдохнутся — только после этого с ними, утомленными и довольными собой, можно иметь дело. А у Сварога время было. Сегодня Сварог уже никуда не спешил.

Нынешний день, богатый на события, вступил в полосу, как говорили тоурантские моряки, предпоследних склянок. В это время суток, в пору угасания дня, в замках Атара вовсю готовились бы к вечерней трапезе. Зажигали бы свечи в огромных мрачных залах с длинными столами и развешанными по стенам доспехами, княжны и баронетты переодевались бы в вечерние платья, прихорашивались бы перед старинными зеркалами, заключенными в толстые рамы с потрескавшейся позолотой, конюхи скребли и терли бы лошадок, насыпали бы в ясли овес, чтоб коникам хватило на ночь, толстобокие кухарки расталкивали бы ночных стражей, вырывая их из объятий дневного сна, чтоб те успели не спеша умыться-одеться-отужинать, обстоятельно выкурить трубку на пару с начальником стражи возле запирающихся на ночь городских ворот и, взяв колотушку, заступить на дежурство до утра. А в заросших тиной и ряской прудах отражалось бы в этот час бардовое поlyingание заката...

Увы, если мы говорим об Аtare, то без частицы «бы» не обойтись. Материка Атар больше не существовало, превратились в руины и опустелись на океанское дно атарские замки, хижины и города со всеми пасторальными прелестями феодального быта. Князья, кухарки и ночные сторожа сейчас плывут к Граматару — но, опять же, не все, а лишь те из них, кому повезло. (Это означает, что у их государства имелся морской флот, снаряженный к переходу через океан, им лично удалось попасть на корабль, флот не расстреляли гидернийские броненосцы, флот не угодил в шторм, вызванный погружением континента под воду, флот не угодил в шторма, тайфуны и ураганы иного, не всегда природного, происхождения, и так далее, и так далее...) И если везение их не оставит, то доплывут. Но еще не скоро, и не поколение переселенцев, а лишь их дети и внуки смогут вернуться к разбитому стихиями образу жизни. И, кстати, еще неизвестно, каким местом фортуна повернется к их детям и внукам, не поменяются ли конюхи с князьями местами... А ведь так обычно и происходит во времена великих перемен — будь то смена правителей, строя, исторических ориентиров или земли обетованной... Видел сегодня Сварог этот пресловутую обетованную и может засвидетельствовать, что та существует взаправду, что Граматар всплыл, как ему и предписывается местным планетарным режимом, и выглядит очень даже ничего для подводного в недалеком прошлом континента...

Правда, на легендарный материк нога Сварога так и не ступила. Бывший шторм-капитан броненосца «Серебряный удар» рассматривал Граматар

издали, с расстояния кабелота в два — то бишь с трех километров. Отсюда континент выглядел, как и пристало нормальному континенту: белая полоса пены над розовой полосой прибрежных рифов, серая полоса скалистого берега, на который накатываются одна за другой океанские волны, зеленая полоса береговой растительности с черными вставками скал...

Сварог проникся доводами мастера Ксави касательно того, что проход всего жилища над рифами и высадка — дело не простое, требующее выверенных, аккуратных и, главное, неспешных маневров. Поэтому во всех смыслах проще, удобней и уж точно быстрее будет создать простейшую плоскодонку, снабдить ее веслами, и через какой-то час, а то и раньше люди сойдут на берег своей новой родины. Ко всему прочему (добавил мастер островитянин сильный по убедительности аргумент) люди получают в дар целую лодку, что всяко не помешает их будущей жизни у океана. На том и сошлись.

Сварог во второй раз увидел, как работает прирученная ботаника. Или, выражаясь более научно, образно, на что способно биоконструирование. Потрясала скорость, с которой от жилища (все-таки Сварог предпочитал именовать его Блуждающим Островом) отрастают побеги, похожие на виноградные лозы, с какой стремительностью они ветвятся, утолщаются и сплетаются в заданную форму. Не меньше поражало, с какой безукоризненной точностью исполняют растения мысленный приказ хозяина-человека. Приказали создать плоскодонку, и нате — на глазах из ничего выросла заказанная лодка при плоском дне и при десят-

ке всел по каждому борту. И ведь никакой магии, никаких тебе волшебных бобов, водяная смерть и Наваковы потроха в придачу, — чистая, блин, наука...

Пока дож Тольго, бывший боцман «Серебряного удара», прощался со Сварогом, остальные клаустонцы — мужчины, женщины и дети — живо перегрузили на плоскодонку ящики, тюки, узлы, связки, отдельные предметы — весь тот нехитрый скарб, что в свое время был переправлен с тонущего броненосца на стену зиккурата, а оттуда — на Блуждающий Остров. Ха, еще бы было живо не перегрузить, когда вещей этих — морской кот наплакал... Но именно с ними предстоит им начинать новую жизнь на новом и диком материке — где нет топоров, гвоздей, тканей и ткацких станков, нет и лавок, в которых все это можно прикупить, зато с лихвой хватает пустого места и через край плещет неизвестность. Поэтому все, что можно было сберечь и дотащить до Граматара — даже ружья без патронов, даже рваные куски парусины, сплюснутый судовой колокол и стреляные гильзы, — клаустонцы сберегли и намеревались именно что дотащить и сберечь.

— ...не забудьте мои слова, капитан Сварог, — сказал Тольго, наблюдая за погрузкой. — Как только окажетесь на берегу, первым делом отыщите нас.

— Да стоит ли беспокоиться, — скромно потупился Сварог.

— Это дело чести, — твердо сказал дож. И добавил в несвойственной ему высокопарной манере: — Вы сохранили жизнь не только горстке

людей, мастер капитан, вы спасли весть Клаустон. В истории Агара подобного еще не было — чтобы один человек спасал целое государство. И то, что я предлагаю, — нет, на чем настаиваю, как правитель Клаустона, — ничтожно и жалко по сравнению с содеянным вами...

«Меня бы кто спас...» — подумалось Сварогу.

Дождь требовал от Сварога, по сошествии последнего на берег, немедленно, с соблюдением необходимых ритуалов и церемоний, принять символическую корону — стать Почетным Королем Государства Нью-Клаустон, или как там у них это называется...

— Вы обещаете?

— Я постараюсь, — честно ответил Сварог. — Для начала надо, чтобы меня отпустили на берег. Но я постараюсь.

— Сделайте одолжение... Друзья, — он обернулся к стоящим рядом сподвижникам Сварога, — прошу вас, вы первые.

Погрузка была закончена, настал черед людей, и клаустонцы толпились у древесного борта в ожидании, пока места в плоскодонке первой займет бравая четверка из Свароговой команды.

Суб-генерал в отставке Пэвер, в недавнем военно-морском прошлом командир БЧ-1 на «Серебряном ударе», чуть ли не печатая шаг по неприспособленному к строевым занятиям плетенному полу (который язык не поворачивался обозвать палубой), подошел к Сварогу и отрапортовал громко, так чтобы слышал мастер Ксави:

— Мастер Сварог, генерал Эрл Гадаск, командир шестого гвардейского полка имени короля Макария, когда его отговаривали преследовать остатки

разбитой армии мятежников, сказал: «Война должна быть закончена, на то она и война, а не трактирный мордобой»... Это я к чему? Водоплавающие островитяне объявили нам войну, из-за них погибли отличные наши бойцы... погибла Клади. Перемирий с островитянами мы не подписывали, капитуляций не принимали и, ясное дело, сами тоже не капитулировали. Значит, война должна быть закончена. Так что ничего слышать не хочу. Я с вами, маскап. Чего-чего, а сражений Пэвер никогда не боялся...

— Может быть, мы с островитянами и воевать-то не станем, — ответил Сварог, удерживая рвущуюся наружу улыбку. — А еще, глядишь, и заключим союзническое соглашение.

— Но с кем-нибудь другим придется воевать, маскап. Не может быть такого, чтоб не пришлось воевать.

На это мастер капитан Сварог возражений не отыскал.

— А я, мастер Сварог, князь, — счел нелишним напомнить Олес, по-хозяйски облокотившись на перила, опоясывающие плетеный ковчег (которые, опять же, на гордое звание «фальшборт» никак не тянули). — Я привык подчинять, а не подчиняться. Жить на правах простолюдина? Увольте, граф. Лучше я сложу голову в бою. Даже, предположим, я одолею уважаемого дожа Тольго в честном поединке... (Олес поклонился экс-боцману, и тот ответил не менее изысканным поклоном, сказавши при этом: «Это еще надо посмотреть, ваше сиятельство, кто кого...») то и в этом случае вряд ли клаустонцы признают меня своим повелителем. Я для них останусь гаэдарцем, чужаком. Свергнут

меня — и все дела. Выберут себе очередного дожа, из своих... А путешествовать князю не возбраняется, даже приветствуется. Так что — я тоже с вами.

Сварог, изо всех сил стараясь выглядеть серьезным, перевел взгляд на Рошалья.

— А что вы на меня-то уставились, мастер капитан? — раздраженно отвечал бывший старший охранитель короны Гаэдаро, или на иной, более точный манер выражаясь — начальник комитета госбезопасности княжества Гаэдаро. Гор Рошаль, по привычке и в независимости от погоды кутаясь в некогда шикарный, а сейчас затасканный до бродяжьего вида плащ со множеством потайных карманов и неизвестного предназначения петель, смотрел не на Сварога, не на кого другого, не на материк, к которому они все пробивались через ужасы и смерть — раздавленным взглядом он смотрел куда-то за горизонт. — Что я буду делать там? Строить хижины, расчищать землю под посевы, охотиться, ловить рыбу с этого вот лаптя? Ничего такого я не умею. И совершенно не желаю становиться посмешищем среди людей, которые ниже меня по происхождению и по былому положению в обществе. Так что, если вы не имеете ничего против, я бы последовал за вами в опасные гости к нашим новым знакомым.

Слово «опасные» Гор Рошаль выделил со скрытым умыслом, подчеркнув, что там, где возможны тайные игры, интриги и хитро закрученные комбинации, там он способен принести неоценимую пользу, уж не сомневайтесь.

Гуап, женщина-оборотень Чуба-Ху, ничего не сказала. Просто молча встала рядом со Олесом.

— Охламоны вы все-таки... — вздохнул Сварог. И отвернулся: ему что-то попало в глаз. И что-то комом застряло в горле...

В общем, трогательного прощания с клаустонско-гидернийской частью экипажа броненосца не было. Сварог заверил людей, что управится, не слишком затягивая, с островными делами и сразу же после того заглянет к ним — пусть на стол накрывают и корону чистят.

— Это берег с берегом никогда не сойдутся, а корабль с мелью завсегда встретятся, верно, мас-кап? — подмигнул ему Тольго.

Сварог в ответ сотворил из воздуха по сигарете дожу и себе. Табачное облако, общее поначалу, распалось на два.

...Издали это выглядело как циклопических размеров торт «графские развалины», только почему-то не присыпанный сахарной пудрой и почему-то помещенный не на праздничное блюдо, а прямоиком на океанскую воду. Вблизи сходство с кондитерским изделием, одно время и в ином мире страшно популярным среди жен младшего и среднего комсостава, пропало начисто. Вблизи единственный и оттого главный Остров дамургов (на их языке — Древо) не вызывал никаких ассоциаций. Разве что с буреломом. Прутья, стволы, буйное, как в фантазиях пьяного вязальщика корзины, хитросплетение лоз, похожих на виноградные, там да сям торчат листики-цветочки, кое-где даже выглядывают из воды корявые щупальца корней. Нет, впрочем, Сварогу на ум пришло-таки еще одно сравнение — помимо галлюцинирующего корзинщика. Случается, во время весеннего половодья

сносит по реке два-три сцепившихся дерева, они застревают где-нибудь в узком месте, образуя затор, и на них наносит всякий речной хлам: сучья, бревна, выворотни, плавник, камыш — что ни попадя. Есть и здесь что-то похожее...

Как Сварог успел узнать от мастера Ксави, в Древе неизменен лишь Ствол, сердцевина Древа, и то неизменен только по отношению к самому себе. Иными словами, Ствол дрейфует по течениям, направление и скорость которых страшно засекречены и известны лишь дамургам — а те лучше погибнут, чем выдадут одну из самых главных своих тайн. Ствол дрейфует, а Блуждающие острова — по-дамурговски жилища — присоединяются к нему, как прилипалы к акуле, чтобы подрейфовать сообща; могут отсоединиться, поплавать в свое удовольствие, вернуться, когда вздумается или когда призовут. Такая вот у них, блин, организация жизни на воде.

Они наблюдали приближающийся плавучий полис дамургов с... как говорят в одном веселом городе — вы будете смеяться, но наблюдали с самой натуральной веранды. Из помещения, находившегося в центре жилища, они перебрались на... ну если б это был все-таки корабль, то пришлось бы сказать, что на капитанский мостик, а так... Действительно, пуше всего остального это напоминало дачную веранду. И они разместились на ней в плетеных креслах, прямо как какие-нибудь разомлевшие под солнцем и утомленные грядками дачники, собирающиеся пропустить по стопочке перед заслуженной сиестой. Правда, дачники обычно не держат друг друга под прицелом (а шаур Сварога был недвусмысленно на-

правлен мастеру Ксави в грудь), дачники пялятся на грядки, яблони и на недокрашенный забор, а не на море-акиян, зеленоватый и бескрайний, с торчащим посередь того океана ботаническим садом...

Жилище Ксави мягко соприкоснулось с уже остановившемся Древом и тоже замерло, соединившись с ним ведомыми лишь дамургам скрепами. Подождав, пока от жилища к жилищу пробегут узкие мостки, они по очереди перебрались на главный остров — и так и пошли гуськом, процессией из шести человек: каждую из составных частей Древа огибала терраса, по ним они и двинулись внутрь «графских развалин».

Если это скопище островов с большой натяжкой можно назвать городом, то террасы придется именовать улицами. Правда, улицам этим, судя по всему, было невдомек о главном предназначении городских магистралей — связывать по наикратчайшей. По дамурговским магистралям приходилось двигаться к цели, что называется, кругаями. Видимо, дамургам никогда и никуда не приходилось торопиться...

Унылая, надо сказать, получалась прогулка к святой святых Блуждающих Островов, к Стволу. Тянулись, как бесконечный плетень, прутья, переплетенные меж собой где простенько, а где и замысловато. Словно бредешь вдоль стенки по дну гигантской корзины. Причем корзины пустой, необитаемой — мало того, что навстречу им не попадалась ни одна живая душа, так ведь никого и не было ни видно, ни слышно. Будто идешь вдоль изгороди покинутого деревенского дома, и изгородь эта никак не может закончиться...

Ан нет, вот и закончилась. Без громогласного объявления, без таблички, прибитой над входом, стало ясно, что они прибыли к месту, проходившему у мастера Ксави под кодовым обозначением «Ствол».

— Вражеских лазутчиков и диверсионных групп, как я погляжу, местные не боятся, — пробормотал суб-генерал Пэвер.

Ксави пропустил его замечание мимо ушей.

В самом деле, никем не охранялся мост, узкий у дальнего конца и постепенно расширяющийся, с узорчатыми перилами, покрытый ровным и мягким травяным ковром. Не наблюдалось стражей и у настежь распахнутых ворот. Не бродили часовые по стенам — а стены-то имелись, из стволов цвета сосновой смолы, ровнехонькие и гладкие. Главный остров Древа, именуемый Стволом, со стороны выглядел как набор концентрических колец, насаженных друг на друга, — чем ближе к центру, тем выше кольцо. А на самом высоком, сиречь центральном кольце раскинулись по всей окружности ветви... или антенны?!

— Ни флагов на башнях, ни герольдов... Н-да, пустовато тут у вас, — сказал Олес, вертя головой. — Как после чумы...

Ну, нельзя сказать, что вообще никого они не встречали. Слуги, например, теперь по дороге попадались — одетые, как и слуга Ксави, в лиловые брюки и куртку, и тоже босые. Пробегали мимо с подносами, с корзинами, а то и с пустыми руками, занимались какими-то малопонятными делами — вроде вон того, смуглого, который сосредоточенно, увлеченно, а главное, непонятно с какой целью ворочает туда-сюда толстый сучковатый рычаг, торча-

щий напрямиком из пола... А чуть погодя они увидели собственно дамургов, походивших на их закадычного приятеля Ксави горделивой осанкой, барской вальяжностью походки и расшитыми золотом белыми одеждами. Дамурги провожали гостей взглядами, напрочь лишенными какого бы то ни было интереса... А вот охраны действительно никакой. Либо она просто-напросто не торопится попадаться на глаза, и стоит сделать что-то не так, как тут же распахнуться люки и полезут отовсюду ниндзя вперемешку со спецназом... Либо сами дамурги мнят себя стопроцентными суперменами. Судя по событиям в жилище Ксави, справедливо, наверно, как раз таки последнее предположение. Дамурги уверены, что в случае угрозы их драгоценной жизни они заставят стены, полы и многочисленные колонны броситься на защиту, остановить любого врага... Может быть, и так. Когда пол под захватчиками разверзнется в самом прямом смысле слова, и в таком же прямом смысле стены упадут на голову, сдавливая черепа в железных капканах объятий, — захватчикам жизнь малиной не покажется...

Гор Рошаль выискал момент и, будто бы случайно оказавшись рядом со Сварогом, шепнул:

— Полагаю, древние предметы...

Сварог кивнул. Он-то не полагал, он был уверен (спасибо рубину-гикорату, всюю нагревающему карман), что все эти штуковины, расставленные по залам, словно на выставке достижений народного хозяйства, суть ни что иное, как пресловутые древние предметы. А чего тут только не было! Серебряная жаровня, над которой колыхалось призрачное бирюзовое марево, принимающее причудливые формы; прямо-таки скульптурные

композиции из пузырей, похожих на ртутные, плавно и безостановочно перетекающие друг в друга; какие-то ярко-алые пирамидки, запросто парящие в паре каймов на полом (то бишь примерно в метре) и при этом тихонько жужжащие, — и пропасть всего остального. Эх, кабы еще знать, как можно это добро использовать, в случае чего, себе на пользу...

Дошли, наконец. Мастер Ксави ввел их в зал без всяких формальных процедур, вроде проверки документов и оформления аккредитаций. Зал, носивший имя Купол Совета, походил на «вечерний» цветок лотоса — то есть закрывающийся, но еще до конца не сомкнувший лепестки. Сверху вниз сбегали скамьи. Занято было чуть меньше двух третей посадочных мест, причем дамурги распределились по залу неравномерно: где-то сидели густо, плечом к плечу, где-то и вовсе поодиночке, явно что-то тем самым демонстрируя. Над головой проплывало темнеющее небо, и в Куполе уже зажгли освещение: наросты на стенах (ни дать ни взять чаги — березовые грибы) светились изнутри ровным, сильным светом, будто в них были заточены мириады светлячков. Внизу, на «арене», стояло несколько полукруглых диванчиков — разумеется, плетеных — и столики перед ними. Трибуна как таковая отсутствовала. Выступающие свободно бродили по залу, поднимались наверх, спускались, выписывали любые кренделя — благо акустика была потрясающая, наводившая, кстати, на мысли о концертном зале...

И вот, усаженные на один из полукруглых диванчиков, Сварог сотоварищи вынуждены были битый час выслушивать всю эту парламентскую тя-

гомотину — про то, как следует поступить с попавшим в руки дамургам человеческим материалом — уничтожать, видите ли, или не уничтожать. Как тут не вспомнить некоего матросика Железняка, при помощи маузера и соленого морского словца разогнавшего к чертовой матери похожее собрание говорунов... Железняку, впрочем, было проще, ему от тех болтунов не требовалось ничего — кроме того, чтоб они наконец заткнулись. А вот Сварогу не помешает свести дружбу с теми, кто называет себя дамургами, потому как черт его знает, вдруг через дамургов можно подступиться к Тропе, найти выход в Поток. Стало быть, надо как-то подружиться с теми, кто не скрывает своего желания прикончить тебя и прикончить немедленно...

Глава вторая

На древо взгромоздись...

— Вспомните эпоху тридцать шестого Совета. Вспомните шар Оломар, найденный у Сверкающего Столба под третьей чертой. Вспомните, что Совет настоял доставить шар в Ствол, дабы изучить и найти ему применение. И вспомните, что случилось тогда с жилищем мастера Бассу. Оно бесследно пропало в океане! Все, что удалось найти, — это выброшенные волной на риф Изами обугленные, потрескавшиеся линзы шара Оломар... А если б он попал в Ствол и несчастье произошло бы уже здесь?.. Я считаю, что угроза, носителем которой является объект номер триста

сорок шесть, сопоставима с той, от которой пострадало жилище покойного Бассу. Вспомните, что тогда тоже сперва зафиксировали незначительные нарушения баланса — а какой получили финал! Почтенный мастер Лого доказывал нам тут, что раз не произошло, как он выразился, несчастья необратимого характера, то оно и не произойдет... Но возьмите человеческий организм, который терзают мелкие болячки. Они незаметно разрушают, расшатывают телесную защиту. И организм становится открыт для любых болезней... Самых страшных болезней. Точно так же корни дерева годами подмывает водный поток, и оно вдруг обрушивается от несильного порыва ветра... Я настаиваю на немедленном уничтожении объекта номер триста сорок шесть. Я закончил, почтенный Совет.

Слушая это пламенное выступление, Сварог, в общем-то, даже не обидевшись на присвоенный ему порядковый номер — нехай тешатся, — сделал для себя пометку: «Значит, в Стволе имеется лаборатория, изучающая древние предметы и прочие интересные находки. Здесь же, наверное, расположена и местная Академия наук. Небесполезно покалякать с тутошними эйнштейнами — вдруг они про Поток что-нибудь да знают...» А что вы хотите? Надо же извлекать что-то полезное из судьбоносного трепя, делать зарубки на будущее. Не собирався же Сварог и в самом деле позволять уничтожать себя, по выражению одного из болтунов, «как не представляющий ценности и несущий вред экземпляру»...

Самым любопытным для Сварога оказался тот факт, что парламентарии ни о чем не спросили мастера Ксави. Ну да, они, видимо, сочли, что он

просто выполнил приказ — привел пленников, а противоположный вариант мастерам совещателям и в голову не пришел. И ведь нисколько не заинтересовало их, почему Ксави привел не одного Сварога, а притащил еще четыре экземпляра, в том числе женщину. Видимо, безразличие к мелочам у дамургов (особенно у их, как говаривал классик, «цвета интеллектуальной эссенции» представителей) настолько же велико, насколько безгранична самоуверенность. Они — пуп земли (то есть, пардон, океана), этот мир принадлежит им, покорно лежит под подошвами их деревянных сандалий... Разве мелочи могут быть достойны их высочайшего внимания? А сам Ксави без необходимости не стал сознаваться в позоре: могут ведь и наказать.

А Сварог, со своей стороны, не заложил Ксави не из гуманизма и не из расчета на вечную благодарность, а по здравому размышлению. Потому как оно и к лучшему, что совещатели не поставлены в известность о неудаче их посланца. И теперь, если события начнут развиваться по самому скверному сценарию, то дамурги не станут ничего выдумывать — будут действовать по уже знакомому Сварогу шаблону, что, несомненно, упростит ему задачу. И то, что он уже знал суть задания, за выполнение которого готов был взяться на определенных условиях, тоже давало ему парочку дополнительных козырей в рукав.

— Я прошу обратить внимание почтенного Совета на то, что мастер Пальтр по своему обыкновению воспользовался примером из далекого прошлого. Шар Оломар, эпоха тридцать шестого Заседания Совета. А мы живем, напоминаю специально

для мастера Пальтра, в эпоху сто сорокового Заседания...

Взявший слово оратор выглядел зело авантажно. Холеная борода, высокий лоб с морщинами мыслителя, брови вразлет, осанистый. Короче, если б кто из художников-дамургов взялся за создание полотна «Заседание почтенного Совета», то такого представительного хлопца всенепрременно выдвинул бы на первый план.

— Неужели мастер Пальтр считает, что мы остановились на уровне развития времен тридцать шестого Заседания Совета? Или мастер Пальтр считает, что с тех пор мы ни палец не приблизились к Цели? Он нам тут проникновенно рассказывал о слабом человеческом организме. Но позволю себе напомнить многопочтенному мастеру, что в любимую им эпоху люди умирали еще и от подкожных воспалений. Так пойдите и спросите у мастера Риттэ: много ли осталось болезней, с которыми мы не в состоянии справиться сегодня?..

А самого Сварога, что забавно и наводит на размышления, пока никто ни о чем не спрашивал. Его просто обсуждали. Будь на месте графа Гэйра набитое соломой чучело или бронзовое изваяние — так ничего бы не изменилось в словах и оборотах речи. Да и спутников Сварога никто из совещателей не удостоил ни словом. И не потому что их вопрос отложен на отдельное рассмотрение — они живы исключительно из-за того, что не рационально убивать сперва одних, потом других, когда можно разом покончить со всеми... Спутников Сварога учитывал сам Сварог, если придется действовать. Каждый знает свой маневр. К тому же их оружие — не бог весть какое, но все же —

обитатели Ствола, как в свое время и мастер Ксави, у них не отобрали. Право же, в самоуверенности дамургов присутствуют все симптомы мании величия, им бы к психиатру...

— Человек справа, в первом ряду, сидит, сложив руки на груди, — наклонившись к Сварогу, шепотом произнес Рошаль.

— Вижу, — так же тихо отозвался Сварог, не без удовольствия отметив, что наблюдательности старший охранитель не утратил.

Действительно, прелюбопытная личность присутствовала справа в первом ряду. В его сторону нет-нет да и косились выступающие. Да и сам человек, не выделяясь позой, сидел иначе, чем остальные. Черт его знает, в чем состояло это «иначе», но оно явственно присутствовало. И откуда-то бралось ощущение, что остальные в зале Совета сидят как бы в о круг него.

Кстати, у Совета имелся председатель, к которому обращались Ваша Мудрость. Он восседал в кресле с высокой спинкой, стоявшим точно напротив Сварога. В преклонных летах, дряхлый, сонливый, выбранный, похоже, исключительно по принципу преклонных лет. Фигура несомненно декоративная, проявлявшая себя в совещательном процессе лишь кивком головы, разрешающим выступления...

А на подмостках вовсю старался уже новый оратор:

— Вообще все это ерунда, не о чем совещаться. Объект номер триста сорок шесть — уничтожить, а про граматарские сказки забыть. Ничего там нет. Было бы — давно б нашли. Я вам скажу, откуда берутся эти сказочки про Ключ. Их распускают

последователи пресловутой доктрины «черной величины» мастера Гера и примкнувшие к ним люди мастера Лого. Еще со времен Гера уничтожают тагоров, посланных к Ключу. Некоторых, для разнообразия и чтоб еще больше все запутать, сводят с ума. Как «зачем это надо»? Надо поддерживать доктрину, чтобы совсем не сдохла, чтобы в нее продолжали верить. А верят только больные или хитрые. И на этой вере всякие Лого, Долло и Эгонты проползают в Совет. Еще скажите, тагорта с ума свести нельзя. Я сведу любого тагорта в два счета. Однозначно!

Оратор, подвижный и громогласный, то и дело поправлял короткую накидку цвета старого золота, будто она живая и постоянно его покусывает. Если учесть, что на остальных дамургах, попадававшихся по пути в Купол Совета, накидок не наблюдалось, то напрашивался вывод, что эта деталь одежды — отличительный признак члена Совета, нечто вроде судейской мантии. Или депутатского значка.

Сразу же после начала прений четко обозначились две партии — партия, если так можно выразиться, ликвидаторов Сварога и партия извлечения хоть какой-то пользы из того, что Сварог останется в живых... И третья, равная по численности первым двум вместе взятым группа людей — выжидающее, колеблющееся большинство. Их выступления сводились, в основном, к сомнениям: «А если мы... то не получится ли... с одной стороны — да, но с другой-то ведь стороны... однако если принять во внимание...» Эти речи пестрели пышными оборотами и сравнениями, как елка игрушками. Свой внутренний детектор лжи Сварог не использовал — еще перегреется, болезный...

Олес неприкрыто скучал. То и дело задира голову, чтоб полюбоваться, как одновременно с темнеющим небом смыкаются над головой лепестки лотоса — они же стены зала Совета. Или, недовольно морщась, рассматривал мозоли на княжеских руках, приобретенные им во время странствий под командованием мастера Сварога. Чуба-Ху же, наоборот, во все глаза смотрела по сторонам — как ребенок не скрывая живого любопытства ко всему вокруг. Кстати, вот кто преподнесет настоящий сюрприз мастерам дамургам, дойди дело до рукопашной. Вот уж к чему вы, голуби, точно не готовы, так это к обращению человека в волка.

Пэвер же боролся с дремой. Клевал носом и даже всхрапывал, иногда вздрагивал, распрямлялся, оглядывался с видом величайшего внимания, но вскоре вновь его подбородок начинал медленно опускаться к груди. Однако не приходилось сомневаться: стоит прозвучать команде Сварога и сонливость с суб-генерала мигом слетит, он войдет в работу без раскачки.

Рошаль, сохраняя на лице показное безразличие, отслеживает картину на сто кругов, голову можно заложить. Сварог почему-то был уверен, что старший охранитель схватит любое негативное, чреватое осложнениями изменение в окружающем пространстве.

— Уважаемый мастер Гдами, видимо, собирается прожить еще тысячу лет, — обращался к неизвестному Гдами и ко всей аудитории некто очень ироничный. — Я же так далеко не загадываю. Но все же надеюсь дожить до того момента, когда мы достигнем Цели.

Вообще-то любопытно. О некоей Цели Сварог слышал еще от Ксави, но как-то не заострил внимания, не расспросил — посчитав, что это всего лишь фигура речи. Но поскольку Цель поминал каждый второй оратор, не считая первого, то, пожалуй, что-то за этим кроется. Еще одна зарубка...

— С чем мы сегодня подошли к всплытию Граматара? — продолжал ироничный парламентарий. — Да с тем же что и в прошлый раз. Ничего нового мы предложить не способны. И некоторые из нас отбрасывают возможность пробы. Что нам предлагает «желтая ветвь» Совета? Действовать по старинке. Отлично! Но откуда же тогда, скажите, возьмется иной результат?.. А что предлагает «сиреневая ветвь»? Фактически предлагает бездействовать, ибо любое действие якобы нарушает равновесие. И сколько прикажете нам упиваться этим восхитительным равновесием? Вспомните Дамурга-основателя, он не боялся пробовать и рисковать. А если бы боялся, мы бы сейчас не имели ничего. Мы — дамурги, и мы должны стремиться походить на Основателя, а не на ленивых ортсов, с рождения до смерти не покидающих ил морской. Я закончил, почтенный Совет...

Выступления членов Совета не сопровождалось ни аплодисментами, ни свистом. Спокойно обсуждали, без эмоций. По завершении речи очередного краснобая на скамьях лес рук не вырос, скамьи не взрывались азартными криками: «Прошу слова!» У дамургов существовал некий заведенный порядок, регулирующий очередность. И, подчиняясь ему, выговорившегося оратора без шума и потасовок сменял другой...

И тут тягучая ровность и одноцветность совещания враз сломалась, как палка о колено. В воздухе шаровой молнией повисло ощущение наэлектризованного ожидания.

А изменилось лишь одно: к центральной площадке зала направлялся тот самый человек, что сидел справа в первом ряду, со скрещенными на груди руками. Ничем с виду не примечательный. Невысокий, полноватый, с пегим венчиком вокруг лысины, лицом напоминающий диснеевского гнома, почему-то сбритшего бороду. Одним словом, хочется улыбнуться ему, снисходительно похлопать по плечу и повернуться спиной... А вот последнего, думается, делать никак не следует. Думается, многие как раз спиной и поворачивались, а потом долго об этом жалели. Или — жалеть не приходилось вовсе, не успевали пожалеть. Люди с внешностью добрых дядюшек, но с сущностью расчетливых, властолюбивых диктаторов опаснее вдвойне. Очень трудно заставить себя и принимать такого человека всерьез и быть с ним настороже.

«Вот тебе, бабушка, и демократия с парламентаризмом, — подумалось Сварогу. — Какая там, на фиг, парламентская республика, совет народных дамурговских депутатов! Где ж вы такое видели, чтоб у людей — да не было главного? Не может человек не рваться к абсолютной власти. Можно называться демократией и размахивать правами человека, а шелуху сдуй — и все то же самое...»

Человек из первого ряда не торопился начинать речь. Поклонился председателю, дождался его обязательного кивка, поправил сползшую с плеча накидку.

Сварог тоже напрягся: наступил поворотный момент. Как в каждом сражении, будь оно словес-

ное или вооруженное, есть такой ключевой пункт. Это когда из засады выскакивает резервный полк и решает исход боя: или повергает в бегство превосходящие силы противника, или лишает своих воинов последних надежд.

Ранее Сварог, имея на то свои резоны, не спешил ввязываться в полемику. Резоны были простенькие: понять образ мышления дамургов, понять, как разговаривать с ними, на какую наживу их ловить... А главный резон — вот он, перед нами. Не имеет никакого смысла о чем-то договариваться с холопами, коли знаешь, что все равно придет барин и будет так, как он пожелает.

Короче говоря, раньше звучала увертюра, а сейчас начинается собственно опера.

— Почтенный Совет, я позволю себе начать с выражения благодарности всем выступавшим до меня и всем присутствующим в этом зале. Меня, как простого дамурга и рядового члена Совета, не может не радовать, что Цель жива в наших сердцах, наши помыслы направлены на ее достижение, мы не уподобляемся... э-э... некоторым, вы знаете, о ком я говорю, которые ставят свои частные интересы выше интересов всего Сообщества. У меня есть несколько вопросов к нашему гостю. С разрешения почтенного Совета я их задам, — проговорил новенький. Тихо так проговорил, не напрягаясь, однако его голос разнесся по всему, разом затихшему Куполу. У этого «рядового» члена Совета обнаружился приятный бархатный голос с легкой хрипотцой.

Не дожидаясь, он повернулся в сторону, так сказать, гостевого диванчика — глядя, разумеется, только на Сварога.

— Как прикажете вас называть?

Подумавши: «Ну наконец-то хоть кому-то интересно...» — Сварог поднялся со своего места и ответил:

— Капитан Сварог. — И после заминки король трех королевств добавил еще парочку своих имен: — Граф Гейр, барон Готар, князь Рут.

Пусть знают, что не лавочник забрел к ним в гости...

— И вдобавок шторм-капитан броненосца «Серебряный удар», — улыбнувшись, человек показал свое знакомство с некоторыми фактами биографии графа Гэйра. — Можете называть меня мастер Вало.

Ага, а представляться никто его не неволил. К людям с материка, за которого они принимают Сварога, этикет предписывает относиться как к подопытным животным. Не говорят же ученым мышам перед тем как распластать их на лабораторном столе: «Здравствуйте, меня зовут академик Павлов». Не-ет, хорошие мои, человечек готов к диалогу. Точнее, к скрытому диалогу. Дает понять, что беседа пойдет с двойным дном. Первое дно — для всех, второе — для тех, кто улавливает подтекст...

И мастер Вало продолжал:

— Капитан Сварог, мы имели возможность ознакомиться, главным образом, с побочными и, увы, большей частью негативными эффектами ваших магических экзерсисов. Не скрою, кое-что из того, что вы... сотворили на Океане, нам известно. Некоторые из ваших опытов сумели нас удивить, а некоторые — заинтересовать. Однако не соизволите ли вы поведать мне и почтенному

Совету, насколько далеко простираются ваши возможности?

Что ж, Сварог мог поведывать об этом хоть до рассвета. А чего, вот так вот взять да и вывалить на дамургов всю свою историю: и про службу в советской десантуре, и про отца, про Талар, про Империю ларов, Поток и атарские приключения. Пусть офонареют, пусть въедут, что они со своими растительными островами — отнюдь не центр Вселенной и опора мироздания. А то возомнили о себе, понимаешь, бог знает что. (Кстати, они уже и без того заметно удивлены, что мастер Вало соизволил поинтересоваться у какого-то объекта номер такой-то его именем.) А после саги о множественности миров, для полноты эффекта, неплохо пострелять в самого себя из шаура, спрыгнуть с местной башни и не разбиться, выпить отраву и не умереть, с помощью детектора лжи обыграть их в «верю — не верю», забраться в бочку с водой, сидеть там и дышать. Хороший цирк получится, ядерн батон...

И все же Сварог оказался от столь заманчивой идеи.

— Если говорить коротко, то далеко простираются, — смиренно возвестил он. — Все мои возможности неизвестны даже мне. Они раскрываются по мере необходимости. Перечисление же того, чем я владею, займет слишком много времени, а я не смею отнимать его у почтенного Совета.

Подтекст подразумевался следующий: «Я нужен вам, а мне нужны выгоды. Вот и давайте поговорим о выгодах — и о том, возможна ли наша сделка в принципе».

— Мне известно, что вы до сих пор приобретаете необходимые вам вещи в лавках, — улыбнулся мастер Вало, показывая, что уловил тайный смысл. — Это называется у вас торговля, она имеет свои законы, и я понимаю, что вы привыкли переносить законы торговли на иные сферы общения... Хорошо, мастер Сварог. Из сегодняшнего заседания Совета вы уже поняли, что на Граматаре находится некий Ключ. Ключ позволит дамургам достичь Цели. Что это за Цель — вам знать не обязательно, это наше частное дело, касающееся исключительно дамургов. Доступ к Ключу открыт весьма непродолжительное время, и часть этого времени уже прошла. Так что суть задания проста и недвусмысленна: Ключ нужно добыть. Остаются подробности... Какого рода подробности вас интересуют?

На скамьях недоуменно перешептывались. Заседатели в толк взять не могли, зачем вообще нужно разговаривать с объектом, почему он должен принимать участие в решении собственной судьбы?

— Как я понимаю, — осторожно сказал Сварог, стараясь не ляпнуть лишнего — из того, о чем ему удалось узнать у Ксави и о чем, по идее, он знать не должен, — раз Ключ до сих пор там, где его однажды забыли, задание не из простых... И это самое мягкое определение, которое можно к нему подобрать... Известно ли что-нибудь о препятствиях на пути к Ключу?

— Увы, нет, — охотно ответил мастер Вало. — После каждого всплытия все выглядит по-разному. В предпоследний, например, раз тагарту не удалось прорваться через необычное природное явление

ние, названное нами Утренняя Метель. А в следующий раз следующий тагорт на том месте, где погиб его предшественник, не обнаружил ничего опасного, зато кабелотах в пяти к бисте попал в ловушку Масок На Камнях и вернулся ни с чем... Собственно, вернулся не он — а только его телесная оболочка... Хотя Граматар поднимается со дна раз в тысячу лет, но мы бережем память обо всем, что происходит не только на Граматаре и не только в годы всплытий. Однако, уж поверьте, сведения о препятствиях прошлых всплытий вам не помогут, характер и места возникновения смертоносных новообразований не повторяются...

«Не врет, — отметил Сварог. — А жаль...»

— Я вас не очень расстроил? — спросил Вало.

— Что вы, что вы... — поклонился Сварог. — Но гораздо больше, мастер Вало, меня пугает другое обстоятельство. Магия, которой я владею, штука донельзя чувствительная... Если быть точным, она предельно болезненно реагирует на внутренние воздействия, к внешним будучи вполне стойкой. Это, знаете, как механизм в прочном корпусе... типа часов. Бей, колоти по этому корпусу, — часы идут как ни в чем не бывало. Но если что-то затронуть внутри, то произойдет сбой. И меня это весьма беспокоит...

На нормальном языке сие звучало так: «Я знаю про ваши игры с кровью, про то, как вы превращаете тагортов то ли в просто марионеток, то ли в зомби. Отсюда — главное и неперемное условие возможной сделки: никаких забав с моей кровушкой и им подобных штук». Вало должен понять, если такой умный. Ну а если не такой, то тогда тут вообще не с кем дело иметь...

Мастер Вало описал полукруг, заложив руки за спину и тем самым взяв паузу для непродолжительного размышления. Круто развернулся и сказал:

— О тагортах вы, разумеется, наслышаны, мастер Сварог. Да, мы набираем их из людей. Да, они выполняют наши поручения на земле. Обычно у тагортвов мы не спрашиваем согласия... Что ж, быть может, в том и состоит наш главный просчет — в том, что люди работают... под давлением и под контролем. Другое дело, когда они работают за свою мечту.

В зале зашумели. Чувствовалось, что мастер Вало нещадно и беспрецедентно ломает законы. Но дамурги его не перебивали, смельчаков не находилось. Держит, ох держит мастер Вало это сборище в ежовых рукавичках...

— Вы способны исполнить мечту, даже не зная, в чем она состоит? — спросил Сварог.

Вало развел руки в стороны.

— Обычно люди мечтают об одном и том же. И в случае успеха вашей миссии вы можете просить о многом. Понятно, жезл правителя Океана я в виду не имею, — но если вы попросите произвести вас в дамурги, предоставить вам собственное жилище и даже место в Совете... то, пожалуй, я могу вам это обещать... Какая же ваша мечта, мастер Сварог, не поделитесь?

— А если я хочу абсолютной власти на материке? — громко спросил Сварог. Рошаль рядом с ним едва слышно хмыкнул. — Хочу, чтобы новая история Граматара началась с короля Сварога Первого, которому бы повиновались все народы новой земли? По силам вам такое?

Шум на скамьях возрастал. Но ведь надо же было запросить что-то этакое. Чтоб не смельчить и не переборщить... И правды не сказать.

— Это нам по силам, — с жесткой серьезностью сказал мастер Вало, поднимая руку и тем самым успокаивая зал. — Мы можем обеспечить вам механизм влияния на тех правителей, что подчинят себе переселившиеся народы. А подчинив, в свою очередь, правителей, вы уж сами дальше решите — взбираться вам на большой трон под овации толпы или править, оставаясь в тени. Последнее не так уж худо, смею вас уверить... Впрочем, потом выберите сами, что лучше... Итак, ваши слова следует понимать как согласие взяться за задание?

— Мне поверить вам на слово? — Сварог изобразил вполне естественный скепсис.

— А вы хотите письменного договора? Уверяю, его сила менее действенна, чем мое слово, данное в присутствии Совета.

— Хорошо, тогда меня устроит ваше слово дворянина.

— У нас нет дворян, мастер Сварог, у нас все равны, — с оттенком укоризны, но при этом иронически кривя кончики губ, поправил мастер Вало.

— Ах да, я все время забываю... Тогда — слово дамурга и слово члена Совета.

— Я даю вам это слово. — Вало отвернулся от Сварога, обвел взглядом притихший зал. — Почтенный Совет! Перед вами человек, который может приблизить нас к Цели. Во имя Цели мы готовы на многое, мы готовы отступить от догм и условностей, мы согласны нарушить давний устав

нашей жизни. Потому что Цель... (Сварог подумал, что Вало скажет: «оправдывает средства») ...превыше всего. Теперь подумайте о варгах. Почему никто из вас сегодня не вспомнил о них? Неужели нас перестали волновать их назойливые потуги внести раскол в Совет, во все сообщество Островов? Учтите, они тоже знают о Ключе, и то, что их путеводной звездой не является Цель, еще не значит, будто они отказались от коварных планов везде и всегда вставать нам поперек дороги...

— Варги слишком глупы и неорганизованны, чтобы причинить нам серьезный вред, так что толку говорить о них? Мы ж не вспоминаем, собираясь в Океан, о волнах или акулах. Каждый из нас в юности был уверен, что способен изменить мир к лучшему, что старики заблуждаются. С годами это пройдет.

Сварог узнал голос оратора, который утверждал, будто сказочки про Ключ распускаются последователями какой-то «черной величины».

— С годами! А разве кто-то может поручиться, что варги уже не заполучили некое средство, открывающее им доступ к Ключу? — Вало удостоил оппонента лишь легкого поворота головы в его сторону.

«Еще и варги какие-то, — с тоской констатировал Сварог. — Расплодилось вас...»

— Кто-нибудь из нас может поручиться, что они не доберутся до Ключа раньше? А Ключ-то один. Значит, и обладатель может быть только один. И этим обладателем должны стать мы... Я обращаюсь к почтенному Совету и к председателю с просьбой выразить вашу волю. Согласен ли Совет с моим предложением оставить объект номер триста сорок

шесть в живых и привлечь его к миссии извлечения Ключа на обговоренных с ним условиях?

Председатель, на которого выжидающе смотрел Вало, не без труда, с явной неохотой поднял себя с диванчика и дребезжащим старческим тенорком слово в слово повторил последнюю фразу мастера Вало. Потом с облегчением плюхнулся обратно.

После чего состоялось голосование с местным уклоном. Оказалось, что дамурги выражают согласие, снимая и укладывая на колени свои накидки цвета старого золота. Несогласие — оставляя накидки на плечах. Голосовали только за или против, хитрой и трусливой позиции «воздержался» не предусматривалось. Надо ли говорить, что Совет единодушно, как на пленумах компартии, проголосовал за предложение мастера Вало?

— Теперь нам предстоит избрать дамурга, члена Совета, кто взял бы на себя ответственность за подготовку и исход миссии, — словно бы загодя зная о результатах голосования, сказал Вало. — Если Совет доверит эту работу мне, почту за честь. Но, может быть, кто-то другой, более достойный, сойдет вниз и назовет себя?

Наиглавнейшее слово — ответственность. Вало даже выговорил его вкусно, с удовольствием, понимая, как оно пугает владельцев золотых накидок.

Более достойных не нашлось. Да и не сказать, чтобы их особенно искали. Процедура голосования повторилась с прежним результатом.

— Польшен и тронут, — сказал Вало, сходя с «арены» и жестом приглашая Сварога сотоварищи следовать за ним. — С позволения почтенного Совета, я не стану откладывать дело, которое так

важно для всех дамургов. Счет идет уже даже не на недели — на дни... Прошу разрешения откланяться.

«Лихо, как говаривали в иных местах, „развел“ их Вало. Вот что значит удобренная почва, засевай ее чем хошь», — думал Сварог, двигаясь за Вало к выходу из Купола.

Глава третья

Кое-что о Дверях и Ключах

— Ох уж мне эти формальности. Одна необходимость выслушивать все эти бредни чего стоит... — зло бросил мастер Вало, сразу проходя к плетеному «бюро», на полочках которого стояли ряды одинаковых сосудов, похожих на высушенные тыквы и отличающиеся друг от друга лишь цветом пробок. Вало взял с пробкой ярко-красной, наполнил стакан пенистой жидкостью.

Они довольно скоро оказались в этом помещении: покинув зал, сделали каких-то пять шагов и свернули в узкий, по двое не пройдешь, коридорчик. У двери, которой заканчивался коридор, их встретил слуга, но, в отличие от ранее виденных, у этого в глазах не темнела стоячей водой рабская покорность. Взгляд этого был умным и внимательным... жестким и острым, как хирургический скальпель. На слугу он походил, пожалуй, только лиловой формой одежды, а в остальном — на верного и натасканного сторожевого пса.

Дверь свернулась на манер соломенных штор, пропуская их, как догадался Сварог, в рабочий

кабинет мастера Вало... Что ж, кабинет был обставлен в предельно аскетическом стиле. Только самое необходимое — в число чего входили сосуды с богатым ассортиментом неких жидкостей и некий предмет, не древний, гикорат Сварога на него не среагировал, но тоже из разряда странных: размером с пень вековой сосны розовая раковина, внутренность которой была словно бы залита зеркалом.

— Хотите пить — подходите, берите, — Вало провел ногтем по сосудам. — У меня без затей и церемоний... Без этих там — «почтенный Совет», «соблаговолите выслушать», «Ваша Мудрость»! — неожиданно рявкнул он. — А изо рта этой Мудрости, простите за натурализм, воняет, как из отхожего места...

Вало теперь и говорил по-другому, да и весь его вид уже ничуть не соответствовал внешности доброго диснеевского гнома. В его взгляд словно бы плеснули ковш олова.

— Это я так, — он махнул рукой, — пар выпускаю, как говорят у вас на броненосцах. Времени жалко. Не скрою, меня всецело устраивает т а к о й Совет. Самодовольный, недалекий, управляемый. Более того, я делал этот Совет под себя. На что ушел ни один год.

Сварог не стал спрашивать, сколько при этом ушло яда, пороха и слов из лексикона Макиавелли. А мастер Вало не стал об этом рассказывать.

— К делу, мастер Сварог. У нас, уж поверьте, мало времени. Вы хотите говорить наедине или в присутствии ваших...

Вало замялся, подыскивая подходящее слово, и Сварог пришел ему на помощь:

— ...моих спутников? Как вы уже, конечно, поняли, они отправляются вместе со мной.

— Ваше дело, — отмахнулся островитянин. — Но давайте сразу определимся по главному пункту. Поначалу, то есть на первых этапах вашей деятельности на Океане, я поддерживал тех, кто предлагал вас уничтожить. Отныне можете считать меня своим заклятым врагом, но вы, по-моему, человек разумный и должны обойтись без невыносимых страданий с мстительно прикушенной губой. Теплых чувств ко мне испытывать необязательно. Мы заключили сделку, она устраивает нас обоих, будем придерживаться ее условий, а больше ничего не надо.

Вало налил себе еще пенистого напитка — видимо, заседание Совета иссушило тайного диктатора. Олес, единственный из команды Сварога, кто тоже захотел водички, на всякий случай князь воспользовался тем же сосудом, что и Вало, а отпив, недовольно поморщился.

— Переломный момент — ваша победа над Синим Клювом, — как ни в чем не бывало продолжал островитянин. — После нее я подумал, что вы сможете нам пригодиться. А уж когда вы сумели скрутить этого недоумка Ксави, утвердился в своем мнении окончательно... Как видите, мастер Сварог, мне многое про вас известно...

— Почему же вы прямо тогда, после Клюва, не послали к нам гонца с предложением той же сделки? — подозрительно спросил Рошаль.

Вало прищурился, глядя на старшего охранителя, — раздумывал, наверное, стоит ли посвящать слугу тагорта в тонкости островной жизни.

— А что, закономерный вопрос, — подбодрил его Сварог.

Вало махнул рукой, сдаваясь.

— Не хочу вдаваться в наши сложности. Скажу только, что в последнее время все происходит не так гладко и радужно, как хотелось бы. И пусть вас не вводит в заблуждение та легкость, с которой сегодня Совет поддержал все мои позиции. Просто сегодня я все очень старательно подготовил... Видите ли, мастер Сварог, мы живем непривычной вам жизнью. Жилища дамургов могут в любое время покидать Древо, находиться в Океане сколько вздумается и быть где пожелается из хозяевам. Стало быть... — он замялся.

— ...стало быть, Острова могут сходиться сами по себе в любой точке Океана, а дамурги — вести праздные разговоры вдали от чрезмерного количества ушей... — озарило Сварога. — А где праздные разговоры, там и рукой подать до заговоров.

— Вот-вот. С вами, капитан Сварог, приятно беседовать... Жаль, особо некогда. — Мастер Вало никому не предлагал садиться. Не садился и сам, стоял возле «бюро». — Да, именно заговоры. Знаете, некоторые дамурги ищут приложение своим силам вовсе не там... И Совет в последнее время не так послушен, как в лучшие годы. Но, отправив за вами мастера Ксави, я немного поработал накануне нынешнего заседания, и, как вы убедились, небезуспешно. Хотелось бы, чтоб и ваша миссия увенчалась таким же успехом. Давайте говорить о ней. Или вас еще терзают неразрешенные вопросы, не имеющего прямого отношения к миссии?

— Всего парочка, пожалуй, — сказал Сварог. — Что такое Цель?

— Ах, Цель! — неожиданно весело воскликнул Вало. — Уж она-то имеет прямейшее отношение.

Правда, вы сами вряд ли проникнитесь ею. — Он помолчал, прошелся по «кабинету» от стены к стене. Круто развернулся, и сказал: — Верьте или не верьте, мастер Сварог, но рядом с нами существует другой мир, где материки под воду не уходят. Никогда. Вам это понять сложно, однако примите как данность: есть места, где людям не надо бегать туда-сюда, где они с момента Сотворения живут там, где жить им определил Пресветлый...

Сварог очень надеялся, что лицо его остается бесстрастным, однако что-то такое, очевидно, промелькнуло в его глазах, потому что мастер Вало вдруг стал очень серьезным.

— Я сказал — вы этой идеей не проникнетесь, — жестко рубанул он. — Достаточно с вас и того, что вы станете полноправным властелином на всем Граматаре. Пятьсот лет, согласитесь, достаточный срок, чтобы в полной мере насладиться властью, — особенно если учесть, что срок вашей, человеческой, жизни неизмеримо меньше... Да и нечего вам делать в другом мире, там...

Он вдруг замолчал. Молчали и остальные — потому что сказать, было по большому счету нечего. Тишина висела такая, что Сварог отчетливо слышал, как бухает сердце где-то около гортани.

Значит, островитянам известно, где находится выход на Тропу!

Вот уж действительно — не знаешь, где найдешь, где потеряешь...

— Ладно. Расскажу вам все, чтобы не было между нами кривотолков, — негромко сообщил Вало. — Во-первых. Существует один предмет —

из тех, что вы называете древними. Как и тысячи остальных, его принцип работы остается неясным, зато предназначение сомнений не оставляет. Это Дверь. Во время катаклизма — не важно, тонет Граматар или всплывает — что-то включается в ней, то ли сбой какой-то происходит, то ли еще что, но Дверь приоткрывается и демонстрирует панораму другого мира. Точнее — сухую, выжженную солнцем степь. Ни дерева, ни животных, ни людей за многие тысячелетия наблюдений мы там не увидели... Однако Дверь именно что приоткрывается — протиснуться в эту шелку нельзя, сколько мы не пытались. Можно только подглядывать... Во-вторых. Изучая древние предметы, мы наткнулись на данные о том, что этот другой мир стабилен, но необитаем, и люди, жившие на Димерее до первой Тьмы, беспрепятственно проникали туда и возвращались обратно — с помощью некоего Ключа. Что это за Ключ, как он выглядит, как работает — неизвестно; мы знаем только, что он находится на Граматаре, в тайнике, который можно открыть только в течение двух месяцев после всплытия, в так называемый Период Нестабильности. Мы знаем, где находится тайник — но проникнуть к нему пока не удавалось, тут Ксави вам не солгал. Мы знаем, как выглядит тайник — это какой-то форт, здание, построенное Древними, — из некоего жидкого камня, понятия не имею, что это означает... Как бы то ни было, наша Цель — уйти в этот мир. Основаться, обжиться, развернуться на твердой земле. И многие поколения дамургов жили подготовкой к Уходу. Вот зачем и во имя чего мы проводили и проводим опыты по быстрому превращению абсо-

лютно голой земли в пригодное для жизни пространство — с необходимым набором растений и животных. И сейчас мы полностью готовы к переселению, мы не боимся встречи с любым, самым неприспособленным миром — осталось немного: найти дорогу... Что скажете, мастер тагорт?

— Невероятно... — только и выдавил тагорт, с головой погруженный в осознание изложенного.

А вот лорд Сварог был погружен совсем в другие раздумья. Предводитель островитян не лгал, им и в самом деле удалось найти выход на Тропу... Но вот почему она, Тропа, ведет только в один мир? Где россыпь звездочек-миров, где Поток, который вынес его на Димерею? Или сейчас дверка и вправду лишь приоткрыта, а с помощью Ключа удастся распахнуть ее полностью и выйти в Поток?..

— И где же находится эта... Дверь? — недоверчиво спросил он, внутренне обратившись в слух.

Но Вало лишь хитро улыбнулся.

— Увы, мастер Сварог, я и так сказал много лишнего. Месторасположение Двери — секрет, известный лишь горстке посвященных. Я не имею права.

«Ладно, сокол, на эту тему мы еще поговорим... Позже».

— А вы сами... — начал суб-генерал и примолк, не закончив фразы.

Впрочем, главный островитянин понял его прекрасно.

— Верю, Пэвер, есть к тому все основания, — сказал, как припечатал, мастер Вало. — И очень желал бы, чтобы Цель была достигнута. Спроси, зачем лично мне это надо, когда и здесь вроде бы

живется неплохо, жаловаться вроде бы не на что?.. Отвечу. Но если не поймешь, вдаваться, уж не обессудь, не стану. Скучно, Пэвер. Нет движения, нет масштаба, нет большой игры, нет новизны задач, а есть лишь мелкая суета.

Пэвер машинально схватился за рукоять шпаги, набрал было в грудь побольше воздуха, чтобы в генеральской манере рывкнуть на зарвавшегося островитянина, который смеет обращаться к нему, боевому офицеру, на «ты», но Сварог поспешно наступил ему на ногу.

— А варги — это кто такие? — задал он второй обещанный вопрос, скептической улыбкой изобразив полнейшее неверие в легенды про какой-то там стабильный мир. Пусть себе думает, что Ключ интересен ему только как возможность получить граматарское царствование.

— Варги, они... Они входят в перечень известных трудностей, с которыми вы можете столкнуться. А можете и не столкнуться. Фрондеры, которых, видите ли, не устраивает сложившийся порядок вещей... О трудностях, с вашего позволения, мы поговорим чуть позже.

— Когда выступаем? — деловито спросил Олес.

— Завтра на рассвете. Одно из небольших жилищ доставит вас на берег и будет ждать вашего возвращения столько, сколько понадобится. Впрочем, если вы не вернетесь через восемь дней, я буду считать, что миссия провалилась. Так что все зависит только от вас... и от вашей экипировки. Вопросы закончились?

— Почему восемь дней?

— Потому что Период Нестабильности заканчивается, мастер Сварог. Примерно через восемь

дней тайник закроется — на очередную тысячу лет... Но этого времени вполне достаточно, чтобы добраться до тайника, изъять Ключ и вернуться к побережью — даже с учетом многих известных препятствий. Прошу сюда.

С тихоньким скрипом открылась еще одна дверь... да нет, какая там дверь — просто разошлась в стороны стена, открывая проход в смежное помещение. Комната была небольшой, и почти целиком ее занимал овальный стол. А на столе были разложены предметы, при беглом взгляде на которые никаких дельных предположений на ум Сварогу не пришло, как он ни пытался.

— Как в песенке: «В лабиринте, в лабиринте, где же выход из него», — пробормотал Олес себе под нос, за что удостоился неодобрительного взгляда Вало. Тайный диктатор держал Олеса и остальных за слуг графа Гэйра, и вряд ли был в этом переубеждаем.

— Времени действительно мало. Поэтому вам не придется отдыхать, а необходимые знания получите уже в дороге.

Вало остановился возле стола, оперся о него кулаками. Остальные разместились вдоль плетеного овала... Впрочем, другой диспозиции комната и не предусматривала.

— И опять же здесь вступают в силу наши внутренние сложности. Ваше присутствие в Древе служит дополнительным раздражителем тем силам, что играют в заговорщиков. Я подозреваю, что когда-нибудь они ворвутся в эти комнаты — но мне бы не хотелось, чтобы это случилось сегодня. Мне бы хотелось подготовиться и быть уверенным в исходе. Итак...

Мастер Вало взял со стола и встряхнул, разворачивая, нечто, более всего смахивающее на комбинезон с гидрокостюмом.

— Одеждой обеспечим всех, — сказал он. — А вот оружие, уж извините, в единственном экземпляре. Мы не рассчитывали, что вас окажется... несколько больше, чем один человек. Оружие, знаете ли, требует длительного... ну, скажем, изготовления.

— В своей одежке как-то привычней, — сказал Олес, с сомнением рассматривая комбинезон.

— Тогда останешься здесь, — резко бросил Вало. — Я не собираюсь ставить успех миссии в зависимость от капризов... уж не знаю кого.

— Я останусь в своем, — твердо сказала Чуба-Ху.

— Слушайте, вы... — начал было накаляться Вало, но Сварог быстро встал между ними.

— Пусть будет так, как она говорит. В конце концов, нам за Ключом идти...

Некоторое время Вало тяжело сопел, глядя на Сварога, потом вдруг сдался.

— Мне докладывали, что вы в высшей степени непростые люди, но... — сказал он задумчиво. — У меня нет времени спорить. Возможно, команде удастся то, что не удавалось одиночкам, мы никогда не посылали одновременно несколько тагторгов — может быть, в этом была наша ошибка... Тем более таких тагторгов... Но просто запомните, что без риксы вы не сумеете проделать путь быстро и будете так же уязвимы, как черепаха без панциря. Покрой не совсем для вас обычный, но эта ткань не промокает, нейтрализует раздражающее воздействие выделений потовых желез, согревает, когда холодно, а также способна защитить от относительно высоких температур...

Сварог пощупал расхваленную ткань. Верх шершавый, подкладка напоминает поролон. И главное — пальцы не нащупали никаких вкладышей. Впрочем, потом придется досконально проверить костюмчик. Как-то не обнаруживает Сварог у себя полного доверия к мастеру Вало. Хотя зачем, спрашивается, мастеру Вало наспиговывать поклажу маячками и прочими творениями шпионской мысли?.. Но, милостивые государи, следует признать одно: экипировочка для марш-бросков что надо, любой спецназ с руками оторвал бы...

— Теперь стох.

Вало отложил риксу и взял в руки плотный, запутанный клубок сухих веточек размером с футбольный мяч. Повертел его в руках, показал Сварогу — в середине клубка помешался толстенький корявый сучок, подозрительно напоминающий кукиш.

— Стох — это компас, — пояснил Вало. — Компас, показывающий направление до форта — видите, как я его не поворачиваю, этот отросток смотрит в одну сторону. Там, в тайнике, есть много Древних Предметов, стох настроен на них...

— Значит, кто-то все же доходил до тайника? — быстро спросил Рошаль.

— Двенадцать тагортов — из трехсот сорока пяти. Но вот добыть Ключ и с Ключом вернуться... Дальше. Карта Граматара, сами понимаете, составленная в предыдущий цикл и потому не являющаяся безукоризненной, находится в вашем, мастер Сварог, ругтале. Ругталь — это заплечный мешок, его тоже получит каждый. Там же двухдневный запас воды и продовольствия...

«Карта уже в рюкзаке? А ведь полководец, по идее, должен был бы проложить курс, потыкать карандашом в точки „А“ и „Б“... И очень уж многое откладывает на потом. Не означает ли сие вполне определенного сорта сюрприз, который готовится преподнести мастер Вало?..» Кажется, Сварог начинал кое о чем догадываться.

— Наконец, оружие. Ваш метатель звездочек, мастер Сварог, несомненно, хорош для борьбы с нежитью, однако реального крупного зверя с толстой шкурой остановит далеко не сразу. Шпаги и метатель оставьте при себе, а мы дополнительно решили снабдить вас катралом. Вот он.

Мастер Вало взял в руки нечто, до слез напоминающее... ну да, флейту Пана — несколько соединенных вместе полых деревянных трубочек разной длины, — дудишь в них и наслаждаешься музыкой. Трубочек у нынешнего инструмента Сварог насчитал шесть.

— Условий для успешного выстрела из него немного: цель должна быть теплкровной, размером не менее... скажем, стоха и находиться на расстоянии не больше тридцати каймов от стрелка. Принцип действия объяснять не буду, а стрелять просто. Подносите катрал ко рту, направляете примерно в сторону цели и делаете резкий выдох. И все. Остальное сделает пуля. Она сама найдет цель и уничтожит ее.

— Сама найдет? — недоверчиво прищурился Пэвер. — Магия, что ли?

Вало поморщился.

— Попрошу не перебивать. Никакой магии. Наша наука в сочетании с некоторой технологией древних. Катрал рассчитан на шесть зарядов, заря-

жать отсюда. Здесь, — он указал на неприметный холщовый мешочек на столе, — ровно сто спор в а й а к а, специально выращенного нами растения-паразита. В сухом виде они абсолютно безопасны, но попав в питательную среду, немедленно активизируются — с огромной скоростью разлетаются в разные стороны, причем не абы как, а стремясь вонзиться в теплокровное существо, буде такое к своему несчастью окажется поблизости. После проникновения под кожу включается ген ускоренного роста, и за несколько секунд вырастает новая вайака... внутри жертвы. Разрывая внутренние органы в лоскуты. Я не очень сложно излагаю? — с издевкой поинтересовался он у Пэвера.

Пэвер промолчал, и Вало соизволил продолжить: — Одним из компонентов питательной среды для них служит слюна человека, другим — сок, выделяемый внутренней стенкой стволов катрала. Таким образом, когда вы делаете выдох, капельки слюны активируют спору, та набирает нужную скорость и уничтожает цель в считанные мгновения. Так что постарайтесь не брызгать слюной без надобности... Держите, мастер Сварог.

Сварог с опаской принял катрал и мешочек со спорами. Осторожно развязал узелок, заглянул одним глазом. Споры были этак сантиметр в длину, закругленные с одного края и острые с другого. Да уж, те еще ноты для флейточки...

— А сейчас, — сказал Вало, — позвольте представить вам человека, который отправится вместе с вами.

«А вот и сюрприз», — подумал Сварог, не испытывая особых восторгов по поводу собственной догадливости.

— Это еще один пункт нашей сделки, без которой она состояться не может. Тем более, мастер Сварог, что я не возражал по поводу участия в миссии ваших... спутников...

«Ах вот, оказывается, почему ты не возражал», — промелькнуло у Сварога.

— Скажу откровенно, — продолжал Вало, — этот человек будет не только вашим проводником, но и... своего рода наблюдателем. На тот случай, если вам, мастер Сварог, придет в голову мысль уклониться от выполнения миссии. На этот случай им получены четкие и недвусмысленные рекомендации. Кроме того, он знает о Граматаре достаточно, чтобы избежать некоторых... ну, скажем так, известных ловушек.

Еще одна стена разошлась в стороны, и в помещение ступил... ступила... Да, все-таки женщина, хотя Сварог определил ее пол исключительно по кое-каким особенностям фигуры — поскольку прочие критерии отсутствовали напрочь. Одетая в плотно обтягивающую тело риксу, жилистая, широкоскулая, стриженная «ежиком» почти наголо, она остановилась посреди помещения и оглядела присутствующих дерзким взглядом чернущих глаз.

— Прошу знакомиться, — сказал Вало. — Это Кана, мое доверенное лицо и ваш проводник. Один из лучших воинов на Островах.

Кана сдержанно поклонилась.

За спиной Сварога недвусмысленно хмыкнул Олес. Сварог же хранил каменное молчание и просто разглядывал девку — после памятной истории с Марой он уже не доверял первому впечатлению. А впечатление было таково: молодая, взбалмошная и пороха не нюхала. Хотя на самом деле она

наверняка могла и в горящую избу войти, и коня на скаку припечатать так, что тот уже не встанет, и взвод ниндзя размазать по кустам.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Восемьдесят шесть, мастер капитан, — ответила она низким грудным голосом. А выглядела на восемнадцать—двадцать.

— На Островах срок человеческой жизни несколько другой, — вставил Вало, увидев отвалившуюся челюсть Сварога. — Мы умеем заботиться о своих телах...

— На суше бывала? — спросил Сварог у старушки.

— Трижды, — ответила та. — В общей сложности девять лет провела на Атаре — из них четыре в качестве тагорта и пять в качестве личного охранителя короля Вильнура.

Он достал шаур.

— Что это за штука, знаешь?

— Оружие. Мастер Вало говорил, что стреляет серебром.

— А вот ежели я сейчас, к примеру, выстрелю в тебя — что делать будешь?

Она едва заметно пошевелилась и преспокойно ответила:

— Уйду с линии огня, перемещусь поближе и постараюсь выбить его. Если не получится, откучусь за стол, который опрокину по дороге, и контратакую — уже из укрытия... — Кана лукаво усмехнулась. — У вас, прошу прощения, не очень выгодная позиция, мастер капитан. Женщина справа окажется на траверзе стрельбы, а молодого человека я использую в качестве живого щита.

— У тебя есть оружие?

— Да.

— Ну и где оно?

Она показала пустые ладони.

Сварог ухмыльнулся и спрятал шаур. Проверять ее слова он не стал на практике — опять же памятуя о несколько унижительном для мужчины знакомстве с Марой.

— Вы удовлетворены, мастер Сварог? — весело поинтересовался Вало.

— Безмерно, — ответил Сварог. — А вы ей ска-
зали, кто в замке король?

— Простите?..

— Кто командир и чьи приказы не обсужда-
ются.

— О, не беспокойтесь, мастер Сварог. Кана знает субординацию и привыкла подчиняться. Если я доверяю ей, то и вам нет резона ей не доверять.

— А если я не доверяю вам? — спросил он напрямую.

Вало пожал плечами.

— А что вам еще остается, мастер Сварог? В конце концов, вы добровольно согласились помочь нам и найти этот проклятый Ключ.

«Чтобы попасть в Дверь — да, добровольно», — подумал Сварог. Но говорить этого вслух не стал.

Не спалось. Он лежал на жесткой колючей циновке, расстеленной прямо на полу, смотрел в ночное незнакомое небо и размышлял о превратностях бытия. Дерево тоже не спало — так, дремало, ворочаясь в полузабытьи. Отовсюду, заглушаемые лишь храпом прожженного вояки Пэвера, который готов был завалиться на боковую в любом месте и в любое время, если позволяла ситуа-

ция, — прекрасно зная, что завтра ситуация может и не позволить — так вот, отовсюду то и дело доносились едва слышные поскрипывания, шорох, шелест и тихий треск; Остров, покачиваясь на волне, продолжал жить своей жизнью — рос, питался, отращивал новые ветви взамен увядшим, и дела ему не было до горстки людей, расположившихся на ночлег в его кроне.

— Что думаете, мастер Сварог? — негромко спросил лежащий рядом Гор Рошаль.

— Одно из двух, — шепотом сказал Сварог, ждавший этого вопроса. — Либо у этого Вало действительно слишком мало времени... — Он замялся, и старший охранитель тут же подхватил мысль:

— ...либо у него скорпион в протянутой руке.

— Это в каком смысле?

— Газдарская поговорка. В том смысле, что он готовит для нас какую-то пакость. Вы заметили, что он ни словом не обмолвился о награде для нас, ваших соратников, которые впечатления слуг отнюдь не производят?

— А то как же... — вздохнул Сварог.

По соседству заворочался Олес, забормотал что-то во сне.

— А как насчет оборотня? — не унимался Рошаль. — Думаете, Вало не понял, что она — не простой человек? И почему он с такой легкостью согласился не вязать вас кровью? Поверил, что вы приметесь честно выполнять его задание — за эфемерное обещание мирового господства? Раз-два, тяп-ляп — вот вам, гости дорогие, костюмчики в размер, вот деревянный пистолетик, вот компас и карта. Вам, барышня, не понравился костюмчик? Ну и не надо, оставайтесь в платье. И давайте-ка

живенько принесите мне игрушку, которую никто другой до вас найти не смог — только смотрите не смойтесь по дороге, а то я плакать буду... Нет, граф, так не бывает.

— Возможно, у него действительно нет времени, мастер Рошаль, — сказал Сварог неуверенно. — Период Нестабильности вот-вот закончится, еще и какие-то заговорщики под ногами мешаются, очередного тагорта обучить не успели — вот и приходится довольствоваться тем, что есть, иначе — ждать еще тысячу лет...

— А почему именно на этот раз не успели? Ведь они, островитяне эти, должны готовиться к приходу Тьмы за несколько лет, если не десятилетий, они, в отличие от простых людей, знают, что Тьма неминуема, что Граматар всплывет — как всегда, как обычно... И эта его баба стриженная... Ох, чует сердце старого сторожевого пса, граф, что в ручонке у нашего друга Вало целая стая скорпионов...

— Но пока-то мы ничего изменить не в силах. Нам главное отсюда вырваться и на Граматар попасть; а там и будем посмотреть.

— Так сначала ведь попасть надо, — сказал Рошаль. — Костюмчики эти, компас какой-то дурацкий — балаган в Лиме, право слово... Любезно вас прошу, вы хоть этот свой карт... катар... как его, черт, зерно мет испытайте в деле, что ли...

— На ком?! Нет, масграм, давайте-ка спать. Утро — оно, видите ли, завсегда мудренее.

Рошаль горестно вздохнул. А ведь он, милорды, с одной стороны прав. Целиком и полностью прав — не подкопаешься. А вот с другой стороны... С другой-то стороны Сварог не заметил

в словах Вало ни тени лжи. Ох уж эта мне большая политика...

Он закинул руки за голову.

Нет, не спалось.

Глава четвертая

Господа нарушители государственной границы

Наверное, Сварог должен бы испытывать чувства, сходные с теми, что обуяли Колумба, когда тот наконец смекнул, что находится ни в какой не в Индии, а стоит на берегу острова, Европе до сей поры не известного. Наверное. Однако единственное, что сейчас переполняло его сердце, было упоительное ощущение твердой земли под ногами. Он и не подозревал, что это столь приятно: стоять не на ходящей ходуном палубе бронированной посуды, не на мобильном Острове, а на самой что ни на есть настоящей суше, которая не брыкается и не собирается топором уходить под воду — по крайней мере, в ближайшие пятьсот лет... И хотя эта самая суша, честно говоря, подчас еще вздрагивала, иногда еще колыхалась и ворочалась, поудобнее устраиваясь на новом месте, но все понимали, что это лишь отголоски затихающего катаклизма, эхо уже прекратившейся бури... И хотелось красиво пасть ниц да поцеловать ее, обетованную.

— Не стоит, граф, — сказал Рошаль, безглаголиво поднимая куцый воротничок риксы: ветер из глубин новоявленного материка дул сильный и от-

нюдь не свежий — в воздухе воняло дикой смесью сероводорода, йода и гари. — Все равно мы здесь не первые. Первыми, прошу заметить, были наши друзья из Клаустона... Это как минимум. И это, к тому же если не считать всех тех, кто жил на Граматаре в предпоследний Цикл. И в предпредпредпоследний. И...

— А вам никогда не говорили, маскап, что вы неисправимый романтик? — перебил Сварог. Щенячий его восторг как рукой сняло. — Нет, право, вот умеете вы найти нужные слова в нужную минуту, что есть, то есть, этого у вас не отнять...

Гор Рошаль обиженно замолчал. «Интересно, — вдруг подумалось Сварогу, — он переложил в риксу все то, что прятал в потайных кармашках любимого плаща? А что, наверняка. Тем более что в этой риксе карманов и кармашков — как блох у бродяги...»

Все шестеро первопроходцев стояли на каменистом берегу свежевсплывшего материка. Точнее, не каменистом, а практически сплошь каменном. Лишь жалкие полоски песка и гальки в трещинах и выбоинах — ну да, ну да, всякая мелочевка вымыта океаном, и пройдет не один десяток лет, пока ветер и волны перетрут камень в новый песок... Далеко впереди, впрочем, виднелись свежая травка, кустики да молодые деревца, а еще дальше, на самом горизонте, подножья горы были укрыты плотным зеленым покрывалом — не иначе, лесами. И, не иначе, уже населенными всяческой дичью, а также хищниками, кои этой самой дичью питаются. Ну да, вон там, у нижней кромки облаков над горой чернеют какие-то парящие точки — вроде бы, птицы... хотя слишком уж большие для птиц, если только

перспектива тут не искажена. Чем-то напоминают пташку, которую он узрел во время путешествия в Митрак — с хвостом и перепончатыми крыльями... Как там ее Клади обозвала — рихар, что ли?.. Во всяком случае, надо отдать должное бродячим островитянам: какие бы свои цели они не преследовали, переселенцам с Атара не придется, по крайней мере, ютиться на голом камне, питаясь исключительно рыбкой, водорослями и прочими дарами моря — в ожидании, пока лет эдак через пятьдесят вырастут плодоносящие деревья и расплодятся мясодояющие животные...

Видимость была превосходной, и отсюда, с берега, открывающаяся их глазам панорама потрясала всякое воображение: берег был достаточно пологим на многие кабелоты в глубь Граматара; потом, в невообразимой дали и синеватой дымке, холмистая равнина плавно вздымалась вверх, переходила в предгорье, а еще дальше — исполинским вытянутым конусом упиралась в зенит величественная гора, такая громадная, что ее вершина скрывалась в плотных, размазанных по небу тучах. И там, в этих тучах, что-то такое происходило, тучи клубились вокруг вершины в беспрестанном хороводе, ворочались, пронизываемые фиолетовыми всполохами, облизывали крутые склоны дымными языками. Там, в горных глубинах, еще всю продолжались некие тектонические процессы... И наверняка это была не гора, а целая горная система, но отсюда, с берега, создавалось полное впечатление, что Граматар увенчан посередке одним-единственным пиком — зато таким, что, увидев его, всякие там Джомолунгмы и прочие Эльбрусы должны немедленно удавиться от зависти...

Хотя, кто может знать, с другой точки обзора Граматар, вероятно, являет собой совсем другую картину. Однако ясно одно: Граматар есть не брат-близнец Атара.

— Что-то не видать торжественного комитета по встрече, мастер будущий король, — мрачно сказал Олес, оглядывая пустынный, ветром продуваемый берег. — А обещали-то — со всем радушием...

— Ну, может, они в глубь материка подались, — не очень уверенно сказал Пэвер. — Я б, например, на их месте так и поступил. Ждать, что ли, на берегу, пока другие приплывут? Осваиваться надо...

А и в самом деле, это было немного странно. Дож Тольго, высаженный на берег — в этом самом месте, никакой ошибки, — клялся и божился, что встретит Сварога сотоварищи после переговоров с островитянами самым что ни на есть торжественным обрядом посвящения его, Сварога, в короли. Однако ж ни следа спасенных клаустонцев в радиусе нескольких кабелотов не наблюдалось. За прошедшее-то время могли бы шалашики какие-нибудь соорудить, что ли, тенты хотя бы натянуть — парусина-то у них была. И ведь, что интересно, чувство опасности молчит, как убитое... Одно из трех: либо с клаустонцами приключилось что-то такое, что для Сварога не представляет ни малейшей опасности, либо ничего с ними не приключилось и они действительно решили просто-напросто переместиться в другие края, благо места предостаточно... Либо — Ксави каким-то образом обманул сигнализатор лжи Сварога и загнал переселенцев в ловушку.

— Чуба, что скажешь? — повернулся Сварог к гуапу.

Чуба-Ху, нынче пребывающая в ипостаси человека, задумчиво огляделась, понюхала воздух.

— Странные запахи, — сказала она. — Много незнакомых, других... Но, кажется, не опасные. А люди тут были. Несколько дней назад. Теперь ушли.

— Кана?

— Надо идти, — только и ответила бритоголовая островитянка, не отрывая взгляда от укутанного тучами горного пика.

— Умнейшие слова, — усмехнулся Сварог. — Ладно, разберемся. В конце концов, у нас другая боевая задача. Олес, на-ка, держи подарок.

И под неодобрительный взгляд Каны он протянул князю катрал: как ни крути, а проверенный в боях шаур был ему как-то привычнее. Олес же принял оружие как ребенок новую игрушку, гордо осмотрел со всех сторон и, сияя, сунул за пояс.

— Вот за это, капитан, — наше вам княжеское спасибо!

— Справишься если что?

— А то! В детстве, помню, мы из плевательниц воробьев на лету сшибали — дробинками...

— Только слюной не закапай ненароком. Так, дальше... — Он достал стох, повертел клубок веточек так и сяк. Корявый сучок, похожий на кукиш, упорно указывал в сторону великанской горы. — Ага, значит, нам туда дорога.

Вот смеху-то будет, если тайник окажется на самой верхушке этого пика...

Сварог сверился с картой — старым и порванным по краям куском пергамента, еще, впрочем, достаточно прочного, с не выцветшими красками, умели же раньше делать, не то, что сейчас — при-

вязался к местности, не мудрствуя лукаво погтем прочертил курс. Если верить карте, изготовленной в прошлом тысячелетии, вообще никакие опасности впереди их не караулили. Эх, хорошо бы так было на самом деле... Область, где примерно должен находиться форт «из жидкого камня», располагалась кабелотах в ста пятидесяти от побережья и на карте была отмечена желтым кружком. Что в реальном масштабе соответствовало зоне поисков кабелотов этак в двадцать... Он спрятал карту в рюкзак, пардон, в рутгаль, сверху осторожно угнездил ломкий стох, закинул «сидор» на плечо и обернулся к родному экипажу. Картинка была та еще: в риксах-«гидрокостюмах», со шпагами на боках экипаж выглядел... мягко говоря, странно. Если не сказать хуже. И, что любопытно, десантник-оборотень по имени Чуба-Ху в своем обычном, простеньком платышке на их фоне смотрелась, наоборот, вполне естественно и нормально. Впрочем, как правило, броники и «камуфляжи» человека не красят — у них несколько другая цель...

Он посмотрел на покачивающийся у линии рифов Остров (не Остров, а так — островок), сделал ему ручкой, после чего браво подмигнул экипажу:

— За мной... пяхота.

...По мере того как растянувшийся колонной отряд продвигался в глубь суши, характер местности менялся. Появлялась травка, чахлые кустики уступали место низкорослым деревцам, а то и целым рошицам. Здесь, среди зарослей, ветер поутих, да и смердел поменьше. Впереди виднелись скалы

и холмы, поросшие уже настоящим лесом, где-то слева по курсу угадывалась речушка, солнышко жарило с безоблачного неба... Над головами промелькнула стайка каких-то мелких пичуг, чуть погодя Сварог заметил суслика — замерши столбиком у своей норы, зверюшка проводила пришельцев взглядом, в котором испуга не было напрочь — судя по всему, эта двуногая разновидность фауны ей еще не встречалась... Благодать и пастораль была бы, честное слово, если б не кое-какие детали ландшафта, превращающие сей райский уголок в форменный сюр. Вышеозначенный суслик, к примеру, устроил себе жилище не где-нибудь, а аккуратно под сенью скелета какой-то крупной, явно океанской рыбыны, травка росла среди куч полусгнивших водорослей, по соседству с кустом растения, напоминающего жимолость, горделиво белел кустик коралла, а камни и более-менее сухие участки суши покрывал тонкий беловатый налет (экспериментальным путем Сварог определил, что это есть соль морская, обыкновенная, выпаренная), и так далее, и так далее... Все это, понятно, свидетельствовало о том, что не так давно сии места были скрыты под многокилометровой толщей воды, однако ощущение нереальности окружающего меньше отнюдь не становилось. Нет, все-таки ничем Граматар не был зеркальным отражением своего брата, почившего в океанской пучине. Совершенно другой мир... чуждый и непонятный.

Сварог достаточно быстро включился в ритм, но неизвестно, — выдержат ли остальные такую скорость, поэтому он старался не увлекаться и постоянно на спутников оглядывался. Спутники,

хвала местным богам, темп пока держали — впрочем, еще не вечер, посмотрим, что будет, когда они углубятся в настоящий лес, коий, чуяло сердце, походил на лес так же, как вон та высушенная актиния на простую крапиву. Олес, шалопай, даже насвистывал что-то бравурное; свой рюкзак-ругаль, который Сварог набил полезными вещами под завязку, справедливо рассудив, что молодому князю лишние нагрузки только на пользу, он нес на одном плече, да еще и лениво отмахивался веточкой от мошек. Пэвер тоже держался молодцом, дышал правильно и пер вперед как танк — организм суб-генерала, в последние годы измученный вином и прочими излишествами, вспомнил, видать, боевую пехотную молодость. Чуба в образе волка чутко скользила чуть в стороне от маршрута основных сил, ее серая в подпалинах спина мелькала среди деревьев. Бритоголовая Кана замыкала отряд; ну о ней-то, знатном растениеведе здешних мест, Сварог беспокоился меньше всего, шла она ровно и четко, сучок под ногой не хрустнет, травинка не шелохнется — вот что значит всю жизнь прожить на деревьях, пусть и плавучих...

А вот Гор Рошаль понемногу сдавал. То есть, пока-то крепился, двигался наравне со всеми, сжав зубы, но Сварог заметил, что его лицо, и без того румянцем не пышущее, стало белым и оплывшим, ручейки пота побежали по щекам, взгляд потух, а дыхание... дыхание и вовсе было ни к черту. «Да уж, кабинетная жизнь до добра не доводит», — мудро подумал Сварог. Вот Рошаль споткнулся, раз, другой...

Сварог, не останавливаясь, сверился с «компасом», потом посмотрел на вдруг потемневшее небо. Набежала тень — солнце ушло за тучи над Горой.

Значит, будем считать, полдень. Кабелотов десять, значит, отмахали. Ладно, еще кабелот — и привал. А то удар хватит мастера старшего охранителя... Кстати сказать, в своем обычном плащике он не прошел бы и половины пути — но рикса в самом деле оказалась чудо-костюмом, ни жарко в нем и не холодно, в самый раз, спасибо, дорогие островитяне, не обманули...

За ним идут сыны войны
Лавиною сплошной,
Как львы сильны и голодны,
На промысел ночной.

Через холмы их путь лежит,
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились...

— тихонько запел Олес, вконец обнаглев.

Сварог собрался было сделать ему замечание — мы, дескать, не на загородной прогулке, — но передумал. В конце концов, пока их поход в земли, полные опасностей, чудовищ и незнакомой магии, напоминал именно что загородную прогулку, Сварог начал даже беспокоиться по поводу отсутствия неприятностей...

И — как накаркал. Они как раз вышли к небольшому распадку среди голых скал, Сварог уже поднял руку, намереваясь скомандовать привал, и тут Чуба-Ху выскочила из кустарника наперерез отряду, остановилась на пути Сварога и застыла, приподняв переднюю лапу — ну чисто охотничья собака, почуявшая дичь. Остальные молодцы моментально остановились, замерли в ожидании приказов. Несколько секунд Чуба напряженно ню-

хала воздух, потом медленно повернула голову, посмотрела в глаза Сварогу.

— Что? — тихо спросил Сварог.

Чуба-Ху в сомнении наклонила голову набок и тихонько зарычала.

— Не понимаю.

— Тут недавно были люди, — вдруг подала голос Кана. — Я чувствую...

Олес, враз став серьезным и собравшись, аккуратно опустил рюкзак (то есть ругталь), достал из-за пояса катрал, метатель смертоносных спор. Чуть погодя о землю звякнул и ругталь Пэвера. Рошаль дышал так, что слышно было, наверное, за три кабелота.

— Это правда? — спросил Сварог у волка.

Чуба кивнула.., а потом отрицательно покачала головой.

— Загадками говоришь, — нахмурился Сварог. — А не хочешь принять человеческий облик и рассказать понятным языком?

«Нет», — опять покачала головой Чуба.

— Ну и ладно, так поговорим. Это наши друзья из Клаустона?

«Нет».

Начинается...

— А... это точно люди?

Кивок: «Да».

— И то слава богу... Давно они были здесь?

Волчий взгляд в глаза: ни да, ни нет.

— Да что за ерунда... — И тут его осенило: — Погоди-ка... они все еще здесь?

«Да».

Ну точно: начинается. Сварог, по возможности хладнокровно, достал из кармана шаур. И спросил:

— Где?

Чуба странно передернулась — он не сразу понял, что она пытается пожать плечами: «Не знаю».

— Ага, так вот почему ты не хочешь перевоплощаться. Умница... Сколько их, можешь определить?

Чуба трижды приглушенно твякнула и помотала башкой.

— Минимум трое, да?

«Да».

Вот так, блин, и осваивается язык зверей и птиц...

— Массаракш... Они нас видят? — спросил он.

«Не знаю...»

Сварог повернулся к Кане:

— А ты как думаешь?

Взгляд лесной воительницы затуманился, она очень похоже покачала головой и сказала с расстановкой:

— Я не знаю. Я просто чувствую, что здесь были люди. Там, впереди. Они примяли траву. Они рубили сучья. Они жгли костер. У них есть животные. Животные плохо пахнут. Не злые, но глупые. У людей есть металл, ткань, кожа... Больше не знаю.

Сварог — сначала по-простому, потом с помощью «третьего глаза» — оглядел вздымающиеся по обе стороны скалы, пушистые от соли и кое-где поросшие лишайником (в трещинке трогательно застряла высушенная солнцем морская звезда), и не обнаружил ни следа чужого присутствия. Либо те очень хорошо умеют прятаться, либо... Но чувство-то опасности безмолвствует. Либо в самом деле никакой угрозы, либо...

— Так, потихоньку за мной вперед, — решился он. — Смотреть в оба!

— Граф... — внезапно ухватил его за локоть Пэвер. — Граф, разрешите обратиться...

— Мастер суб-генерал, ну какого дьявола... — скривился Сварог. — Ну что за унтер-офицерские замашки...

— Да-да, извините... — Пэвер развернул Сварога спиной к распадку и быстро проговорил: — А вот знаете, граф, что бы я сделал, если б хотел запереть нас здесь?..

Сварог помедлил, а потом тихо обернулся. Ах ты ж бляха-муха... Теперь, после слов генерала, невинно выглядевший распадок предстал перед его глазами в ином свете. В самом деле, ай-ай-ай, как же он сам-то не допер! Вот что значит отсутствие практики полевого командира и наличие практики исключительно монарха, которая в подобных ситуациях нужна, как хромоту скрипка... Ведь достаточно один пулемет (да хоть и одного арбалетчика) поставить вон на тот уступ, а второго укрыть вон в тех зарослях с другой стороны, и... и любой, кто войдет в ущелье, окажется мало что как на ладони у стрелков, но еще и отрезанным от выходов из распадка: кинжальный огонь с обеих сторон закроет ему путь и туда, и туда. Еще шаг — и они могли оказаться в ловушке...

Ну? И что прикажете делать? Вокруг тишь да гладь...

Он достал стох — кукиш недвусмысленно указывал, что идти надо только вперед. То есть по распадку. А вот индикатора расстояния до Ключа деревянный компас не имел, так что, вполне возможно, искомое находится где-нибудь рядом, буквально в пяти шагах в глубь ущелья... Сварог еще

раз огляделся — никого и ничего, совсем как в советских магазинах. А если кто и есть, то почему не нападает?... Не торчать же здесь до утра, как шесть тополей на Плющихе...

— Движение! — негромко подсказала Кана.

Но Сварог уже и сам видел: по левому склону прошуршали мелкие камушки, как мука пыхнуло облачко соли, а следом, оскальзываясь и спотыкаясь, путаясь в перевязи, вниз спустился человек (несомненно человек!) — в сером поношенном камзоле, кожаных штанах, порванных на коленях, и кожаном шлеме, увенчанном плюмажем из маскировочных веточек. Скатившись на дно распадка, он бодренько вскочил на ноги, выхватил из кармана красный платок и, размахивая им, двинулся в сторону Сварога. Сварог предусмотрительно поднял руку, но и без этого никто стрелять не стал*.

— Неужели абориген? — тихо спросил Олес.

— Быть того не может, — так же тихо, но не очень-то уверенно ответил Пэвер.

Не доходя шагов десяти до отряда, парламентар остановился, цепко оглядел замерших в ожидании пришельцев и, в общем-то вежливо, спросил:

— Прошу простить, добрые господа, но не находится ли среди вас некий мастер Сварог?

* Согласно легенде, король Лонимургт V во время войны Восьми Княжеств (Атар, 223 г. последнего Цикла), отстав от основных сил, был ранен в плечо и прикладывал к ране платок все время, пока рота охраны вытаскивала его из Карстских болот. Спустя несколько дней на сильно поредевшую роту случайно наткнулся диверсионный отряд Альгамских стрельцов, подданных короля Вилла, союзника Лонимургта. Поскольку алые цвета Лонимургта были неразличимы под слоем грязи, король принялся размахивать красным от крови платком и тем самым дал стрельцам понять, что перед ними свои. С тех пор кусок красной ткани служит на Димерее сигналом к переговорам или перемирию.

Ежели честно, то нельзя сказать, что Сварог был очень уж удивлен, и что упоминание собственного имени вызвало в его душе какие-то особенные переживания. Например, гордость — от осознания того, что первый же человек, встретившийся им на Граматаре (покамест долженствующим быть абсолютно необитаемым — если вы еще не забыли), оказывается, жить не может без него, без Сварога... На том самом, заметьте, Граматаре, куда сам Сварог прибыл всего-то несколько часов назад и без всякой помпы. Но вот дорого бы он сейчас дал, чтобы узнать, о чем думают его спутники... Впрочем, судя по гробовому молчанию за спиной, спутники ни о чем не думали, обратившись в соляные столбы.

— Это смотря кто спрашивает, — дипломатично ответил он.

Человек снял каску и отвесил поклон, по плечам рассыпались длинные, тронутые сединой лохмы. Лет пятидесяти, был он невысок, широкоплеч и, судя по щетине, не брился день этак третий.

— Арок Тегрес, лейтенант восьмого Зеленого отряда, — отрапортовал он. — С кем имею честь беседовать?

— А что это такое — Зеленый отряд? — бесхитростно спросил Сварог.

И получил любезный ответ:

— Пограничная служба королевства Фагор.

Что самое смешное, он не врал. Пограниц, во как. Приплыли, называется, — на необитаемый материк...

— Нет, ну ты посмотри, опередили, — потрясенно воскликнул оттаявший Пэвер. — А я-то думал, мы первые...

Гор Рошаль шикнул на него.

А Сварог вдруг вспомнил пикейных жилетов из кабачка в Митраке, столице Гаэдара, где он и Клады дожидались, пока соизволит проспатьсь похмельный субгенерал, — тучи над Атаром тогда еще только начинали сгущаться. Точнее, вспомнил он газету, которую вслух читала тамошняя знать, — на счет того, что король Фагора, кто-то там Четвертый, отправился на увеселительную морскую прогулку, причем вместе с семьей, всеми родственниками, свитой и под прикрытием боевой эскадры... Значит, добрались. Вышли до начала Больших Гонков, когда гидернийцы еще не расставили заградительные отряды вдоль береговой линии... или проскочили незамеченными — флотик-то у них был махонький по сравнению с остальными.

Сделав знак своим оставаться на месте, Сварог медленно двинулся навстречу парламентару. Магическими прибабасами вокруг не пахнет, пуль он не боится, шаур под рукой — прорвемся, если что... Подойдя к лейтенанту, Сварог слегка поклонился — вежливость все ж таки должна быть соблюдена, но в меру, графьям и королям приличествующую.

— Ну, я Сварог, — сказал он нейтральным голосом. — И что, собственно?

Лейтенант расплылся в довольной улыбке (сквозь щетину проступил застарелый шрам на скуле) и поклонился вторично.

— Вдоль всего побережья расставлены посты для вашей торжественной встречи, мастер граф, и это большая честь для меня, что именно я встретил вас. В общем, добро пожаловать на землю Фагора. От имени правителя государства Фагор со всем

радушием приглашаю вас и ваших спутников на-нести дружеский визит в столицу... Я здесь, собственно, с тем вас и дожидаясь — встретить и сопроводить...

В столицу?! Что от часу не легче. Эти-то откуда про Сварога прознали? Вот уж точно, слава разлетается быстрее ветра...

— Увы, лейтенант, у нас совершенно нет времени. Дела, знаете ли... — развел руки Сварог.

Шрам на скуле лейтенанта не давал ему покоя. Где-то он уже видел точно такой же. Опять появилось премерзкое чувство дежа вю, прах его побери...

— В таком случае, — как ни в чем не бывало и столь же любезно продолжал Арок, — прошу заметить, что по обеим сторонам ущелья я, поняв, что вы движетесь к распадку, расположил автоматные гнезда, откуда через прицел все видно как на ладони... Откровенно говоря, помимо встречи столь высоких гостей, всем Зеленым отрядам даны полномочия задерживать любого, кто без должного предписания пересечет границу государства. А поскольку подобного предписания у вас, как я понимаю...

— Так, стоп. — Сварог подобрался. — Это что, угроза?

— Так точно, — безмятежно кивнул лейтенант. — Согласно законам Фагора, на его территории могут находиться только граждане Фагора... или лица, прибывшие по приглашению оных граждан.

За спиной послышалось негромкое рычание — Чуба выражала свое отношение к происходящему. Остальные молчали. Сварог мельком оглянулся на

них — оружие никто не пока не доставал, — но это дело пары секунд, знаете ли, экипаж подобрался закаленный и в боях испытанный, голыми руками нас не взять...

И тут Сварог наконец вспомнил. И отчего-то почувствовал небывалое облегчение. Вспомнил и этот шрам, и этот голос, скучно и казенно талдычащий об условиях пересечения границы. Щетина и полная абсурдность, совершеннейшая невозможность встречи здесь, на другом материке, — вот что сбило его с толку. Однако ж — встретились... Побрейте этого бойца, прилепите роскошные усы, поставьте рядом с пограничным «шлагбаумом» на въезде в столичный город Митрак — и что получится? То-то. История опять повторялась. И уже даже не как фарс, а как занудливое повторение многожды раз пройденного материала. Тьфу, скучно, господа...

— Арок, столб ты пограничный, — устало поморщился Сварог, — ну что ты опять мне про законы? Не надоело?.. Али не признал?

— Как не признать, ваша святость, — вздохнул лейтенант, а в глазах мерзавца так и плясали веселые бесы. — Вот только в прошлый раз вы в сутане изволили быть, да и числом ваша компания была поменьше...

— Да и ты у князя Саутара раньше служил, — посмурнел Сварог, вспомнив Клади. — И, помнится, в чине пониже лейтенантского.

— Так то — раньше...

— Логично. Дезертировал из княжеских войск, получается?

— Получается... Только нижайше прошу, мастер Сварог, не надо на меня опять чары насылать,

как тогда. Я-то, может, и упаду замертво, но вот мои бойцы с автоматами — у них четкий приказ, четче некуда: ежели оказывают сопротивление, то и не задерживать никого...

Сварог усмехнулся, пораскинул мозгами, потом сотворил сигаретку и протянул ее лейтенанту. Ни в малейшей степени волшебству не удивившись, лейтенант поблагодарил, сигарету принял, прикурил от спички. Все как всегда. А вы говорите — не зеркальное это отражение Атара. Очень даже зеркальное...

— То есть, — сказал он по возможности добродушно, — ты хочешь сказать, чернильная сволочь, что мы незаконно вторглись на территорию Фагора?

— Ну это с какой стороны посмотреть, — опять растянул губы в улыбке Арок. — Можно и этак, а можно и так, что вы, мол, — званые гости Фагора.

— Что-то мы пограничных знаков по дороге не заметили...

— А их пока и нету, — ухмыльнулся ветеран-пограничник, честно глядя в глаза Сварогу. — Не успели. Но на карты граница нанесена чин чинарем.

— А карты, я так разумею, фагорского изготовления.

— А то ж.

— Ловко... Ну, и кто еще обосновался рядом с вами, какие страны-государства? Это я к тому, чтобы ненароком еще пару-тройку границ не нарушить.

— Никого больше нету, — тут голос лейтенанта все же дрогнул. — Кабелотов на сто вдоль берега

туда и туда — только Фагор... Может, кто подальше высадился, не знаю... Ну так это, мастер Сварог, милости просим в столицу, что ли? Экипаж подан...

Сварог в некоторой беспомощности оглянулся, усилием воли отгоняя видение туристического автобуса, ждущего их за холмом. Путешествие сквозь непроходимые земли покамест не испоганенного цивилизацией Граматара в самом деле превращалось в поездку за город на пикничок... Нет, можно было бы, конечно, намного повоевать с засевшими в засаде автоматчиками, но уж больно не хотелось. Еще с соседних застав стрельбу услышат, организуют погоню. И стрельбой друг в друга начинать свое пребывание на новом материке было как-то, знаете ли, не по-людски. Не по-императорски, знаете ли... Да уж, весело поход за Ключом начинается, ничего не скажешь...

Сварог посмотрел на солнце: скоро выйдет из клубящихся над пиком туч. До сумерек оставалось часов шесть, не больше. Итак, выбор: ночевать под открытым небом, да еще после вчерашней бессонной ночи — или в столице Фагора? Что бы та собой не представляла... Он опять оглянулся на своих. Свои стояли по-прежнему напряженно, но уже перестроившись в боевой порядок — и когда только успели? Готовая к атаке Чуба впереди, за ней, вполоборота к склонам распадка, Олес с катралом наизготовку и Пэвер, за ними — Рошаль со шпагой наголо, а замыкала построение лесная воительница, принявшая отчетливо боевую стойку. Впору умилиться: неплохо Сварог их натаскал. Только свистни, и от пограничного отряда фагорцев мокрого места не останется...

Сварог вздохнул, сделал беспутной команде знак приблизиться и обречено сказал лейтенанту:

— Ну, что ли, раз экипаж подан, то — милости просим в столицу...

Глава пятая

Шамаханская царица

...И когда его святость столь странным способом проникла в столичный город Митрак, Арок решил наконец: все, с него хватит. Не дожидаясь, пока по сему прискорбному факту незаконного проникновения к нему придут люди уважаемого мастера старшего охранителя (вежливейший поклон в сторону Рошалья), он собрал свои пожитки, оставил прощальное письмо сыновьям, не так давно открывшим скобяную лавку на одной из главных улиц Митрака и потому слышать не желавшим ни о какой грядущей катастрофе, и в одиночку подался куда глаза глядят. А конкретнее — на наудер, через реку Крамеш, мимо границы Нура, через предгорья к морю. На что он рассчитывал, Арок и сам сказать не мог, однако удача на этот раз оказалась к нему благосклонна. В предгорьях Язберского хребта будущему лейтенанту пограничной службы Фагора встретился отряд нурских контрабандистов, которые тоже торопились к побережью, — в надежде наняться хоть простыми моряками, хоть кем на какой-нибудь вильнурский корабль и в качестве оплаты предложить хозяевам кое-что из товара. (Причина, по которой Арока взяли в отряд, была проста, незамысловата

и к политическим распрям между Гаэдаро и Нуром не имела ни малейшего отношения: он всего лишь проткнул шпагой зама атамана по безопасности, непобедимого шпагиста и знаменитого на весь Нур драчуна — за то, что тот позволил себе несколько замечаний касательно интимной жизни его, Арока, матушки и перепончатокрылых насекомых. Глянув на павшего заместителя, атаман хмыкнул и сам предложил Ароку вступить в отряд, против чего Арок, понятно, не возражал.)

Дальше — больше. Им таки удалось наняться на вильнурский китобой, переоборудованный в пассажирское судно, но в открытом море произошла скоротечная стычка со шхуной — флагманом охранительной фагорской эскадры. (Повод для драки опять же оказался насквозь прозаичным: король Фагора — Сварог, кстати, вспомнил его имя, Михлест Четвертый, — пребывая в пределах видимости чужого корабля, принял его за гидернийский броненосец и приказал немедленно уничтожить.) Плохо вооруженные вильнуры были разбиты наголову, однако тонущего Арока флагман подобрал, несмотря на яростные протесты капитана... А уж дальше все зависело от самого счастливица. Несколько предметов из контрабандного товара (это были слитки весьма дорогого вильнурского серебра, которые Арок пер на себе через предгорья вместо усопшего заместителя), умение фехтовать, готовность беспорочной службой заработать себе жизнь, воинский опыт — все вместе это позволило ушлому ветерану добраться и до Граматара, и до должности лейтенанта погранслужбы Фагора...

Что самое интересное, при всей романтической неправдоподобности своих приключений, сделав-

шей бы честь какому-нибудь Рафаэлю Сабатини, Арок говорил чистую правду.

Сварог слушал его неспешный рассказ, откинувшись на шелковые подушки с монограммой «М» и циферкой «IV», и боролся с сонливостью: давало о себе знать напряжение последних дней. Покачивалась открытая повозка, запряженная парой крепких приземистых лошадок (с виду — кровей наибогороднейших), мерно поскрипывали колеса, мимо проплывали холмы и перелески. Дороги под колесами, естественно, не было никакой, но и непролазных чащей с зияющими пропастями на пути пока не встречалось, так что ехали, в общем-то, ровно. Если закрыть глаза и не обращать внимания на вездесущий запах йода и гари, то ощущение, будто находишься где-нибудь в средней полосе России-матушки, будет полным. Вот-вот послышится далекое коровье мычание, навстречу профурчит раздолбанный колхозный «зиллок» с молоком... Но это если глаза закрыть и не дышать. А ежели по сторонам все-таки смотреть, то мозги начинают съезжать набекрень. Потому как панорама из повозки открывалась, мягко говоря, феерическая. Обычные деревья росли впере-мешку с какими-то кораллами, камышами и вовсе уж непонятными растениями с длинными, стелющимися по земле листьями — представителями, совершенно определенно, морской флоры, кое-как приспособившимися к жизни на открытом воздухе... Они проехали мимо озерца с болотистыми берегами, поверхность его буквально бурлила от мечущихся здоровенных рыбин — водоем быстро пересыхал, и океанским тварям, пойманным в ловушку, деваться было некуда. И повсюду — на

камнях, поросших ракушечником, на целых пустошах высохшего ила, даже на ветвях обычных деревьев — повсюду налет соли... Словно некий местный Нептун, не имея ни малейшего представления о надводной жизни, решил потягаться с создателем и сотворить мир на суше — таким, как он его видит...

А вот сама повозка весьма органично вписывалась в эту реальность, поднятую со дна морского, и, голову можно было дать на отсечение, не так давно имела совершенно другую профессию. А именно — была шлюпкой, к которой примастрячили колеса. Возница с автоматом на плече держал в руках не кожаные поводья, а куски лент, в поводья превращенные. Довершала сию удивительную картину небольшая носовая фигура, явно снятая с корабля и помещенная на нос сухопутной шлюпки: бюст грозного мужика с развевающейся бородой (вылитый, кстати, псевдомыслитель из Ясной Поляны) смотрел на Граматар мрачно и в высшей степени неодобрительно... Второй автоматчик расположился на корме, позади посмурневшего экипажа, следил за тылами и то и дело бросал любопытные взгляды на странных гостей. А из гостей самыми смурными изволили быть старший охранитель и островная воительница. Ну, воительница, понятно, недовольна непредвиденной задержкой на пути к вожаемому Ключу (она даже позволила себе проявить эмоции и весьма красноречиво возражать против задержки и отклонения от курса), а вот мастер Рошаль явственно пребывает в горестных раздумьях по поводу того, что если есть государство, значит, непременно имеются и закулисные игры, и не попадет ли эки-

паж в жернова политических игр... Остальные выглядели бодрее. Олес с Пэвером во все глаза таращились на диковинки Нового Света, толкая друг друга локтями и показывая на что-нибудь совсем уж заковыристое за бортом — вроде исполинского, в человеческий рост, рапана посреди симпатичной лужайки, из горловины которого за повозкой задумчиво следила пара глаз на стебельках. Чуба, бегущая рядом, сделала небольшой крюк и рыкнула на обитателя раковины. Глаза исчезли, зато изнутри отчетливо клацнули клешни...

...Из четырнадцати фагорских кораблей, покинувших Атар, продолжал Арок (шесть барков, на которых разместился двор, и восемь люгеров прикрытия), до Граматара добралось меньше трети. И то, если б его величество продолжали командовать походом, они бы не преодолели и половину пути... К счастью, ситуация изменилась вовремя, и новый командир крошечного флота сумел вывести корабли из самых гиблых мест... Когда же Олес лениво поинтересовался, каким все-таки образом фагорцам удалось первыми добраться до материка, Арок помолчал с минуту, потом хмуро сказал, что сам не представляет — но в следующий раз он лучше погибнет вместе со всеми оставшимися на Атаре, чем вторично переживет такой ужас. И до самой столицы он рта больше не раскрывал.

Так и ехали.

Наконец показались кое-какие признаки цивилизации — телега уже катилась по настоящей дороге, не мощеной, но утоптанной многочисленными повозками и копытами, вокруг то и дело появляются пеньки с аккуратнейшими спилами,

они проехали мимо деревянной погранзаставы. А вот и столица... так сказать.

Наверное, так и выглядели первые поселения на все том же Северо-Американском континенте — на обширном, очищенном от растительности пространстве площадью этак десять квадратных кабелотов между двумя сопками стояли шалаши, палатки, вигвамы, деревянные домики странной формы (сделаны из остатков корабельных корпусов, догадался Сварог), над крышами поднимался дымок, брехали собаки, в отдельном загончике блеяли овцы, туда-сюда сновали люди, работали — таскали бревна, деловито что-то к чему-то приколачивали, пилили, возводили городские стены из неохватных бревен и копали ров вокруг города... Женщин было меньше, но и они работали — наравне со своими мужчинами. Много беременных. Очень много... В общем, картинка была как раз из советских фильмов — когда все дружно возводят очередной сталелитейный гигант и все поголовно счастливы как дети малые.

Пэвер молча указал Сварогу на вершину сопки справа — там, в густых зарослях, иногда что-то тускло поблескивало. Сварог кивнул: это наверняка бликовала линза подзорной трубы. Дозор. А что, отличная позиция — оттуда все подступы к «городу» просматриваются идеально, любой приближающийся к столице будет виден как на ладони. А ежели помимо дозора поставить на этой высоте орудийный расчет, то потенциальному неприятелю придется ох как несладко...

Открылись могучие ворота, и они, покачиваясь, въехали во двор двухэтажной постройки, окруженной высокой оградой и, судя по внешнему виду,

принадлежавшей кому-то из здешней знати. Ну да, точно, знати: едва лошадки остановились, как к повозке подошли и встали по сторонам четверо угрюмых парней в ношенной морской форме, но при автоматах.

— Приехали? — спросил Олес и потянулся.

— Добро пожаловать в королевский дворец Фагора.

Арок спрыгнул на землю и протянул руку Кане, но Кана помощь гордо отвергла и покинула колесницу без посторонней помощи. Сварог посмотрел на здание внимательнее.

— Мастер Сварог, можете сказать вашему волку, что уже можно превращаться обратно в человека.

— И откуда ты все-то знаешь... — хмуро бросил Сварог, глядя в хитрющие глаза лейтенанта.

— Должность такая, — ухмыльнулся тот.

— Погоди, Чуба, не преображайся. Людей не пугай...

— Нас здесь ждали, — сказал Рошаль.

— Вы чертовски наблюдательны, — вздохнул Сварог. — Только вот зачем ждали?

— Мне это не нравится...

— Прошу сюда, мастер Сварог.

В сопровождении вооруженных охранников и под предводительством Арока они проследовали во «дворец».

Изнутри он напоминал скорее загородный особнячок какого-нибудь скучающего барона. Хотя, признаться, барона со вкусом — на стенах бархатные драпировки, скрывающие некрашенные, изъеденные морской водой стены, на стенах оружие: шпаги, мечи, пищади, огромное зеркало в

человеческий рост, громадные канделябры, кресла, какие-то изящные безделушки на полках и столиках. Определенно тут чувствовалась женская рука...

— Вещи можете оставить здесь, — показал Арок на неглубокую нишу в стене.

— Нет, — ответил Сварог. — Мы уж как-нибудь с собой.

— Как желаете. Мастер граф, соизвольте сюда. А ваших друзей прошу в залу...

— Эй, так мы не договаривались! — Сварог резко остановился. — Мы вместе.

— Мастер граф, — тихо сказал Арок и взял Сварога за рукав, — вам назначена аудиенция. После нее вы присоединитесь к своим... Мастер граф, вы можете оставить оружие при себе, равно как и остальные. Вы вольны отказаться от встречи, вы вольны покинуть Фагор в любую минуту — равно как и остальные. Я просто прошу вас.

Он не лгал. Да и ничто вокруг не напоминало об опасности...

— Ладно, — решился Сварог. — Веди, лейтенант, на аудиенцию. Экипаж, держать себя спокойно, благовоспитанно и не нарываться. Чуба, давай-ка в человека.

Охрана сохраняла каменные лица, но смотрела во все глаза. Когда же преобразование закончилось, Арок гулко сглотнул и прошептал:

— Сохрани, Пресветлый, мою душу...

— Так-то, дружок, — Сварог отечески похлопал его по плечу. — Это тебе не простенькие чары — это настоящее колдовство. И если вы тут что-то замышляете... Короче, я вам не завидую. Чуба, как дела?

— Здесь присутствует скрытое зло, мастер Сварог, — преспокойно сказала женщина, минуту назад бывшая волком. — Но его мало.

— А где зла вообще нет? — философски вопрошил Сварог и повернулся к Ароку: — Ну? Где ваш король? Пропустите меня, пропустите, я, понимаешь ты, хочу видеть этого человека...

Зал для аудиенций (он же тронный, он же парадный) был небольшим, без окон, и, в отличие от прочих дворцовых помещений, выглядел по-спартански — только тяжеленный трон на постаменте у стены и ряд простых стульев напротив, больше ничего. Дверь за Сварогом мягко закрылась, упали шелковые занавеси, и он остался один.

Походил туда-сюда, осмотрелся магическим зрением, подлянки не нашел, уселся на стульчик в первом ряду и стал ждать. Ну и где этот король Михлест?

— Ее величество королева Домгаар! — послышалось из-за двери, после чего, совсем как у классика, шатер распахнулся, и девица, шамаханская царица... ну и дальше по тексту.

В некоторой оторопи Сварог встал и глубоко поклонился — выказывая почтение и правителю, и женщине.

Да, это была женщина. И какая!

Она вошла в зал в сопровождении двух угрюмых автоматчиков в неизвестного Сварогу покроя форме морских офицеров, величественным жестом отослала охрану прочь и опустила на трон, сдвинув перевязь с мечом, чтобы не мешал, тем же повелительным жестом разрешила Сварогу сесть. Сварог и сел, постаравшись сделать это гордо и непринужденно. Некоторое время оба монарха неприкрыто разглядывали друг друга.

— Значит, вот вы какой, капитан Сварог, — произнесла королева глубоким бархатным голосом. — Искренне рада знакомству с вами.

Сварог опять привстал, опять поклонился:

— Для меня, ваше величество, весьма лестно, что вам известна моя скромная персона...

Черт, прозвучало коряво и фальшиво. Да уж, государь-император, подрастеряли вы на Димерее с таким трудом приобретенные королевские манеры... Да и сидеть посреди зала, как на допросе, было неловко и непривычно. Он закинул ногу на ногу, сцепил пальцы на коленке. Вспомнил нехотать, что эта поза означает замкнутость и враждебность, но возиться на кресле, садясь и так и сая, уже не стал. Замер по возможности горделиво.

Она был одета в плотно облегающие кожаные штаны, заправленные в высокие сапоги с отворотами, белоснежнейшую сорочку и лиловый колет поверх. Но, несмотря на мужской костюм, отсутствие украшений и всяческих монарших символов вроде скипетра, с первого взгляда становилось ясно, что это именно Правительница. Более всего она была похожа на Снежную Королеву из мультфильма про Кая и Герду: треугольное волевое лицо, бледная кожа, прямой нос, бескровные губы и надменный, пронзительный взгляд из-под бровей вразлет — вот только, в отличие от своего мультпрототипа, опасности и нечеловечности от нее не исходило. Он по привычке включил «третий глаз». Ничего, в общем-то, не изменилось, перед ним по-прежнему сидела до обалдения красивая женщина, от силы лет тридцати, в высокой короне, напоминающей стилизованный шлем, из-под

которой на плечи струились длинные каштановые волосы. Разве что...

— Как вы уже слышали, я — королева Домгаар, правительница Фагора. Прошу прощения, что разлучила вас с вашими друзьями, но мне сначала не терпелось побеседовать со столь знаменитым графом Сварогом...

Разве что вокруг головы королевы слабо мерцало молочно-белое призрачное кольцо — совсем такое, что зажглось над головой Олеса в Старом Городе... но то было видно без магического зрения, а в магическом пропадало напрочь, здесь же — картина диаметрально противоположная...

— Не так давно береговой Зеленый отряд задержал на берегу чужих, — продолжала королева, все так же беззастенчиво разглядывая Сварога. — Сорок два человека, как и когда высадились — совершеннейшая для меня загадка, ведь никаких кораблей, подходящих к Граматару с этой стороны, замечено не было, да и рифы там, кораблю просто-напросто не пристать к берегу...

— Что с ними? — мигом напрягся Сварог. И добавил: — Имейте в виду, ваше величество, если с ними что-нибудь...

— Да успокойтесь вы, — отмахнулась Домгаар. — Ничего с ними не случилось. После соответствующего разговора с нашими... гостями я издала указ об образовании независимой провинции Клаустон на кузе Фагора, в течение пятидесяти лет всецело подчиненной короне и с правом выхода из-под протектората по истечении этого срока. Они, разумеется, согласились, интерес-то был взаимный: им нужна защита, а мне нужны преданные люди, и как можно больше...

Нас очень мало, чтобы построить сильное государство, скажу откровенно, поэтому каждый верный и толковый человек на счету...

— По-моему, пока у вас получается, — расслабился Сварог: она говорила правду, клаустонцы действительно живы и невредимы.

— Это только вопрос жесткой политики, — нахмурилась Домгаар. — Среди фагорцев много таких, кто не признает новую власть и не прочь ее свергнуть. Но если б не я и мои друзья, если б страной и флотом по-прежнему правил этот выскочка Михлест, ни один фагорец до Граматара бы не добрался...

В этом месте Сварог почел за лучшее промолчать.

— Вы правы, — не дождавшись ответной реплики, ухмыльнулась королева, — посреди океана имел место государственный переворот. Когда стало окончательно ясно, что король вот-вот загубит все дело, на которое было затрачено столько времени, сил и денег, группа здравомыслящих офицеров подавила панику среди пассажиров, отправила за борт наиболее верноподданных придворных и родственников короля и взяла власть в свои руки... А переворот возглавляла бывшая хранительница королевского архива, штурман эскадренного люгера по имени Домгаар. — Она очаровательно улыбнулась. — Вас не удивляет, что я так откровенно рассказываю вам об этом?

— Наверное, у вас есть причины, — осторожно ответил Сварог.

— И еще какие. Поэтому прибытие клаусонских... скажем так, переселенцев пришлось как нельзя кстати. Этот их дож Только производит впе-

чатление честного и толкового правителя.. Подчиняются ему беспрекословно... Не удивлюсь, если лет через пятьдесят наши отношения перерастут в отношения двух сильных и полноправных государств — если только я не упущу власть здесь, в Фагоре... — Она подперла кулачком подбородок и посмотрела прямо в глаза Сварогу. — Однако во время допросов его люди рассказали столько невероятных и, признаюсь, неправдоподобных вещей — о некоем священнике Свароге и его друзьях, которые ради спасения Клаустона в одиночку захватили гидернийский броненосец и провели его через все ужасы океана, к Граматару, а также о том, что означенный Сварог вот-вот прибудет к спасенным самолично, дабы принять от них корону, — в общем, я бы не поверила ни единому слову, если бы рассказы всех сорока двух не сходились даже в мелочах... — Она смотрела на Сварога откровенно оценивающе. — Значит, это правда?

— В какой-то степени, в какой-то степени, — скромно потупился Сварог. — Но вы же знаете, что память человеческая удивительным образом дополняет правду и приписывает реальным событиям вовсе уж нереальные объяснения...

— Знаю, — серьезно сказала королева. — Так и рождаются мифы. Взять хотя бы легенду о Терлеке-Горшечнике, слышали?

— Увы, ваше величество... — ответил он, откровенно любуясь ее величеством.

— В прошлом... то есть уже позапрошлом Цикле был такой народный фагорский герой — богатырь Терлек, простой гончар из городка Сварзилан. Лепил горшки и кувшины, а потом как-то сделал себе волшебный глиняный меч и в одиноч-

ку изрубил в капусту всю нечисть в округе — в частности, кровожадных и неуязвимых для обычного оружия Болотных Упырей, которые много лет взимали с Сварзилана дань в виде юных девиственниц... Но мало кто знает, что на самом деле Болотным Упырем просто-напросто звали тамошнего мелкого барона, а Терлек-Горшечник никакой не горшечник, он был обычным бродягой, долгое время просидевшим в подвалах замка — именно что за воровство глины. Организовал побег, вместе с такими же ублюдками проник в баронскую опочивальню и чуть было барона не удавил, но вовремя был зарублен стражей. Обыкновенная история, по каким-то причинам обросшая всяческими подробностями и ставшая чуть ли не народным эпосом... Или легенда о Королевской Охоте. Или, скажем, миф о монахах-подземельцах... Красивая легенда. Говорят, что тысячу лет назад, перед последним приходом Тьмы на Граматар в каких-то пещерах на бисте нашла себе прибежище некая секта, поклонявшаяся небесным светилам, как богам, считавшая землю за ад, а подземелье принимавшее за укрытие от ада. Что-то вроде того, мол, что земля открыта всем грехам, ниспосылаемыми злыми небесными богами, оттого все грешники так любят землю и ненавидят очищающую тишь и сумрачное благолепие подземелий, а под землю грешные взоры плохих богов проникнуть не могут... Ну и в таком роде...

Сварог внимал безмолвно. Ему показалось, что королева просто говорит первое, что придет ей на ум, — а сама в это время думает о чем-то невероятно для нее важном. Принимает какое-то решение.

— ...И была якобы у этих монахов такая машина — такая золотая фигура, поворачивающаяся на оси. Наверное, на ней гадали. Наверное, жрецы запускали золотую механику, а потом то ли по расположению фигур, то ли по теням на стенах пещеры, истолковывали волю богов... Хорошая сказка, но сколько народу тогда погибло, пытаясь найти эту кучу несуществующего золота!

Она пошевелилась и отвела взгляд, сказала проникновенно:

— Однако вы, капитан Сварог, действительно человек незаурядный. Кто вы такой, позвольте узнать?

Сварог пожал плечами.

— Боюсь, моя истинная история значительно проще и бледнее всего того, что обо мне рассказывают...

— М-да? — прищурилась Домгаар, глядя куда-то мимо Сварога. — А я вижу, вы обладаете некоторыми магическими способностями и владеете некими магическими предметами — весьма странными, мне незнакомыми... И некоторые из них вы получили помимо своей воли...

И только тут Сварог смекнул, что смотрит она на то место, где висит незримый и пугающий своей непонятностью «теннисный мячик», полученный им в дар от убиенного Соленого Клюва, но ничего спросить по этому поводу не успел.

— Позвольте узнать о цели вашего визита в Фагор? — поинтересовалась королева Домгаар. — Или, скажем иначе, о цели вашего визита на Граматар?

Сварог ответил, тщательно подбирая слова:

— Ваше величество, тот прискорбный факт, что мы высадились на вашей территории, объясняется простым совпадением: насколько я знаю, пока не составлено ни одной карты Граматара с нанесенными на ней государственными пределами, не расставлены пограничные столбы и не организована таможенная служба, поэтому нельзя говорить о преднамеренном нарушении фагорской границы...

Получилось складно и дипломатично. Кажется, он поймал нужную волну, благоприобретенные навыки правителя не забылись, слова текли витиевато и напыщенно — как и полагается при беседе столь высокопоставленных особ.

— Я и не говорила о нарушении, — холодно заметила Домгаар. — Я спрашивала о цели вашего визита на континент.

— Цель та же, что у всех остальных переселенцев, включая вас: выжить.

Домгаар помолчала, буравя его взглядом пронзительно синих глаз, потом задумчиво проговорила:

— Шесть человек. Один из них — предводитель — не самый последний воин и не самый захудалый чародей, обладающий по меньшей мере двумя неизвестными формами магии. Другой — знаменитый даже за пределами Гаэдаро полководец и тактик, якобы в отставке, однако отчего-то участвующий в вашей кампании. Третий — старший охранитель короны Гаэдаро собственной персоной, острейший ум и превосходный ловчий шпионов, так же известный далеко за границами княжества. Четвертый — ни кто иной, как сам наследный принц Гаэдаро. Пятый — точнее, пятая, или даже пятое — явное порождение мрака, гуап, оборотень, хищник в образе человека. И, наконец, шес-

тая — вообще непонятно кто, ожившая легенда о баксарах* ...И вот эти шесть человек, снаряженные донельзя странными предметами и совершенно незнакомым видом оружия, тайно высаживаются на фагорский берег и отправляются в глубь нашей территории. Что я, по-вашему, должна думать?

Сварог подумал и искренне сказал:

— Что это... скорее всего, диверсионный отряд.

— Я рада, что вы следите за ходом моих мыслей. А поскольку Фагор пока — единственно возможная на Граматаре цель для диверсионной деятельности, то... У вас есть возражения?

«Ах ты ж Шерлок Холмс в юбке, — подумал Сварог, — ну я тебя...»

— Два возражения, ваше величество, — сказал он. — Если бы ваши люди достаточно внимательно осмотрели нашу поклажу, то непременно заметили бы, что мы снаряжены для дальнего похода — далеко за внутреннюю границу Фагора, которая, полагаю, не простирается до противоположного берега Граматара. Следовательно, наша цель находится отнюдь не в Фагоре. Это во-первых.

Он сделал паузу. Домгаар хранила молчание, и Сварог бесстрастно продолжал:

— Во-вторых. О нашем скором прибытии знали аж сорок два человека, которые ни с какого бока не являются скрытыми агентами и переодетыми вредителями. Следовательно, ни о какой тайной высадке речи так же не идет, ваши люди просто проморгали ее...

* Баксары — легендарное племя амазонок, якобы обитавших на Атаре в первой трети последнего Цикла. Несмотря на то, что мифов о них сохранилось превеликое множество, ни одного материального подтверждения их существованию так и не было обнаружено

— Повторюсь: я рада, что ход наших мыслей совпадает, — с непонятной интонацией сказала правительница Фагора. — Я подумала так же. И только поэтому вы и ваши друзья до сих пор живы. Однако цель вашего прибытия остается для меня загадкой...

— ...именно потому, что лежит вне сферы интересов государства Фагор, — с очаровательнейшей улыбкой добавил Сварог.

На простом, не дипломатическом языке его фраза означала: «Не твое собачье дело», и королева сие, кажется, поняла. Она мимолетно нахмурилась, потом, видимо, придя к какому-то решению, встала. Поднялся и Сварог.

— Аудиенция закончена, — ледяным тоном сказала Домгаар. — Ваши друзья заждались, мастер Сварог. Беспокоятся и уже подумывают, не прорываться ли с боем к вам на выручку... Прошу вас, давайте перейдем к ним, зачем нам лишние хлопоты...

Она громко хлопнула в ладоши, и на пороге тут же нарисовалась давешняя стража с автоматами. Королева встала и, держа спину, двинулась к выходу — ни разу не оглянувшись, не сомневаясь, что Сварог следует за ней. Сварог вздохнул — и последовал.

— Ее величество королева Домгаар! — провозгласил один из стражников (судя по всему, из-за отсутствия лишних людей выполняющий заодно роль мажордома).

В соседней зале был накрыт стол — длинный и монументальный, явно не сработанный из корабельного дерева, а доставленный на Граматар прямиком с Атара, из дворца почившего Михлеста. О чем-то шушукающиеся в уголке сподвижники Сварога дружно прыснули в стороны и приняли самый что ни на есть невинный вид. Первым но-

воявленной королеве поклонился Пэвер, за ним, после секундной паузы, Гор Рошаль. Олес остался стоять, надменно вздернув подбородок, а Кана и Чуба... Черт, обеих дам в зале не было. Сварог опять напрягся. Пока королева вполголоса давала какие-то распоряжения слугам, он тихонечко переместился к своим и негромко спросил:

— Обстановка?

— Пока спокойная, — доложил Рошаль. — Здание охраняется по периметру, человек десять, автоматы, алебарды, шпаги, у входа и окон охрана усилена. Но к нам — со всем почтением, такое ощущение, что скорее нападения извне опасаются, не нас. Так что прорваться можно, если внезапно...

— Вещи все-таки забрали, — добавил Пэвер. — Правда, собаки, всжливо и обходительно, тут Рошаль прав. Ведут себя, как с заморским посольством... Я тут пока провел небольшую разведку боем, завелся к одному из стражи — посмотреть хотел, как себя поведет. Ничего, утерся и ни пикнул, стоит себе, улыбается. Хотел даже ему в рыло звездануть, да Рошаль отговорил... Вас-то где носило?

— Вы уж поаккуратнее, все ж таки в гостях... Чуба где? И эта, проводница, дева наша островная?

— Решили остаться снаружи, с нами не ходить. Хотят побродить в округе, посмотреть, что да как, покараулить... Никто не запретил, выпустили и слова не сказали.

— Не нравится мне это, — буркнул Рошаль.

— На ловушку не похоже, — сказал Пэвер.

— Это-то истораживает... — вздохнул старший охранитель.

Тут мажордом объявил:

— Главнокомандующий армией Фагора генерал Зарр, барон Руркан, первый советник ее величества королевы Домгаар!

И на пороге показался еще один персонаж — высокий, тощий и бледный, как туберкулезник, при церемониальной короткой шпажонке и усах, заливчатски закрученных кверху.

Он шагнул внутрь, коротко поклонился присутствующим и скромно остановился в сторонке. Пэ-вер ревниво оглядел новоприбывшего.

— Прошу, мастера путешественники, — сказала Домгаар, — мастер Руркан, мой кузен, добрый друг и верный соратник в деле обустройства нового Фагора. Изъявил желание лично познакомиться со столь популярными в Тоуранте героями, вот я и пригласила его к ужину...

— Поверьте мне на слово, я искренне рад встретиться с вами, мастер Сварог, и всеми вами, — сказал мастер главнокомандующий.

Воспоследовал обмен рукопожатиями и уверениями в совершеннейшем друг к другу почтении.

Стол был сервирован на десятерых. Домгаар отдала меч охраннику, проследовала к высокому креслу, отличавшемуся от остальных позолотой, вычурными резными подлокотниками, да и вообще некоей монументальностью, и чинно уселась во главе стола. Тут же возник бесстрастный, как мертвец, лакей — в простенькой лиловой ливрее, без галунов и прочих излишеств, отнюдь не похожей на расфуфыренные в пух и прах наряды обычных царедворцев. Впрочем, аскетизм в костюме с лихвой компенсировался ловкостью, с которой он в мгновение ока убрал два лишних прибора и тут же принялся разливать вино по бо-

калам. Сразу чувствовался многолетний опыт при-
служивания за королевским столом.

— Мастера путешественники, — мягко напом-
нила о своем существовании правительница Дом-
гаар, — не соблаговолите ли выполнить малень-
кую женскую просьбу? Клянусь Таросом, что в
пределах Фагора вы находитесь под защитой
моей короны, и здесь вам ничего не угрожает.
Поэтому не надо стоять с таким видом, будто я
людоед, заманивающий в свой замок несчастных
детишек... Да садитесь вы, в конце концов. По-
ужинаем.

— Охотно, сестричка, — сказал Руркан и возна-
мерился занять место справа от королевы, но та
легким жестом остановила его. На белом лице Рур-
кана проявилось недоумение, он открыл рот, но
тут на сцену вышел до сих пор молчавший Олес.

— Черт бы вас побрал с вашей подозрительно-
стью, мастер Рошаль! — вдруг процедил он сквозь
зубы. — Мы же действительно в гостях у короле-
вы... — И он первым двинулся к столу. — Прошу
прощения, ваше величество, за некоторую непо-
чтительность с нашей стороны, однако, согласи-
тесь, что обстоятельства, при которых мы оказались
в вашей резиденции, несколько...

— Ах, да бросьте вы эти условности, князь, —
отмахнулась от него королева вилкой и поморщи-
лась. — Вы ведь теперь князь, не так ли? Что ж, я
восхищена, люди из Тоуранта слагают легенды про
ваше мужество. Садитесь-ка слева от меня. А мас-
тер Сварог, как ваш командир, пусть сядет справа.
Остальные вольны рассаживаться где им удобно,
так, по-моему, будет справедливо... Садись, Рур.
Садитесь, князь, не стойте столбом. В конце кон-

цов, вашего княжества на картах нет, да и прежний Фагор сейчас находится на дне океана, так что в некотором роде мы равны.

Сварогу показалось, что последнее слово она произнесла с неким подтекстом, однако подтекста он не понял. Олес не понял тем более — впрочем, он даже подтекста не заметил. И, по примеру остальных отдав шпагу слуге (негоже трапезничать при оружии), сел за стол.

Куда подевался молодой повеса и шалопай, которого знал Сварог! За стол уселся по меньшей мере наследный принц Великобритании, напыщенный и чопорный, что твой индюк. Изысканно-небрежно бросил на колени салфетку, понаблюдал отстранено и чуточку брезгливо, как слуга перекладывает из блюда ему на тарелку кусочки мяса в каком-то соусе, и принял от него приборы с таким видом, будто совершает тем самым кому-то величайшее одолжение.

Расселись, наконец, и все остальные — Руркан с плохо скрытой обидой в глазах, Рошаль с видом каменно-непроницаемым, а Пэвер... А Пэвер был попросту голоден и того скрывать не собирался. Он поднял бокал, поклонился Домгаар и без лишних слов, в два приема, выбулькал его до дна. После чего удовлетворенно крикнул и взялся за вилку.

Сварог же по привычке проверил еду на предмет наличия посторонних ингредиентов, способных привести к такой маленькой неприятности, как скоропостижная смерть от отравления, ничего не обнаружил, мысленно пожал плечами и отправил в рот первый кусок... В конце концов, милостивые государи, можно же побаловать себя бесплатной королевской кухней — после сугубо веге-

тарианских и пресных, как вата, блюд Островов? А то когда еще придется...

Постепенно развеялись — ведь, как известно, хороший дом, хорошая пища, что еще нужно человеку... В общем, ужин, как принято было говорить в другое время и в другом месте, проходил в теплой, дружеской атмосфере. Единственный, кто несколько нарушал общую картину довольства и благодушия, был мастер Рошаль — он едва приоткрылся к еде, пил и того меньше и, казалось, в любой момент ожидал кинжала в спину.

Когда было покончено с мясом, милыми рассказами об ужасах Исхода, трудностях жизни на новом материке и радужными перспективами на будущее, мастер Руркан промокнул губы салфеткой, отодвинул блюдо, посмотрел бутылку на просвет — та была пуста, — кивнул лакею и откинулся на спинку кресла. Переглянулся с королевой, Домгаар едва заметно кивнула.

Сварог тут же насторожился. Над столом явно повисло напряжение, которое почувствовал даже шалопай. Осторожненько отложил вилку и выпрямился в кресле.

— Причина, по которой Домгаар пригласила вас в столицу, проста... — безмятежно начал Руркан в полной тишине и повернулся к кухне: — Сама расскажешь или предпочитаешь, чтобы я?

— Мастер Сварог, — сказала Домгаар с милейшей улыбкой, на кузена не глядя, — у меня к вам — и ко всем вашим людям, разумеется, — есть весьма заманчивое предложение. Я не знаю, о чем вы там договорились с... как их там называют — жителями Блуждающих Островов, верно? — да и, признаться, знать не хочу. Как вам известно, флот Фагора при-

был на Граматар либо первым, либо одним из первых. Это большая удача, везение, фортуна, называйте как хотите. Но я должна, я обязана сделать все от меня зависящее, чтобы Фагор уберечь. Чтобы Фагор стал сильным, полнокровным государством — даже если придется вступить в войну с теми, кто позарится на наци территории. А такие обязательно появятся, уж поверьте мне. Нам повезло, что мы высадились на землях плодородных и относительно безопасных... Знали бы вы, что творится там, в глубине Граматара, — и даже в каких-то трехстах кабелотах к уздери от нас... — На мгновенье в ее глазах мелькнул неподдельный ужас, но она быстро справилась с собой. Сказала хладнокровно: — Впрочем, это все лирика. А реальность такова: я, королева Домгаар, настоятельно прошу вас принять мое предложение и остаться здесь. В качестве полноправных граждан Фагора и особ, приближенных к трону. У меня мало людей. Мне нужен человек, который будет отвечать за внутреннюю безопасность страны, Руркан один не справится. Мне нужен человек, который возложит на себя организацию обороны от возможного вторжения. Мне нужен человек, который возложит на себя организацию обороны от возможного вторжения не ж и т и. Мне нужен... — Она запнулась и закончила почти с тоской: — В общем, мне нужны сильные и преданные люди... И именно таких людей я вижу перед собой.

Никто пока не проронил ни слова. Тогда Домгаар продолжала:

— После всего того, что про вас рассказали кланустонцы, даже если половина из рассказанного — выдумки, я прошу вас помочь...

— Э... — сказал Олес, — правильно ли я понимаю, что вы собираетесь нанять нас на работу?

— Предложить вам работу, — поправила его королева. — Работу, достойную вас. Стать, если можно так выразиться, моими правыми руками. — Она помолчала, потом сказала с тоской: — Нас сожрут, я чувствую это. Если сюда прибудет гидернийский флот, нам не устоять. Да и с остальными государствами нам не справиться. Я была хранительницей королевских архивов на Аtare, я знаю, что тот, кто чувствует себя сильным, обязательно станет пожирать того, кого он чувствует слабым. Это закон людей. А я чувствую себя слабой. Да и среди фагорцев есть недовольные, особенно среди царедворцев Михлеста... Князь, я отчаянно нуждаюсь в специалистах. Бывшие лакеи, садовники, фрейлины, повара, шталмейстеры, смотрители купален, хранители гардеробов, даже глашатаи — этого добра Михлест набрал с собой под завязку, а вот настоящих воинов, настоящих солдат, их очень мало. Поэтому вы мне нужны. Вот и все.

Пэвер недоуменно переглянулся со Сварогом. Сварог кашлянул и сказал:

— Ваше величество... Простите великодушно, но это предложение столь необычно и внезапно...

— Я не неволю, — быстро перебила Домгаар. — Сколько времени вы хотите на размышление?

— Видите ли, у нас есть задача, которую мы должны выполнить...

— Вы островитян имеете в виду? Они не найдут вас. Они же никогда не высаживаются на берег.

— Дело не в том, ваше величество. Мы дали слово.

— Вам обещана награда? — подал голос Руркан.

— Опять же — дело не в том... Да, обещана.

— Большая?

— Да. Но я не приму ее. У меня, знаете ли, другие планы.

— Это значит — нет? — прищурилась Домгаар.

— Ваше величество... — сказал Сварог.

— А если я попытаюсь убедить вас остаться?

Помолчали. Потом Сварог аккуратно спросил:

— Это угроза?

— Нет, — сказала королева. И добавила: — Пока.

— Господа, — примирительно сказал Руркан, — такие вопросы быстро не решаются. Сестричка, давай спокойно поужинаем, а утром будем разговаривать...

Он щелкнул пальцами, появился безмолвный лакей, налил вина из новой бутылки. Руркан взял у него бутылку, поводит горлышком у носа, понюхал.

— Эту бутылку я нашел в винном погребе флагманского корабля, — объявил он. — Узнаете?

— «Белая гора», — медленно произнес Рошаль с непонятной интонацией. — Единственное приличное вино, которое делалось в Гаэдари.

— Правильно! — обрадовался главнокомандующий. — Но сейчас это — символ. Символ дружбы между правительством нового Фагора и посланниками Гаэдари. Я хочу поднять тост...

— Ваше величество, — повернулся Рошаль к Домгаар, — прошу прощения, не приказать ли открыть окна? Очень душно...

— Почему бы и нет, — невесело улыбнулась та и сделала знак слуге. Вечерний воздух ворвался в зал, принялся колыхать тяжелыми гардинами.

— Благодарю. Так что вы говорили, мастер главнокомандующий? Я перебил вас столь невежливо...

— Пустяки, — махнул рукой Руркан. — Я предлагаю выпить за дружбу и доверие между нами, а о сотрудничестве поговорим завтра, на свежую голову.

Сварог следил за Рошалем со все возрастающим беспокойством. Таким вежливым и витиеватым, насколько граф сумел узнать мастера охранителя, он становился исключительно на допросах и при прочих беседах с врагом... Сварог быстро проверил вино на предмет яда — и яда там, разумеется, не обнаружил.

— Что ж, великолепный тост, — продолжал Гор Рошаль благодушно, наблюдая за Домгаар, которая подносила бокал к губам. — С удовольствием выпью... Но только, — вдруг сказал он таким голосом, что все вздрогнули, — я бы не советовал пить в а м, ваше величество.

— Что такое... — привстал Руркан.

Королева недоуменно посмотрела на охранителя:

— Мастер Рошаль...

Рошаль бесцеремонно взял бокал из ее рук и посмотрел вино на свет.

— Да что вы себе, в конце концов...

— Ваше величество, — перебил охранитель, — вам известная одна славная травка под названием тли-фор? Пользуется бешеной популярностью среди отравителей и адептов Темной магии... Если у вас есть специалист по ядам, я бы настоятельно попросил вызвать его сюда немедленно — пусть проверит, нет ли в бутылке следов этого симпатичного растения. А потом вспомните, откуда здесь взялась эта бутылка...

Губы Домгаар сжались в тонкую линию.

— Ну вот что... — разъяренно начала она после короткой паузы, но Рошаль вдруг треснул ладонью по столу, гаркнул:

— Да вы на лицо его посмотрите!

И вытянул обвиняющий палец в сторону главнокомандующего Руркана.

Последующее слились в одно сплошное действие. Сварог не успевал следить за происходящим — тело его реагировало само, без вмешательства медлительного разума.

Кажется, с грохотом полетел на пол опрокинутый стул, и Руркан вскочил, вытягивая из-за пазухи нечто, подозрительно напоминающее мушкет. Лицо его было искажено такой ненавистью, такой злобой, что почти потеряло всякое сходство с ликом благородного дворянина. Кажется, Рошаль сунул два пальца в рот и пронзительно, совсем по-мальчишески, свистнул... Кажется, там, снаружи, кто-то завопил как резаный, донеслись лязг металла о металл, крики и шум борьбы... Покаяться, что все происходило именно в такой последовательности, Сварог не мог. Сознание включилось, когда он на автопилоте уже перелетал через стол, к Руркану — потому что видел, что ствол мушкета (да, это был именно мушкет) направлен Домгаар точно в лицо. Руркан отшатнулся, повернул оружие в сторону Сварога и спустил курок.

Грохнуло. Зал заволокло кислым пороховым дымом. Пуля, встреченная магией ларов, изменила траекторию, отклонилась и вдребезги расколотила хрустальную напольную вазу в углу. Но Сварог уже был на Руркане, проклиная дурацкое правило садиться за стол безоружными. Места и времени для грамотной атаки не было, Сварог повалил главно-

командующего на пол, попытался придавить массой тела — но тот с неожиданным проворством вывернулся, выскользнул, откатился чуть в сторону. Перед лицом Сварога неувовимо быстро мелькнула подошва сапога со шпорой — и каблук впечатался Сварогу в грудь. Дыхание перехватило и в глазах помутилось. Ах ты ж гад, у кого ж ты насобачился так драться... Руркан уже поднялся на колени. Швырнул в голову Сварогу разряженный мушкет, Сварог отбил его рукой, сгруппировался для броска... А потом в зале стало как-то сразу очень много народу — вооруженные охранники набились как сельди в бочку, что-то орали, выкрикивали какие-то команды, звенели шпагами — в общем, заслонили от него кузена и верного соратника королевы.

— Не калечить! — перекрыл гам властный голос Домгаар. — Братик мне нужен живым...

Сварог помотал головой и закрыл глаза. Мutilo.

Глава шестая

«Жить — так в Сочи...»

— Эта травка, тлифор, совершенно безопасна. Многие повара даже добавляли ее в крольчатину по-катамойски, есть такое национальное блюдо в Бадре, — дескать, придает мясу изысканный вкус... Однако у нее, у травки той, имеется одно интересное свойство: если подмешать порошок из нее в еду или питье, дать выпить кому-нибудь и произнести соответствующее заклинание, то, попав в желудок жертвы, трава становится либо

сильным снотворным, либо ядом — зависит от заклинания. Вот мой братец и решил угостить меня вином с приправой, пададь...

Сварог митом вспомнил первые часы своего пребывания на Димерее — и банду слепых мароде-ров, напоивших его отравленным вином, на кото-рое детектор ядов почему-то не отреагировал. Ах, стервецы, вот чем вы меня взяли...

— Откуда вы это знаете? — спросил он. — Я имею в виду траву.

— Я же была хранительницей архивов, не забывайте, граф, — улыбнулась королева. — Я много чего знаю. И с каждым разом узнаю все больше. Например, сегодня я узнала, что людям доверять нельзя. Даже родному кузену. Особенно родному кузену... — Она подняла голову. — А вот вам я почему-то верю. Вы не знаете, почему?

— Откровенно говоря, нет.

— И я нет, — вздохнула Домгаар. — Но, во всяком случае, отнюдь не потому, что вы спасли мне жизнь.

На следующий вечер они мирно беседовали в комнате на втором этаже «дворца», отведенной под покои высокого гостя. Сварог сидел на кровати, а она расположилась за столом, задумчиво открывая и закрывая крышку чернильницы.

Создавалось ощущение, что в столице никто не спит вот уже вторые сутки. Горели костры, по «улицам» то и дело проносились группы всадников с факелами, кого-то тащили и он громко вопил, кого-то, кажется, били, что называется, не отходя от кассы... Проще говоря, в столице шла чистка. Гор Рошаль, допросив Руркана, в два счета раскол-лол его, и потом, на волне азарта, вызвался помочь начальнику внутренней охраны выявить всех заго-

ворщиков — и вот уже второй день бравый экипаж с упоением носится по городу и выявляет.

(Да, имел место заговор. Банальный, тривиальный, каких было сотни во все времена и во всех мирах и будет еще тысячи. Главнокомандующему фагорской армией, первому советнику королевы, ее двоюродному брату и верному сподвижнику барону Руркану просто-напросто захотелось спихнуть сестренку с трона и воцариться самому, ибо женщина на троне — это-де фикция. Готовился он долго, а тут выпал прекрасный случай. Узнав, что Домгаар собирается пригласить в столицу некоего супермена Сварога с компанией суперменов рангом чуть пониже, прошедших сквозь ужасы Океана как нож сквозь масло, и даже предложить службу при дворце, он поначалу обеспокоился: ему не нужны были лишние люди около трона, особенно супермены. Но чуть погодя он понял, что можно использовать их появление себе в безусловную выгоду.

«Все просто и очень скучно, маскап, — бесцветным голосом объяснил Рошаль, когда арестованного Руркана увели, а они вышли на свежий воздух. — Отравленное вино было гаэдарским, откуда, собственно, мы и прибыли. Значит, кто отравил королеву? Мы. Зачем? Насмные убийцы из Гаэдаро — или еще откуда-нибудь, не столь уж важно — пытаются ослабить Фагор. Посмотрите на их костюмы! Посмотрите на их оружие! Посмотрите на них! Втерлись в доверие к венценосной бедняжке и безжалостно ее умертвили. Потом убийц торжественно вешают на городской площади, а место на троне занимает ближайший родственник. Вот, собственно, и все, маскап».

«Я потрясен, — искренне сказал тогда Сварог, закуривая. — Нет, мастер охранитель, честное сло-

во, это великолепно. Пуаро — слепой щенок рядом с вами...»

«Не знаком», — хмуро вставил Гор.

«...но, черт возьми, Холмс, как вы догадались?» — голосом Соломина спросил развеселившийся Сварог — начался эмоциональный откат после драчки, адреналин бурлил в крови и хотелось то ли петь, то ли изрубить врага в мелкую капусту.

Рошаль пожал плечами:

«Случайно. Я заметил, что вокруг этого сарая, которые они называют дворцом, подозрительно много праздно шатающихся солдат — но при оружии. Я заметил, как Руркан передает лакею бутылку гаэдарского вина — но почему-то тайно... Я начал думать, сопоставлять. Поговорил с Ароком, он проникся, побежал к начальнику внутренней охраны. Я попросил Чубу и эту, Кану, незаметно последить за входом и окнами. Открытое окно — это был знак для наших солдат. Вот, собственно, и все, дальше вам известно... Однако, каюсь, до самого последнего момента я не знал, против кого он нанесет удар. Думал, что против вас, маскап».

«Гениально. Примите мои поздравления».

«Разрешите мне спуститься в подвал? Там как раз начинают допрашивать Руркана, я бы хотел поприсутствовать — может, помогу чем-нибудь...»

И Рошаль отправился вниз, а Сварог, докурив, поднялся наверх, к себе — где уже ждала Домгаар...)

— Вы не боитесь так — без охраны? — спросил Сварог, прислушиваясь к шуму снаружи.

— Теперь — нет, — твердо сказала она. — Теперь они долго нос не высунут...

— Вы удивительная женщина, ваше величество. Я восхищен. И всю жизнь проклинал бы себя, если б отказался принять ваше приглашение.

— Я женщина, — грустно сказала она. — Я просто женщина, которую Тарос за какие-то преступления наградил короной... А вот вы льстец...

— Есть немного, — улыбнулся Сварог. — все мы, знаете ли... Кроме нашего дорогого Рошаля.

— Зато у него другие таланты.

— Стараемся, — скромно сказал Сварог.

— Впрочем, я и не сомневалась. И теперь окончательно уверилась, что вы нужны мне. Все шестеро.

— Опять угроза, ваше величество?

Он посмотрел ей в глаза, и она взгляда не отвела. Сказала тихо:

— Теперь уже и не знаю, мастер Сварог. Признаюсь, была у меня мысль задержать вас и заставить работать с и л о й... но теперь, после того, как вы спасли мне жизнь... Я не настолько неблагодарна. Да, я нуждаюсь в вас, но... В общем, так. Вам в вашем пути может понадобиться моя помощь? Помощь Фагора? Лошади, провиант, оружие?

Сварог пожал плечами.

— Лошади — нет, не пройдут, провиант — тоже нет... Разве что интересно было бы, конечно, покопаться в ваших архивах, но, боюсь, у нас мало времени...

— Архивы остались на Атаре, — глухо сказала Домгаар. — Михлест решил не перегружать корабли ненужным хламом.

— Тем более.

— Куда вы идете, граф? — неожиданно спросила она. — Что вам там делать?

— Работу, ваше величество... Впрочем, не знаю. Возможно, что я ошибаюсь.

— Вы просто не знаете самого себя. Вот например... Да сидите, сидите, не на приеме...

Она встала, подошла вплотную к Сварогу, наклонилась и легонько коснулась его волос на левом виске.

— Например, граф, — вы знаете, что это у вас там такое?

— Где?

— Ну не надо. Синий шарик, пульсирует...

Сварог на мгновение опешил.

— Вы... Вы видите его?!

— Не вижу, но чувствую.

— Понятия не имею, что это за штука, — честно признался он.

— Странно, я всегда думала, что и это — тоже легенда. А оказывается — правда... В одном старом архивном документе я нашла упоминание о некоем ученом из Фагора по имени Сиргамас...

— Знаю, — кивнул Сварог. — Мечтал осчастливить человечество поголовным переселением под воду.

— Откуда вам это известно? — Она действительно была удивлена. — Никаких материалов об этом проекте почти уже и не осталось.

— Я просто встретился как-то с этими... осчастливленными...

Домгаар на секунду задумалась, потом несмело улыбнулась:

— Уже немного зная вас, граф, я полагаю, что счастливыми они быть перестали.

Черт, все-таки это и в самом деле была простая женщина, которая только делала вид, что сильная,

потому что стране необходимо выжить. Она продолжала стоять близко, очень близко, и Сварог чувствовал тонкий аромат каких-то духов, смешивающийся с запахом чистого тела. Он медленно обнял ее за бедра, и она не сопротивлялась...

Крики за окнами перестали для них существовать. Равно как и весь Фагор с Граматаром и прочими мирами.

А когда Сварог выплыл из сладостного дурмана, то не сразу понял, что шум действительно стих — теперь снаружи было безмолвно и покойно, лишь где-то вдалеке таякала какая-то собачонка. Интересно, сколько прошло времени...

Он скосил глаза. Домгаар лежала рядом и водила пальчиком у него по груди, рисуя замысловатые узоры на коже. Он обнял ее свободной рукой, но она слегка отстранилась.

— Ты все равно уйдешь...

— У меня работа.

— Мужчины всегда уходят, а женщины всегда ждут их возвращения... Нет, не бойся, я не буду ждать. Просто...

— Я понимаю, — сказал Сварог. — Тебе хочется, чтобы рядом всегда была мужская рука, на которую можно опереться, — а опереться-то не на кого. И когда на горизонте возник этакий...

— Замолчи. Замолчи — потому что ты прав... Я тебе противна? Тоже мне — королева...

— Ты прекрасна, — сказал он чистую правду. — Ты настоящая королева. И настоящая женщина. И если бы все было по-другому...

— По-другому не бывает никогда.

Она замолчала ненадолго, потом проговорила нараспев:

Зеленым горячечным чадом
Вливалась в палату луна
И мальчика, спящего рядом,
Неслышным змеящимся ядом
Неслышно одела она...

— Боишься, что пойдут сплетни? — спросил Сварог.

— Нисколько, ты не понял... Да никто и не узнает: я отправила охрану на внешние рубежи дворца.

Она плавно выскользнула из его объятий, не спеша принялась одеваться. Сварог смотрел на нее с затаенным восхищением, с грустной любовью.

— Вот и все, граф, — сказала она. — Вот и все. Главное — не оглядываться и не жалеть. Ты не жалеешь?

— Бестактный вопрос, ваше величество.

— Да, я не рассказала тебе о Последнем Шансе...

— О чем?! — Сварог даже сел.

— Успокойся, ничего страшного. Этот пульсирующий сгусток у тебя в голове... — Она присела на краешек постели и пальцами растрепала ему прическу. — Я читала, что когда Сиргамас создал первого двоякодышащего человека, то он вложил в него такое... устройство не устройство, магия не магия... Не знаю, как объяснить. В общем, это что-то вроде взрывателя. На крайний случай. Когда враги вокруг и нечем отбиваться. Называется Последний Шанс — достаточно сконцентрироваться на этом шарике и мысленно бросить подальше от себя — рванет так, что ой-ой-ой... А можно и не бросать, просто сконцентрироваться — тогда тебя самого, вместе с врагами.

— Ой-ой-ой... — потрясенно прошептал Сварог. И чуть ли не крикнул: — Ничего себе — ой-

ой-ой! Это что получается, это получается, у меня в голове — бомба?!

— Получается, — почти весело сказала Домгаар.

— Ну ни хрена ж себе... А ты-то чему радуешься?

Она стала серьезной.

— Когда я увидела взрыватель, там, в тронном зале, то сначала испугалась. Решила, что это для меня подарочек... А оказывается, ты и сам ничего не знаешь.

— Ясно. — Сварог горемычно вздохнул и осторожно потрогал беговую головушку. — Почему же ты сразу, как увидела, не кликнула стражу?

— Сама не понимаю. — Она тряхнула плечами.

— Черт... Да если наш Рошаль узнает, что я — ходячая мина... он же голову мне вместе с миной оторвет, он же перестраховщик!

— Кстати, — она закрыла ему рот ладонью. — Граф, как вы думаете, а мастер Рошаль не согласится остаться в Фагоре? Тут много работы по его... профилю. А там, куда вы направляетесь, — там же нет людей, нет объекта, так сказать, приложения его сил...

— Не знаю... — Сварог в самом деле подумал о такой возможности. — Надо у него спросить...

— Не согласится, маскап, будьте уверены, — донесся знакомый голос из-за занавеса, за которым скрывалась дверь в комнату.

Домгаар дернулась к шпаге, повешенной на спинку кровати, а Сварог резко натянул на себя простыню.

— Черт бы вас побрал, Рошаль!!! — крикнул он. — Вы что, подслушивали?!

— Никак нет, — спокойно ответил невидимый охранитель. «Врет, — подумал Сварог. — Ох, врёт,

мерзавец...» — Я просто пришел сказать вам, что экипаж собран, построен и ждет распоряжений.

— Ага... Ну и... как там?

— Почти закончили. Осталась мелкая сошка, ее вышелушат и без меня. Руркан под арестом, ждет королевского суда.

— Сколько времени?

— Рассвет через два часа... самое время выступить, маскап. Если вы, конечно, не передумали.

— А вы? — дерзко спросила Домгаар.

— Позвольте войти?

— Да валяйте уж...

Занавеска колыхнулась, и мастер старший охранитель появился в комнате.

— Я тоже не останусь, ваше величество, — поклонился он, на голого Сварога даже не взглянув. — Здесь, конечно, непаханое поле для моей работы, но... Я, понимаете ли, не привык сворачивать с полдороги. Мы направляемся в конкретное место с конкретной целью, и пока не дойдем, я не отступлюсь... Если, конечно, мастер капитан не сочтет мое присутствие среди членов экипажа ненужным.

«А ведь он действительно не подслушивал, — вдруг понял Сварог. — Он работал — меня охранял, охранитель чертов...»

— А вам говорили когда-нибудь, — уже успокоившись, спросил он с ласковостью змеи, — что вы, мастер Рошаль, — распоследний негодяй и просто бесчестный человек?

— Неоднократно, — с достоинством кивнул Гор. — Но не так часто, как, скажем, называли именами, которые я не решусь произнести при даме.

— Идите уж, дайте одеться спокойно...

Часть вторая

ТУДА И ОБРАТНО...

Глава седьмая

Долог путь по Граматару

Они взобрались на холм, откуда последний раз можно было увидеть столицу Фагора («Эх, а я ведь так и не узнал, как она называется... впрочем, зачем?»), постояли немного и двинулись дальше по компасу. Сварог прислушивался к себе, пытаясь отыскать... что? Нет, легкая заноза в душе присутствовала, это да, но сильного страдания не причиняла — так, просто боль от разлуки... Королева, между прочим, к почетному покиданию босвого отряда столицы не вышла, зато, наплевав на ранний час, высыпали почти все горожане, от мала до велика, и в толпе усиленно ходили слухи, что столицу-де покидает специальная рота по предотвращению заговоров и дворцовых переворотов в разных странах. Куда она направляется — тайна сия великая есть... а вот откуда пришла, об этом как-то никто не думал.

Вскоре город скрылся за холмами, они снова углубились в лес.

Первый час Олес взахлеб рассказывал, как они славно метелили по всему городу заговорщиков, как быстро мастер Рошаль организовал слаженное прочесывание домов с одновременным допросом подозреваемых, как вычислял, где заговорщики

могут прятаться, а вот мастер Пэвер разгромил винный подвал, по ошибке приняв его за подпольную штаб-квартиру, и в одиночку чуть не уничтожил все запасы, как Чуба, на минуту обратившись волком, почти довела до припадка одного уж очень настойчиво не признающегося, после чего он признался во всем, а вот Кана возглавляла отряд чистильщиков...

— Да, для меня это был познавательный опыт, — только и сказала на это островная дева. Из всего экипажа она одна была мрачна и недовольна вынужденной задержкой.

Но потом Олес притомился и шагал молча.

...Как известно, человек рано или поздно привыкает ко всему. Привыкли они и к Граматару. Уже не поражали воображение сюрреалистические картины сухопутно-океанской мешанины. Уже проходили не то что не застывая соляными столбами, а даже голов-то не поворачивая, мимо таких диковин, как речной плес, утыканный морскими звездами, или развалины какого-то строения, облепленного ракушками так, что на стенах живого места не оставалось, и от которого по всей округе распространялся столь могучий запах тухлой рыбы, будто бы строение от фундамента до провалившейся крыши набито отборной тухлятиной, точно бочка селедкой.

Наткнувшись посереде леса на рыбину, пучащую глаза из-под корней, где она в какой-то луже каким-то чудом продержалась со всплытия до сего дня, они уж не толкали друг друга в бока — что творится, бляха-муха и Наваково семя! Ну рыба, ну в лесу, подумаешь... Подумаешь — пролетела сова с квелой осьминожкой в когтях... Привычной

частью звукового сопровождения стал хруст ракушек под подошвами. Так, гляди, хрустеть перестанет — уже почувствуется, что не хватает чего-то очень родного и очень домашнего.

Олень, чешущий бок о коралл, рачки, снующие по стволам и веткам, низины и овраги, затопленные невысохшим илом, коричневым и сочным, в котором еще всюду копошатся какие-то твари, сцепившиеся в смертельной схватке карась и бурундук... Все правильно. Так и надо. Мы идем по Граматару, пум-пурум-пурум-пумпум...

Олес еще не бросил своего развлечения, еще продолжал собирать жемчуг. Правда, наклоняться к каждой раковине-жемчужнице уже ленился, делал исключение лишь для самых больших — и то, если те валялись не далее десятка шагов в сторону. Поставленную задачу — собрать тридцать три жемчужины, чтобы сделать из них что-то, как у Круарха-Альбиноса*, он уже давно выполнил и теперь шел на рекорд. Выковырянную жемчужину он сравнивал с самой мелкой из своих. Если найденная оказывалась крупнее — мелкая летела в траву. Иногда большие раковины притаскивала ему в зубах Чуба. Таким образом, княжья коллекция, не увеличиваясь количественно, укрупнялась и утяжелялась.

Привалы делали редко — пока есть силы, нужно было идти вперед. Вперед, вперед, вперед... Ночи проводили в спальнях мешках дамургов —

* Круарх-Альбинос — один из вильнурских князей, легендарный охотник на нечистую силу, на всех картинах изображался в чото (серебряная цепочка, на которую нанизано тридцать три жемчужины и которой опутывали правую руку от запястья до локтя), изготовленным им самолично и имевшим силу оберега.

вещь оказалась полезной не меньше рикс и сделанной с умом. В таком мешке не было ни холодно, ни жарко, ни душно, а было хорошо, как в родной кровати. И Сварог подозревал, что такая ткань выдержит даже коготь разозленного медведя — чем черт не шутит...

Перелески, овраги, холмы. День, ночь, день, ночь. Привалы, сон, еда — и снова в путь. Ни души вокруг. Отряд держался на удивление бодро, даже Рошаль втянулся. Стох продолжал указывать на гору, и Сварог забеспокоился всерьез: карта картой, но ведь ландшафт материка, по словам Вало, меняется от всплытия к всплытию — а вдруг именно на этот раз тайник оказался на вершине чудовищного пика? Не лезть же под облака, черт возьми, там холодно...

Здесь, в глубине Граматара, было еще неспокойно, то и дело они ощущали слабые подземные толчки, порой ветер доносил запах гари, но огня не было — и слава богу: лесной пожар — это, знаете ли... Подземные толчки повторялись с регулярностью, наводящей на мысль о разумной деятельности. В самом деле, с интервалом примерно в пять часов земля начинала ходить ходуном, птицы испуганно срывались с насиженных мест, на солнце набегали тучки, приходилось останавливаться и пережидать. Но поскольку землетрясения повторялись с точностью хронометра, привыкли и к ним.

На исходе четвертого дня они вышли к большой поляне посреди стеной застывшего леса. В центре поляны возвышалась древняя полуразвалившаяся башня, кладка из огромных камней, поросших мхом с налетом вездесущей соли, держалась разве

что каким-то чудом, казалось — плюнь, и рассыплется колосс в прах...

Сварог с опаской заглянул в одно из круглых окошек, опоясавших башню по кругу. Что и ожидалось — затхло, сыро и никого. Он покачал камнями, огляделся, скомандовал:

— Привал. Заночуем здесь. Не в башне, конечно, а то развалится еще от храпа уважаемого субгенерала, — вон там, подальше, под орешником. Олсс, костер. Чуба, пробегись вокруг, посмотри как и что... Ночное дежурство по расписанию. Кана, сегодня твоя очередь кашеварить.

Кана уныло кивнула. Сварог привычно наколдовал шесть пайков (сегодня в меню были мясной бульон, жареная баранина и кофе), отдал островитянке и отправился в кусты по зову природы...

Корабельным ревуном взвыло чувство опасности, и проклятуший синий мячик вновь застучался в левый висок.... А потом в ноги толкнуло так, словно он все еще на борту броненосца, во время артиллерийского боя. На голову посыпалась какая-то труха с дерева, кроны вокруг тревожно зашумели, взвились стайки пичуг. Сварог бросился обратно. В лицо ударил горячий ветер, словно перед ним распахнули дверцы топки, полетела жухлая листва...

— Мастер капитан!..

Пэвер, сильно наклонившись вперед, против ветра указывал куда-то в сторону башни. Сварог посмотрел в том направлении... и обмер.

Вокруг башни начиналось некое движение, какое-то верчение самого воздуха начиналось там — он отчетливо видел этот воздух, спиралью сверху

вниз закручивающийся вокруг строения и бестелесными щупальцами тянущийся по земле к людям. Задрожали камни кладки, зашевелились, точно живые, вот один вырвало из стены, закружило в вихре, шаркнуло оземь...

Он включил «третий глаз» и в магическом зрении увидел то же самое — за одним исключением: бесчисленные щупальца ожившего воздуха были увенчаны зубастыми пастями, жадно нацеленными на людей.

— Уходим! — заорал Сварог. — Быстро! Олес, мать твою, бросай костер! Чуба! Где Чуба?

Олес от разлетающегося искрами костра метнулся к ругалю, подхватил, забросил на плечо... Одно из воздушных щупальцев просвистело в каком-то кайме от его ноги, Сварог выхватил шаур, дал очередь по башне...

Бесполезно. Ветер, да нет, какой там ветер, — ураган подхватывал звездочки и пускал их плясать в своем безумном танце. Рошаль мчался к Сварогу огромными прыжками, следом поспевали остальные, а Чуба где?! Вон она, слева, несется серой тенью за кустами... Они отбежали на треть кабелота от злокозненной башни и только тогда позволили себе перевести дух. Отголоски воздушной вакханалии долетали даже сюда — земля дрожала под ногами, а над деревьями медленно и красиво поднимался в закатное небо рой камней — останки древнего строения.

— Что... Что это было?.. — шепотом спросила Кана. — Опять землетрясение?

Сварог передернул плечами.

— Что, что... Понятия не имею, вот что. Граматар, понимать надо... Но одно знаю точно: но-

чевать мы туда не пойдем... Чуба, ты ничего не почувствовала?

Волк покачал головой.

— Странно... Может, это и не магия?

— Или магия очень древняя, — добавил Пэвер.

— Все, блин, возможно...

Этой же ночью Сварог проснулся от незапомнившегося, но неприятного сна и некоторое время тупо таращился в темноту, пытаясь сообразить, где он и что тут делает. Костер почти погас, угольки едва горят, где дежурный?.. А потом он увидел, что это вовсе не костер светится в ночи — костер горел совсем в другой стороне, а рядом темнел силуэт дежурившего Рошаля. Сварог приподнялся на локте, другой рукой нашаривая шаур, протер глаза, вгляделся.

Неподалеку, гораздо ближе, чем казалось сперва, над самой травой в беззвучном танце кружились фосфорически светящиеся пары в вечерних костюмах — настоящие люди, мужчины в черных фраках и женщины в белых и алых платьях, восемь пар, только ростом эти люди были с мизинец... как лилипуты Талара. Сварог почувствовал, как мигом вспотели ладони. А танцоры на зрителя не обращали ровным счетом никакого внимания, они были поглощены друг другом и музыкой, слышной только им самим. Они танцевали упоенно, судя по движениям — какой-то медленный вальс, и чем дольше Сварог смотрел на них, тем сильнее становилось чувство, что он погружается в ритм танца, сам становится частью беззвучной музыки...

Он открыл рот, чтобы окликнуть Рошаля, но испугался разрушить чудесное видение... Нет, какие, к лешему, таларские лилипуты? Это были со-

всем другие существа, из другого мира, невыразимо более прекрасного, чем Димерея, Талар и Земля вместе взятые... Неизвестно, сколько времени Сварог наблюдал за чарующими па светящихся танцоров, — но вот что-то изменилось в медленном кружении, краски поблекли, стали угасать, и парящие над травой фигурки погасли одна за другой, словно и не было никогда. Вновь опустилась ночь, темная и скучная. Сварог откинулся на спину и некоторое время лежал, глядя в беззвездное небо. Ни о чем не думая. Вспоминая ритм молчаливой музыки. И понимая, что он случайно заглянул в щелку, куда простому смертному смотреть нельзя. В мир, который, наверное, существует, только когда в течение тысячи лет поблизости нет ни одного человека...

А утром снова в дорогу. Олес забросил соби-
рание жемчужин — надоело, и так карман от-
топыривается... да и раковины куда-то исчезли.
Шли молча, вставало солнце, со дна долины под-
нимался туман. Самый обыкновенный туман из
обыкновеннейшей долины — однако их не поки-
дало тягостное ощущение полного и бесконечно-
го одиночества. Словно не осталось в мире лю-
дей, словно они остались одни во всей вселен-
ной — в месте, где человеку быть не положено,
где все принадлежит только природе и силам, ею
управляющим... Даже птицы не горланили свои
утренние песни, и тишина вокруг стояла оглу-
шающая, нарушаемая лишь хриплым дыханием и
шорохом ног...

Мрак упал на них, как черное покрывало. Разом
стало темно, будто выключили свет... или будто ты
ослеп. Даже тех цветных пятен, что обычно возни-

кают, если закрыть глаза, не было — абсолютная, черная бездна...

Олес громко выругался:

— Я не вижу ни хрена!

— Не ты один, — сказал Сварог. Попробовал задействовать «кошачий глаз» — бесполезно. — Все стойте на месте! Разойдетесь — потеряетесь...

— Что еще на нашу голову? — донесся голос Пэвера.

— Не знаю, я не всевидящий... — заорал Сварог. — Я вообще слепой!

— А вы не орите на меня, граф!

— Да заткнитесь вы все! — это истеричный голос Каны.

«Так, стоп», — сказал себе Сварог и попытался взять себя в руки. С чего, интересно, эта вспышка ярости?..

— Так, экипаж, слушай мою команду...

— А не провалиться ли вам с вашими командами? — раздался вибрирующий от гнева баритон Рошалья.

Сварог открыл было рот, чтобы ответить... но вовремя прикусил язык. Спокойствие, только спокойствие.

— Экипаж, ко мне на мой голос. Нам надо быть рядом, пока не...

Язык пришлось прикусить вторично, потому что именно в этот момент Сварог догадался включить магическое зрение. И увидел.

Да, «третий глаз» работал, хотя и плохо — как фонарик с подсевшими батарейками в темной комнате, видишь только то, на что направляешь луч, а все остальное теряется в сером мареве... И из

этого марева на отряд надвигались серые голые скрюченные фигуры, десятки, сотни...

К ноге прижалось что-то большое, теплое, лохматое, дрожащее, Сварог чуть не подскочил от неожиданности, направил магический взгляд вниз — тьфу, блин, это ж Чуба... А вот и остальные герои-покорители Граматара — стоят, озираясь незрячими бельмастыми глазами, и не видят...

Он выхватил шаур — и тут ближайшая тварь резко распрямилась и прыгнула. Сварог инстинктивно пригнулся, и только это спасло его — тварь, очевидно, не понимала, что он может худо-бедно видеть в наведенной темноте. Она перелетела через Сварога и шумно брякнулась оземь, взвыла тихонько, заскулила. Со стороны ее коллег послышалось злобное шипение.

— Я слышу что-то! — крикнул Олес.

И тогда Сварог начал стрелять. Сжав зубы, боясь только одного: как бы не зацепить своих...

А вот звездочки он видел идеально — ослепительными кометами они вылетали из шаура, прорезали тьму и настигали цель. И бестии из мрака с едва слышным фуком разлетались в клочья.

— На землю! — крикнул он изо всех сил. — На землю, сучьи дети, задену же!

— Да что... — возмутился Пэвер, но Сварог сделал к нему шаг и сбил с ног:

— Ложитесь, задену же, обормоты!

Наконец, послушались. Растянулись на траве.

Отовсюду неслись вой, повизгивания, шипение и клекот.

Одна тварь подобралась почти вплотную к Кане — и тянет к ее горлу скрюченную пупырчатую лапу с перепонками между пальцев. Сварог быстро

прицелился, потянул крючок... И тут же развернулся в другую сторону. Он стрелял, стрелял и стрелял — а конца и края уродам не было. Серая тень мелькнула в воздухе и исчезла в гуще нежити: Чуба нанесла свой удар... В глазах уже рябило от ярких черточек, оставляемых на черном бархате тьмы серебром из шаура, Сварог палил в белый свет как в копеечку — если, конечно, уместно такое сравнение для полной темноты, поливал серебром все вокруг, деревья, кусты, тварей...

И настал момент, когда теневая орда дрогнула и стала отступать, жалобно стеная и огрызаясь. Уползать в тени под деревьями, скрываться в полумраке чащи, прятаться в сумерках ельников... И вместе с отступлением тварей возвращалось зрение, возвращался свет — медленно, но возвращался...

— Отбой, господа, — сказал Сварог и подул на сведенный судорогой палец, которым он давил на курок шаура. Снова вставало солнце, снова белел туман и было утро. — Гости разошлись по домам.

— Боже, что это было? — простонал Пэвер, садясь и тряся головой. — Меня что-то сшибло с ног...

— Чуба! — позвал Сварог.

Волчица появилась откуда-то из зарослей, с оскаленных клыков свешивались прозрачные ошметки чего-то или кого-то, и была она вся, с лап до головы, перепачкана желтоватой слизью. Села в сторонке и принялась вылизываться, то и дело тряся башкой от брезгливости.

— Это Люди Сумерек, — сказала Кана, и в глазах ее появился непритворный страх. — Нежить. Живут в самой глубине океана, а на поверхность

поднимаются только в сильные шторма — поохотиться... Много людей с Островов попали к ним в лапы...

— Из океана? — спросил Олес. — Но здесь же суша...

— Давно ли? — напомнил Рошаль и посмотрел на Сварога изподлобья. — Мастер капитан, я приношу свои извинения...

— Пустое, масграм, — Сварог сунул шаур за пояс. — Я так понимаю, что эти теневые ребята внушают жертвам чувство ненависти...

— Совершенно верно, — сказал Пэвер. — Я читал о них. Они, вообще-то, гурманы, предпочитают крупную рыбу — вроде акул, подплывают, одурманивают злобой, и когда рыбешки начинают друг друга крошить в мелкую капусту, нападают сами... А тут, наверное, приспособились как-то...

— В общем, пакость, — констатировала Чуба, более-менее приведя себя в порядок и вернувшись в облик человека — человека растрепанного и перепачканного, но донельзя довольного собой.

— Тихо! — Сварог поднял руку и прислушался.

Все замерли. Показалось? Или действительно где-то впереди, далеко-далеко, на грани слышимости кто-то играет на дудочке? Причем мелодия до боли знакомая... Всплыло в памяти: «Когда-то в утренней земле...»

— Слышите? — тихо спросил Сварог.

— Тихо, как на дне океана... — ответил Олес, но тут и Рошаль поднял руку:

— Погоди-ка... Да, мастер капитан, по-моему, кто-то поет...

— Не поет, а играет. На свирели, — возразил Пэвер.

— А кому придет в голову играть на свирели посреди леса?

— Духам леса, милая Кана, кому же еще...

Вернулась Чуба, разведывавшая дорогу впереди, вернулась бегом и уже в человеческом облике.

— Там... — запыхавшись, она указала вперед, — там есть что-то... Я не понимаю.

— Опасно?

— Не понимаю... Это не нежить и не магия. Это другое...

Сварог немного поразмыслил, сверился со стохом и решил:

— Ну что ж, посмотрим, кто там музицирует. Все равно нам туда... Чуба, человеком.

Шли около часа по густому лесу, и с каждым шагом звук нарастал, ширился, приближался, вон за тем выворотнем определенно должен быть его источник — но проходили минуты, а источник переливчатой мелодии как будто удалялся от них.

— Заманивает. Точно заманивает! — сказал Рощаль, брезгливо отдирая от рукава прицспившийся репей. — Еще какие-нибудь Люди Сумерек...

— Куда заманивают? — возразил Сварог. — Мы идем точно по маршруту, нас и заманивать не надо — сами придем... Стойте-ка, вон там, кажется...

Деревья словно расступились, и они оказались на небольшой лужайке, окруженной частоколом толстенных деревьев. А посреди лужайки, на пне размером со стол короля Артура и с по меньшей мере сотней коричневых камбиальных колец сидел вылитый Пан. Или фавн — кому как нравится. Низкорослый, коренастый, с седой бородищей до пупа и с поросшими рыжими кудряшками козлиными ногами.

Сидел и играл себе на свирели, а мелодия, завораживающая, тягучая, монотонная, лилась по земле и устремлялась ввысь. По траве стелился туман, лизал желтые копыта Пана, и вся эта картинка была такой неестественной, такой *на дум а н н о й*, словно декорация к дешевому ужастику.

Сварог уловил мелодию и, сам не зная почему, будто его подтолкнули, вполголоса прочитал под аккомпанемент:

Когда-то в утренней земле
Была Эллада...
Не надо умерших будить,
Грустить не надо.

Проходит вечер, ночь пройдет —
Придут туманы,
Любая рана заживет,
Любая рана.

Зачем о будущем жалеть,
Бранить минувших?
Быть может, лучше просто петь,
Быть может, лучше?

О яркой ветренной заре
На белом свете,
Где цепи тихих фонарей
Качает ветер,

А в желтых листьях тополей
Живет отрада:
— Была Эллада на земле,
Была Эллада...

Пан отнял свирель от мясистых губ, но мелодия еще какое-то время скользила и текла над лужайкой.

— Хорошие слова, — сказал он гулким, как бочка, голосом. — Эллада... и слово красивое. Ты сам придумал?

— Нет, — сказал Сварог. — Но мне тоже нравится.

— А Эллада — это где?

— Далеко...

— Понятно. Осталась там, на другой суше... Там тоже жили люди? Не похоже — очень красивое название, очень...

— А вы кто? — осторожно спросил Олес.

Пан с тоской смотрел в сторону.

— Я лес. Я озеро. Я трава и небо в облаках. А ты, вижу, человек... Значит, люди уже здесь... Ах, как обидно, что так мало времени... Почему всегда так мало времени на свободу?! — И спросил вдруг спокойно: — У тебя тоже есть музыка?

Олес покосился на катрал, торчащий у него из-за пояса, и замялся:

— Н-нет, это другое...

— Инструмент, играющий по нотам смерти, — понимающе кивнул Пан. — Что ж, это вполне человечески — оружие. Оружие из дерева, оружие из серебра.... Оружие из клыков гуапа, одежда — из кожи животных. Сколько у нас времени, сестра? — повернулся он к Чубе.

— Не знаю, — Чуба опустила голову. — Немного. Может быть, месяц. Потом люди опять заселят эту сушу.

— Опять... — грустно протянул Пан. — А ты... с ними?

— Это мои друзья.

— Это хорошо. Что ж, живите... люди. До следующего раза.

Он ловко соскочил с пня и повернулся к ним спиной. Сказал, тыкая пальцем в разные стороны:

— Туда, к распадку не ходи, сестра. Туда, где раздвоенный дуб, тоже. Там плохо. Для людей очень плохо. Идите вон туда, там тоже есть люди. Прощай, сестра, встретимся в следующий раз.

Туман рассивался под солнечными лучами — и вместе с ним рассеялся, пропал Пан...

Глава восьмая

Шагом и бегом

Сохранили прежний порядок: Чуба двигалась впереди, разведывая обстановку, изредка возвращалась и вновь убегала вперед. Остальные, растянувшись цепочкой, шли след в след, осторожно и внимательно.

На этот раз Чуба вернулась явно взволнованной. Забежав за спины идущим, она обратилась в женщину и догнала экипаж.

— Впереди... недалеко, — она никак не могла освоить человеческие меры длины и каждый раз мучительно подыскивала замену каймам и кабелотам, — дойти до того пригорка, видите, где кривые деревья без листьев, потом останется спуститься вниз, к подножию. Там канава из камней. Неглубокая, но очень длинная, конца не видно.

— А начала? — поинтересовался Олес.

...Начала у той канавы тоже не было.

— Линия обороны, — это предположение Пэвер высказал еще с вершины холма, едва углядев

углубление в земле, выбегающее из леса, пересекающее по прямой, по горбам всех взгорков-пригорков равнинную часть и вдалеке скрывающееся за холмом.

— А где блиндажи, брустверы, ходы сообщения, долговременные огневые точки? — спросил Сварог.

— Так может, это только мы с вами, граф, такие умные, — веско парировал суб-генерал. — А эти строители о войне имели такое же представление, как... — Пэвер покрутил головой, выбирая жертву, — ну скажем, как Олес о посевной жатве и уборочной страде...

Сварог, усмехнувшись «посевной жатве», повел отряд к преграде, миновать которую было пожалуй что и невозможно, как ни исхитряться.

И вообще, то был самый настоящий канал, а никакая не канава. Кайма три в глубину, кайма четыре в ширину, сложенный из белых камней. Кладка идеальная, сработанная мастерами даже уж не по линейке, а не иначе как по лазерному шаблону микронной точности. По дну рукотворного русла не текла вода, даже самые нижние камни оказались совершенно сухими. И еще одна любопытная особенность сразу бросалась в глаза — канал был чист. Ну не то чтобы безупречно, кое-какой мусор все же присутствовал — вроде песка, мелких камней, листьев и сухих клубков странствующей травы (к мусору условно причислялись и гусеницы, и жуки, и суетливые ящерицы, и что-то шустрое и мохнатое, бросившееся по дну наутек, едва люди приблизились к каналу). Однако же напроць нет ни костей, ни донных отложений, ни вездесущих ракушек, ни других, уже намозолив-

ших глаза следов длительного пребывания под водой. И это тянуло на загадку.

Чуба заверила, что ни человеческий, ни иной запах в камни не въелся, либо же, за давностью времен, выветрился без остатка.

— Что-то мне этот кирпич напоминает, — присел на корточки Рошаль. — Белый, и никакого налета, будто к нему грязь не пристает...

— Старый Город, — подсказал Олес, тоже присел и провел ладонью по верхней грани кладки.

Пронзительно-голубая искра проскочила между ладонью молодого князя и строительным камнем.

— Водяная смерть! — Олес отшатнулся.

— Всем на три шага! — скомандовал Сварог, молниеносно просчитав, что если изнутри жажнет, то каменные стены канала примут взрывную волну и осколки на себя, а что не примут, то уйдет вертикально вверх.

Но взрыв не прогрехотал. Также не выехал из засады Страж, как когда-то у Старого Города... Зато послышалось журчание. Сильный и слаженный звук исходил из канавы.

Они вновь подошли ближе. Из незаметных глаз микроскопических отверстий между кирпичами кладки по всей ее длине и высоте в канал натекала вода. Ее уже набралось — ежели спрыгнуть вниз, то будет аккурат по лодыжку. И самое любопытное: вода со стремительностью горной реки неслась по каменному желобу. Причем огромную скорость потока тяжело было объяснить одним лишь наклоном искусственного русла...

Все, не сговариваясь, посмотрели на Олеса.

— А я-то что? — пожал плечами князь.

— Кана? — повернулся Сварог к воительнице.

— Первый раз вижу такое... такую постройку, — стриженная девка с любопытством заглядывала в канал. — И никогда не слышала про что-нибудь подобное.

— Этот тип с копытами говорил, что здесь есть люди... — задумчиво пробормотал Пэвер.

— Может быть, вы, мастер Олес, о чем-то нам все-таки не рассказываете? — с нехорошим прищуром спросил Рошаль. — Я не утверждаю, что скрываете или боитесь в чем-то признаться, но может быть, просто не считаете некоторые обстоятельства важными, а на самом деле именно они...

— Не забываетесь, ваше фалафельское сиятельство! — гневно перебил князь. — То, что мы выполняем задание людей, не признающих дворянство, еще не избавляет вас...

— А-атставить, мастера бретеры и спорщики! Не в Гаэдаро. Все разногласия между бойцами решает командир отряда. И я сейчас решаю более важные задачи — например, как использовать неожиданно-негаданно свалившееся на нас открытие. Хотите услышать сумасшедшую версию? Пришла тут одна в голову...

Водный поток пронес мимо сгрудившихся на берегу людей суслика, отчаянно кувыркающегося в стремнине.

— Представления не имею, кто построил это чудо света, разве что те же самые неизвестные строители Старого Города. Но вот зачем? Версия такова: перед нами не что иное, как средство передвижения. Водная самодвижущаяся дорога. Видимо, в комплект входит лодка, в нее садится пере-

мещаемое лицо и дует к пункту назначения... Так они и катались.

Иллюстрацией к гипотезе Сварога по каналу пронесло рыбу, которая из всех рыбьих сил пыталась зачем-то противиться течению, плыть против него... Да куда там!

— Где бы еще эту лодку раздобыть, — мрачно произнес Олес.

— Так ты и попробуй вызвать! — сказал Пэвер, который с победительным видом фельдмаршала прогуливался по краю канала, словно принимал водный парад. — Похлопай по кирпичам, подергай за что-нибудь! Тебя эта траншея не тронет, ты для нее свой... Интересно, а вот что прикажете делать, если мне не по пути с течением, если я в другую сторону хочу?..

— Короче, Склифосовский, — устало прервал его Сварог. — Даже если мы...

— Погодите, граф, — насупился суб-генерал. — То, чем вы меня сейчас назвали — это, надеюсь, не оскорбление?

— Напротив, — успокоил его Сварог, — это комплимент. Итак. Даже если мы развернем поток в другую сторону, это, увы, нам не поможет. — Присев на кочку, он разложил на коленях карту, закурил. — Наша цель находится строго перпендикулярно этому каналу, как мы его сейчас видим. Не исключая, что дальше канал сворачивает, очень может быть — что разветвляется, и одна ветвь упирается точнехонько в нее, в нашу цель. Однако то нам знать не дано, на карте уважаемых дамургов ни следочка канала. Проще говоря, канала, согласно карте, в природе не существует...

Сварог загасил сигарету.

— Ладно, привал окончен. Жаль расставаться с таким чудом, но нам, увы, с ним не по дороге.

Сварог поднялся, свернул карту. А Олес все-таки не удержался от продолжения экспериментов. Он щупал камни, постукивал по ним пальцами, пытался их сдвинуть, бил по ним каблуком, даже попытался засунуть кинжал в щель кладки — тщетно. Никаких лодок вызвать не удавалось, как, впрочем, и вообще что-либо еще изменить. Прозрачный до хрустального звона поток стремглав неся по белокаменному руслу, воды как набралось в половину высоты канала, так больше не прибывало...

Нарастающий гул. Где-то очень далеко, на окраине горизонта. И звук нарастал, нарастал в их сторону. Знакомый, чертовски знакомый звук...

Включились рефлексy, сработала сигнальная система, которая не умеет рассуждать, а умеет лишь действовать.

— В укрытие! В канал! — Сварог ухватил Кану за плечи и прыгнул с нею вниз, не думая о силе водного потока. С этим он уж как-нибудь справится, удержится, — может, даже и ничего, даже как раз кстати, что отнесет от этого места, которое сейчас черт те во что может превратиться. По привычке задержал дыхание, сжался, готовясь к обжигающему холоду «горного потока», однако водичка оказалась неожиданно теплой — как в нагретом солнцем лесном озере.

Гул, похожий на слаженное гудение осиной орды, но идущей со скоростью боевого вертолета. А шут этот Граматар ведает с его феноменом, как

его, первозданности, этот феномен запросто отмо-
чит шутку и с осиной ордой...

Уже из канала Сварог рванул за ногу Олеса, который застыл на краю, вглядываясь вдаль, зава-
лил и внизу подхватил. Рядом, подняв тучу брызг,
приводнился Пэвер. Сварог огляделся. Все.

— Прижаться к стенам! Сесть и прижаться к
стенам! К левой! Всем к левой стене! К левой по
ходу течения стене!

Только сейчас Сварог обратил внимание, что
едва они оказались в воде, как поток остановился.
Замер и не двигался, словно вода в ванне. Но сей-
час было не до поисков ответов на древние голо-
воломки...

Ввв-жиу! Звук, мощный, уши не закладываю-
щий, но неприятный, как гудение бормашины,
прошел над головами и — внезапно прекратился.
Исчез, словно выключили...

Зато никуда не исчез его источник.

Тень от него накрыла вжавшихся в камни лю-
дей. Тень — нетрудно разглядеть ее края — здоро-
венная. Поневоле задумаешься, каких размеров
сам предметец и сколько всего может оказаться на
его борту...

Слово «борт» пришло Сварогу даже не на ум —
куда-то в подкорку. Нарастающий гул всколыхнул
десантную память о воздушных атаках, о ковровых
бомбометаниях и крупнокалиберной смерти, про-
шивающей все под собой на сто кругов. Сейчас
Сварог был бы рад, если б эта дрянь оказалась
живым существом, которое легче обмануть и про-
ще напугать... Но эта тень ни в малейшей степе-
ни не походила на тень от живого существа — ина-
че как-нибудь двигалась бы, изменялись бы очер-

тания, крылышки, что ли, трепетали бы... Тут же — полная неподвижность. И никаких звуков отчего-то эта штука не издавала. Если висит в воздухе, то должны же работать лопасти, что-то еще должно работать... А если что-то живое, то должно сопеть, трещать, опять же, крыльями, зубами скрежетать. Эта дура висела в сторонке от канала. Задумчиво так висела, тварь. Сварогу категорически не нравились ее неподвижность и беззвучие. Словно бы ищет, падла, куда запропастилась издали замеченная группка... Теплая вода канала как замерла, так и стояла мертво, уже не журчала, подражая шепотным весенним ручьям, и позволяла людям слышать дыхание друг друга.

Раздалось тарахтенье, ничуть не напоминающее прежний осиный гул, тень неспешно переместилась, ушла за пределы видимости...

Ввв-жиу! И с прежним звуком, что давеча нарастал, а теперь убывал, летающее нечто унеслось прочь.

Они дождались полной, окончательной тишины.

— Что это было? — шепотом задал Олес вполне уместный вопрос. Ответа, судя по взгляду, он ожидал непосредственно от мастера Сварога.

— Какая-то тварь, — сказал Рошаль. — Или какой-то аппарат.

— Нет, для машины слишком быстро, — покачал головой князь, знакомый лишь с летательными аппаратами на паровых движителях.

— Надо было высунуться, глянуть, — с укором, неизвестно кому адресованным, произнес Пэвер.

— Они, похоже, как раз этого и ждали, — сказал Сварог. — Что ж... Раз такие неопознанные

дуры бороздят воздушные просторы Граматара, отныне придется с этим считаться... Открытых участков по возможности будем избегать, мало ли что. Сейчас же по каналу дойдем до леса, там по карте определимся с маршрутом. Придется, наверное, попетлять.

— До тебя никаких запахов не донесло? — спросил Рошаль у Чубы.

— Нет. И потом... в этом облике у меня не такой чуткий нос.

— Ах да, забываю делать поправки на контекст. Ну ты тогда почаще... — Рошаль щёлкнул пальцами, — принимай тот, другой облик. Сама понимаешь, в наших интересах следует идти на некоторые... неудобства, если они, конечно, имеются.

— Не вы ли, мастер охранитель, были тем, кто в свое время предлагал оставить гуапа на Атаре? — с раздражением напомнил Олес.

Рошаль преспокойно пожал плечами.

— Ну раз уж так случилось, мой юный мастер новоявленный князь, что не оставили...

Они двигались по поясу воде, которая хоть и обездвижела, но меньше ее не стало. Поэтому шли медленно и тяжело. Одно утешало — до леса было не больше полукабелота.

Черт побери, уж больно это напоминало «вертушку». Или даже реактивный самолет. И хотя сейчас Сварог спорил сам с собой — дескать, откуда могли взяться что вертолеты, что самолеты боевой авиации, ведь если б они и были изобретены в этом странном мире, то вездесущие дамурги хоть что-то про это должны коли не знать, то слышать, а Кана утверждает, что ни о чем подобном... И все же, все же... Следовало убраться как можно

быстрее из опасной зоны. Брести по пояс в воде — это не сахар медом намазывать, тут уж придется потерпеть. Перестраховочка не будет лишней, уж лучше, как говорится, перебдеть. Эта летающая неопознанность больно проворно носится по воздуху, того и жди — выскочит внезапно и застанет честную компанию на голом, отлично простреливаемом месте. Да и ее, неопознанности, беззвучный завис наводит на раздумья, напрочь лишенные всякой приятности. Например: а не выброшен ли с борта прибор, заменяющий наблюдателя. Сам наблюдатель вряд ли высажен — штуковина не приземлялась...

Как ни странно, в воде появилось необъяснимое, но явственное чувство защищенности, и мастер Пэвер сделал неожиданный вывод из сопутствующих ходьбе по каналу странностей.

— Тебя, испытываемый, надо почаще заставлять хвататься за незнакомые предметы, — проворчал он, брюхом вспенивая воду, точно всплывшая подлодка. — Глядишь, еще чего проявится. Может, в следующий раз более полезное...

У самого леса они обнаружили ступени, сбегające к поверхности воды. Если канал действительно служил таким водным транспортным средством, то перед ними, как пить дать, — один из причалов, возле которого древние обитатели Граматара останавливали свои гондолы, выбирались из них и шли... Куда, кстати говоря, шли? К замкам, к фазендам, к городам? И когда это было? И кем были те люди?..

А вот люди сегодняшнего дня выбрались из канала не по ступеням. Выбрались, подтягиваясь за верхнюю кромку, уже в самом лесу.

— Придется объявлять еще один привал. Заодно и перекусим... Надо проложить курс с учетом вновь открывшихся обстоятельств. По лесам. Чертовски не нравится мне эта летающая хренотень, — сказал Сварог и скинул ругталь посередине уютной полянки неподалеку от канала.

— А почему не нравится? — спросил Пэвер. — Вроде бы никаких оснований к тому. Всего лишь пролетело что-то мимо...

— Не знаю, генерал, но вот хоть ты тресни, не нравится. И по полям я отряд не поведу... Вы верите в солдатские инстинкты?

— Еще бы, — фыркнул суб-генерал и деловито принялся пучком травы очищать шпагу от влаги. — Коли именно они вывели меня из ущелья Гольмогор, а я с их помощью вывел и свой батальон. Причем без единой потери, если не считать рядового Шопри, налопавшегося сучьей ягоды. Славный поход был, я вам скажу...

Тем временем Олес, раскинувшись на траве в позе отдыхающего патриция, рассказывал Кане о Старом Городе.

— Потомок Древних? — задумчиво протянула островитянка, глядя на князя, мягко говоря, заинтересованно. — Я должна была догадаться...

Громко хрустнула ветка под ногой Чубы. Женщина-оборотень стала преображаться, но на полпути передумала и вновь вернулась к человеческому облику.

— Да, мне уже говорили, что я потомок какой-то исчезнувшей расы, — небрежно бросил князь, довольный тем, что его ревнуют.

— Мы, дамурги, убеждены, что Древние ушли за Звезды, — сказала Кана, то ли не заметившая,

то ли сделавшая вид, что не замечает опасности заполучить недруга в лице человека-волка. — Их цель — вернуться, когда они будут готовы обуздать землю, прекратить приходы Тьмы и, соединив Атар и Граматар, воссоздать тот большой континент, что был изначально...

— Сказки, — буркнул Пэвер. — Никакого единого континента не было, были всего лишь...

— Ша! — шепотом рявкнул Сварог.

Кто-то ломился сквозь заросли. Все вскочили на ноги. Сварог выхватил шаур, Чуба мигом обернулась в волка. Отряд разошелся в стороны, готовясь встретить неприятеля по всей науке... Что-то крупное и массивное продиралось сквозь лес, судя по звукам — особо не разбирая дороги. Ох, лишь бы оно не торопилось попировать человечинкой...

Наконец с треском, грохоча копытами, как кастаньетами, на поляну вылетел лось. Взмывенный, перепуганный. Провел шалым взглядом по компании двуногих тварей, развернулся, персбежав поляну, вломился в заросли и напролом помчался прочь.

— Тьфу ты! — сплюнул Пэвер, откладывая шпагу. — Небось какая-нибудь акула спугнула...

— Птиц не слышно, — заметила Чуба. — Они не улетели — они попрятались...

Так же непонятно птицы вели себя и дальше. Будто над ними, не переставая, кружил выбирающий жертву коршун. Но ничего угрожающего ни Сварог, ни его чувство опасности в пределах видимости пока не отмечали. Чуба, правда, утверждала, что нечисть в округе имеется, но ее немного. Применяя к нечисти канцелярский

язык, она наличествует в допустимой концентрации...

Может быть, предположила Чуба, все дело в тарках — из-за них и приутихла напуганная пернатая братия.

Их давно уже сопровождали, «подхватив» у поляны возле канала, эти самые тарки — нечто вроде полувампиров со слабыми зачатками разума. Чуба рыкнула на них пару раз, отогнала подальше, но они не отстали, шлепали сзади, на что-то надеясь — например, может, кто-то отстанет, кого-то раненого бросят товарищи, кто-то теплокровный и вкусненький, разругавшись с друзьями, продолжит путь в одиночку...

И на одном из плановых привалов они увидели этих самых тарков. Семья (Чуба сказала, что тарки живут не стаями, а семьями) количеством в семь голов расселась в сторонке на открытом месте, посреди лесной лужайки. С поваленного дерева, под которым расположился Сварог энд компани, открывался прекрасный вид на любителей полакомиться человеческой кровушкой. Быть может, тарки специально так и устроились, зачатками разума уповая на то, что их вид посеет страх в теплокровных созданиях и из этого что-нибудь да выгорит. Однако видок полувампирской семьи пробуждал лишь жалость и сострадание.

Самый крупный из семейки — не иначе, вожак и предводитель — ростом не превышал немецкую овчарку. Морды гиен с торчащими изо рта клыками, тонкие шеи, впалые животы, выпирающие ребра — вот вам и весь тарк. Перемещались они смешно: переваливались на задних кенгуриных лапах, потом опирались о землю или, вернее ска-

зять, заваливались вперед на короткие передние лапы, заканчивающиеся вполне человеческими, но детского размера ладонями, отталкивались ими, выпрямлялись и снова переваливались. Выходило неуклюже и медленно. Ясно, что охотники из них были никакие. Потому и грызли они на своем нелюдском привале какие-то старые кости. Или, может быть, наоборот? Зачатками разума они рассчитывали как раз таки пробудить в людях не страх, а жалость, переходящую в донорскую помощь?

Впрочем, кое-чего тарки все-таки добились — разжалобили-таки, рассиропили-таки командира теплокровных. Сварог сотворил кусок говядины и швырнул его нечистой семье. Семейство тут же сплелась в клубок в жестокой схватке за обладание мясом. Пришлось Сварогу еще немного поколдовать и накормить говяжьей вырезкой этих упырей, этих кровожадных и безжалостных порождений зла. Так, не ровен час, и подружишься. Потом придется зачислять кровососов в команду, а там и выделять нечистую силу в отдельный взвод. Готовый взводный уже есть — гуап по имени Чуба-Ху.

Собственно, благодаря этой грустной, голодной и злобной семье вурдалаков, они и обнаружили следы — неприязненно поглядывая в сторону тарков, Рошаль заметил на лужайке странные пятна, в расположении которых явно просматривалась некая геометрия. Объявив об окончании привала, Сварог вздохнул, отчего-то прекрасно сознавая, что ничего хорошего от этих следов ждать не придется, и сказал:

— Ну-с, пойдем глянем, что это такое...

Глава девятая
«Жидкий камень»

Распугивать тарков серебром не пришлось (Чуба заверяла, что мало кто еще так чувствителен к серебру, как тарки, — обычное прикосновение какой-нибудь серебряной пустяковины приведет горе-вампира к быстрой, но мучительной смерти). Те удрали, как только отряд людей двинулся в их сторону.

...Обычный лесной граматарский лужок: одуванчики качают желтыми головами над розовыми завитками рапанов, а кусты земляники окружают убеленный сединами морской соли валун. И даже не слишком граматарский пейзаж — не видно кораллов, прижившихся водорослей, морской песок надежно скрыла от глаз буйная молодая зелень...

И три одинаковых следа — как три вершины равнобедренного треугольника. Придавленная трава и глубокие... очень глубокие вмятины в земле: круг диаметром в полтора кайма, а в нем четыре небольшие квадрата.

— Ну? — спросил Сварог. — Кто-нибудь знает, что это такое?

— Что-то здесь стояло, — задумчиво сказал Олес. — А потом это убрали.

— Причем в количестве трех штуковин стояло, — добавил Пэвер.

— Или одной, но на трех опорах, — внес свою лепту Рошаль, с помощью сучка измеряя глубину вмятин.

— Гениально, Ватсон. Теперь хотелось бы знать: что это такое?..

Тарки, оказывается, убежали недалеко, тарашились из зарослей, издавая щелкающие звуки. То ли ругались, то ли причмокивали от вождения, а скорее всего подавали сигналы Чубе-Ху, своей среди чужих. Наверное, зывали к ее второй, нечеловеческой ипостаси и предлагали честно поделить носителей свежей кровушки.

Три одинаковых следа — это оказалось еще не все, чем был богат лужок. И Сварога больше заинтересовала непонятность номер два — следы-то что, тут, как говорится, неясно, но понятно... хотя ничего обнадеживающего и приятного та понятность не подарила. Луговая загадка номер два отыскалась в трех с половиной каймах от ближайшего к ней круга с квадратами.

Пятно мокрой травы. И опять же, если приглядеться и сделать поправки на размытые границы, то становится очевидным: пятно имеет строгую геометрическую форму — трапеции.

Чубе-Ху тем временем надоело выслушивать занудные пощелкивания тарков, она обернулась волком, зарывав, прыгнула к зарослям — и семья вурдалаков бросилась наутек, затрепав ветками на весь лес и сверкая пятками.

— Роса? — подошла Кана, села на корточки, посмотрела на мокрую траву, пальцами ее, однако, не касаясь.

— Разве что очень редкий вид росы, — задумчиво пробормотал Сварог. — Которому, когда придет пора составлять отчеты, можешь присвоить наименование «роса граматарская, насквозь необыкновенная»...

Сварог осторожненько потрогал поникшую траву. Трава была не только мокрой, но и вялой.

А земля под ней — холодной. Очень холодной. И заметьте, никакой магии не обнаруживается...

— Это след моря, — уверенно сказала Кана. — Такое бывает. Океанская вода ушла под грунт, скопилась в какой-нибудь подземной чаше. А ее испарения пробиваются на поверхность.

— Может быть. — Сварог поднялся, отряхнул ладони. — А может, и что-то другое... Ну полюбовались, и будя: Пора в путь, мастера скитальцы по Граматару. Нас ждут непройденные кабелоты, коих осталось не так уж много...

Он не стал делиться с остальными своими соображениями и зародившимися подозрениями. Никакой пользы в том нет. Честно сказать, он и сам не был ни в чем до конца уверен. И притом его догадки все равно не увязывались в единый тугой узел, некоторые вопросы пока еще болтались, как незавязанные шнурки. Вполне допустимо, что им явила себя всего лишь очередная из неподдающихся объяснению тайн, которыми полон всплывший материк. И очень хотелось бы, чтобы так оно и было.

На счастье, вскоре они углубились в настоящую чашобу, словно по заказу выросшую аккурат на пути следования. Чашобка удалась на славу — не то что сверху, но и с боков, со всех сторон на расстоянии десяти каймов уже совершенно невозможно было углядеть, есть ли кто-нибудь там, в паутине лиан, зарослях колючих кустов и частоколе деревьев, или же нет там никого — по той простой причине, что никому и в голову не придет соваться в этакое буйство граматарской флоры.

Судя по карте, Ключ ждал кобелотах в трех от них, точнехонько за чашобой, отмеченной на пер-

гаменте двумя невинными значками елочки и кле-на. И, судя по плотности зарослей, проходить эту дистанцию они будут до самой смерти.

Тем более что с чащобой было не все так просто. Не простая это была чащоба.

Сварог и сам уже некоторое время ощущал что-то не то в окружающей обстановке, но процесс продираия сквозь чащу, поиска опоры при каждом шаге, чтоб не переломать ноги, обрубания переплетений веток и лиан с помощью мало приспособленной для этого шпаги (могли бы, черти островные, мачете какое-нибудь дать, что ли), в общем, он настолько был поглощен, что не предавал особого значения смутному чувству некоего непорядка (а точнее именно что порядка) вокруг — до тех пор, пока Кана вдруг не остановилась как вкопанная и не сказала тихо:

— Что-то не так.

Остановились и все остальные. Сил радоваться передышке и принимать боевую стойку не было ни у кого. Откуда-то издалека доносились треск ломаемых ветвей и жалобное подвывание — несчастные тарки с упорством, достойным лучшего применения, продолжали тащиться следом.

— Ф-фу, ну и прогулочка... — несколько секунд суб-генерал тяжело дышал, восстанавливая дыхалку и утирая обильный пот со лба.

— Это не просто лес... — добавила Кана.

— В каком смысле? — И только теперь Сварог огляделся.

Оказывается, медленно, упорно, и как бы дикое не звучало по отношению к непроходимым джунглям, но они двигались по просеке.

Собственно, просекой это назвать было трудно — просто чаща на полосе шириной каймов тридцать была не такой густой и непролазной, как по сторонам, где вообще черт ногу сломит, и они интуитивно выбирали наименее трудоемкое направление. Вела просека точно на куз, что намекало на ее рукотворное происхождение... Впрочем, никаких следов присутствия более-менее разумных организмов поблизости не наблюдалось — ни в обычном зрении, ни в магическом.

Сварог сверился со стохом. «Кукиш» настойчиво уверял, что идти нужно напрямик по «просеке», до упора.

— Ну-с, пионеры мои дорогие и вояжеры разлюбезные? — повернулся Сварог к соратникам. — Ваши предложения?

— А что тут думать, идти надо. — Олес блаженно скинул рутгаль и привалился спиной к теплой коре поваленного дерева. — Вперед и только вперед. Пока не сдохнем в этом буреломе...

— Людей вокруг нет, — констатировала Чуба-Ху, преобразившись в человека. — И никогда не было...

— Последние тысячу лет, — поправил Рошаль, обеими руками вытирая пот с лица. — Но пусть меня сгноят в Пыльном подвале, если это не бывшая дорога...

— Лучше уж гнить в Пыльном подвале, чем здесь... — бросил Пэвер, сидя на здоровенном трухлявом пне и растирая левую сторону груди. Да уж, вот и старый вояка начал сдавать. — Хотя и Пыльного-то подвала уже нет... И дорога эта ваша... фу, черт...

— Вам плохо, генерал? — спросил Сварог.

— Ерунда, — отмахнулся Пэвер, — просто...

— Смотрите!

Это сказала Кана. Она сделала два шага в сторону и носком разворошила дерн на неприметной кочке. Кочка оказалась никакой не кочкой — под отброшенной землей ясно проступил серый камень... слишком уж правильной формы. Сварог дернулся в ту сторону — и не поверил своим глазам. Хотя почему бы и не поверить, спрашивается, ведь здесь, на Граматаре, люди жили, причем неоднократно...

Это был обломок железобетонной плиты — никаких сомнений. С пористым, как хлеб, сколом, со ржавыми, торчащими в разные стороны арматуринами... Ага, теперь просека предстала перед Сварога в новом свете. И как он раньше не обратил внимания на отчетливо геометрический порядок овражков, впадин, подъемов и рытвин этой просеки? Значит, действительно дорога. Бетонка, плита к плите. Построенная в незапамятные времена, неоднократно уродуемая катаклизмами, попеременно, раз в тысячу лет погружающаяся вместе с материком в океанскую пучину и раз в тысячу лет всплывающая, чтобы вновь обрести земель, травой, лесом — однако несомненно бетонка...

— Но вот вопрос: куда она ведет? — поинтересовался Рошаль.

— Куда бы то ни было, нам с этой дорожкой явно по пути, — вздохнул Сварог. — Так что, как верно заметил наследный князь, — вперед и только вперед. Но медленно. И по сторонам смотреть в оба у меня — как бы какие сюрпризики тут не подстерегали. Давайте, давайте, после отдыхать будем...

Чуба вновь обратилась в волка.

Как ни странно, но тот факт, что они движутся пусть по заброшенной и исковерканной, но все же таки дороге, придал им сил. И они вновь ломанулись сквозь заросли... Никаких сюрпризиков, к счастью, на пути не встретилось — то ли и не было их никогда, то ли пришли в негодность, за столько-то столетий...

И вскоре, совершенно неожиданно чаща закончилась, они вышли на открытое место.

Вышли — и замерли на краю, потрясенные. Даже Сварог, готовый к чему угодно, такого увидеть не ожидал. Пэвер выругался вполголоса. Перед ними расстилалась огромная, с четверть кабелота в диаметре бетонная площадка, которую отчего-то пощадили и многократные катастрофы, и вездесущая растительность, идеально круглая, с идеально ровной, будто отутюженной поверхностью. А посреди этого круга возвышалось одноэтажное серое строение, простенький параллелепипед, отдаленно напоминающий обыкновенный то ли гараж, то ли бункер. Но не это заставило людей остановиться: прямо перед ними, на полпути к зданию лежал скелет, по сравнению с которым бетонный домик выглядел просто-таки игрушечным.

— Дела... — только и сказал Пэвер.

— Значит, это правда, — в некоторой оторопи прошептал Олес. — Признаться, в душе я никогда не верил...

Сварог тоже отчего-то сразу узнал зверя, которому принадлежал скелет, хотя описания его, хозяина скелета, были полны недомолвок и иносказаний. Зверь. Именно с заглавной буквы. Точно такой же, как тот, атарский, из костей ко-

торого, согласно легенде, была сделана и шпига шторм-капитана Ксэнга, и амулет, подаренный Сварогу юродивым на дороге в Митрак. И даже тот факт, что исполинский скелет этого шестипалого бронтозавра никогда, с первого взгляда было видно, не принадлежал живому существу, впечатление, признаться, он производил. Зверь лежал на боку, опустив на бетон металлическую башку размером с кабину «КраЗа», с парой длинных прямых рогов и толстенными броневыми надбровными пластинами, изогнутые зубы в человеческий рост матово отсвечивают на солнце, меж вздымающимися ввысь арками ребер торчат оборванные пучки разноцветных проводов, сегментарный хвост каймов двадцати длиной изогнут по-змеиному и, кажется, вот-вот распрямится, как пружина, круша все в округе венчающим его шипастым шаром... Даже от обглоданного остова веяло такой мощью, такой животной силой и звериной яростью, что становилось не по себе. И даже думать не хотелось о том, каким был Зверь в расцвете сил и активной жизнедеятельности...

— Интересно бы узнать кто — или что — его так долбануло, — пробормотал Пэвер. — Повреждений не видать...

— А вот мне почему-то совсем не интересно, — фыркнул Рошаль.

— Нет, в самом деле: помер-то он не очень чтобы давно — во всяком случае, уже после всплытия Граматара, иначе кости смыло бы волнами к лысой бабушке... Значит, та тварь, что сняла шкуру с нашего зверька, запросто может бродить где-то поблизости...

— А если просто он загнулся от старости? — предположил Олес.

— Ша, — сказал Сварог, изо всех сил стараясь, чтобы голос его звучал ровно и уверенно. «Кукиш» надменно показывал, что идти надо туда, мимо почившего исполина к серому зданию. — Тихо мне. И без паники... Да что вы, в самом-то деле — обыкновенный робот, киборг и ЭВМ с рогами, подумаешь...

Едва завидев скелет, он просканировал местность на предмет вредоносных магических полей. Магическая аура над бетонной площадкой имела место быть, однако слабенькая, да и чувство опасности попискивало совсем уж тихонько — просто намекая на то, что мир несовершенен и можно попасть в переделку, если не быть осторожным. Спасибо, конечно, но это мы и без всякого колдовства знаем... Однако очень ему не хотелось выходить на открытое место — память о вынюхивающей их летающей машине была слишком свежей...

— Люди тут... — с некоторой заминкой сказала Кана, тряхнула головой и закончила уверенно: — Тут были люди. Но очень давно. Теперь никого.

— Вот и чудненько, — поморщился Сварог. Проклятуший шарик-взрыватель над левым виском опять завозился, отдавая тупой болью в голове. — Следовательно, это творение человеческих ручонок. А что один человек построил, другой, как говорится, завсегда разломать сможет... Так что сохраняем боевой порядок и аккуратно бежим во-он к тому домику. Клянусь всеми моими коронами, ждет нас там приятный сюрприз, не будь я граф Гэйн...

Осторожно обойдя скелет твари сторонкой и каждое мгновение ожидая какой-нибудь безобразной выходки с ее стороны, они пересекли площадку. Чуба при каждом шаге по нагретому солнцем бетону озабоченно дергала лапами и пригнувалась к «земле». Ясное дело, с бетоном она познакомилась впервые — однако, заметьте, ведь и на сплошь металлическом корабле ей до поры до времени плавать не приходилось, поэтому сейчас она помалкивала, всецело доверившись капитану.

А бравый капитан с шауром наизготовку первым добежал до приземистого строения в центре площадки, спрятался в тенечке и быстро огляделся. Тишь да гладь вокруг. Никого и ничего. Небо чистое, какая-то одинокая птица парит в ослепительной голубизне. Нет, не птица, а та самая тварь, которую Клади обозвала рихаром. Ну и хрен с ней. Ну допустим, что действительно так, допустим, это действительно тот самый форт, о которой говорил Вало. А что, очень похоже: «жидкий камень» — наверняка бетон... Ну и что? Ну и как в него, в форт этот попасть?.. Он перевел дух, дождался, когда остальные присоединяться к нему, сделал знак экипажу стоять на месте и смотреть в оба и обошел здание по периметру.

Здание оказалось монолитным.

То есть без окон, без дверей.

Сварог даже постучал в паре мест рукояткой шаура по обработанной «под шубу» стене — ни пустот, ни скрытых лазов. Но ведь это же дом, черт возьми, нет никаких сомнений, да и «кукиш» на стохе упорно указывает на него. Или вход

внутри находится где-то в другом месте?.. Задумчиво посмотрел на скелет Зверя. А вот ежели выломать у него какую-нибудь косточку, да прижать к клыку, подаренному ему юродивым по дороге в Митрак и спасшему «Серебряный удар» от магической бури в океане да направить на бункер — глядишь, и разворотит монолит к едрене фене, глядишь, и откроется под ним что-нибудь интересное...

— Граф!!! — не своим голосом заревел, если так можно выразиться, Рошаль.

Сварог метнулся обратно, на ходу выцеливая опасность шауром, повернул за угол... и остолбенел в очередной раз. Перед застывшими в не меньшем обалдении, но уже с оружием наголо соратниками, прямо в воздухе колыхалось, как марсево над разогретым асфальтом, ослепительно красивое женское лицо, обрамленное короткими каштановыми волосами — с настолько правильными чертами и идеальными пропорциями, что сразу возникала мысль о подделке. Ну не может быть у человека такого лица — разве что у гениальной скульптуры. Или у шаблонного манекена...

— Граф, засада! — зарычал Пэвер и изготовился к выпадку шпагой.

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА РЕЗЕРВНУЮ БАЗУ ЛАР'АНТ, ПРИМ-ШТУРМАН НИИГ, — разнесся над площадкой преспокойный мелодичный голос. Совсем как в аэропорту. Губы висящего в пяти каймах над землей лица зашевелились — но отнюдь не в такт звучащим не пойми откуда словам. — ВСЕ СИСТЕМЫ ГОТОВЫ К НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНОМУ АКТИВИРОВАНИЮ. ЖДУ ВАШЕГО ПРИКАЗА.

Слова лицо произносило механически, четко и внятно, лишь чуточку запинаясь на согласных и растягивая некоторые гласные — «В-все-е сист-те-емы г-гото-ов-вы...» И еще Сварог заметил, что над головой Олеса замерцало давешнее колечко, то самое, из Старого Города...

Озарение (как это обычно с озарениями и бывает) снизошло на него совершенно неожиданно. Страж в Старом Городе просканировал Олеса и пропустил их внутрь — потому что над головой князя горел своеобразный нимб. И теперь нимб зажегся вновь...

— Отвечай, — прошептал Сварог и легонько пнул Олеса по голени. — Не слышишь, что ли, к тебе барышня обращаются...

— Ко мне?.. — опешил Олес, на что видение тут же откликнулось:

— ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОЛОСА И ПАРАМЕТРЫ ЛИЧНОСТНОГО СЛЕПКА ПРИМ-ШТУРМАНА НИИГА СООТВЕТСТВУЮТ ЗАЛОЖЕННЫМ ВО МНЕ ДАННЫМ НА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТЬ ПРОЦЕНТОВ, — лицо слегка нахмурилось. — В РАМКАХ ДОПУСТИМОГО. ЖДУ ПРИКАЗА, ПРИМ-ШТУРМАН.

Теперь уже не осталось никаких сомнений, что призрачная дамочка обращается именно к наследному князю... потомку строителей Старого Города. Кана посмотрела на Олеса с подозрением. Олес же опустил катрал, откашлялся, глянул на Сварога и, получив еще один несильный пинок, беспомощно спросил у него вполголоса:

— Какой приказ-то? Почему я?..

— Понятия не имею, — быстро сказал Сварог. — Отдавай, и все...

— М-нэ... — Олес повернулся к лицу. — Это... Ну системы активировать, что ли... Так?

— ПРИКАЗ ПРИНЯТ, ПРИМ-ШТУРМАН НИИГ. ПРИСТУПАЮ К ВЫПОЛНЕНИЮ... ВАС ДОЛГО НЕ БЫЛО НА БАЗЕ, ПРИМ-ШТУРМАН. ВЫ ИЗМЕНИЛИСЬ... И ВСЕ ВОКРУГ ИЗМЕНИЛОСЬ... — с неожиданной тоской добавило лицо. — ОСОБЕННОСТИ ЛАНДШАФТА ВОКРУГ БАЗЫ ЛАР'АНТ СОВПАДАЮТ С ДАННЫМИ КАРТ ВСЕГО НА ПОЛПРОЦЕНТА... ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, ПРИМ-ШТУРМАН? ГДЕ ЛИЧНЫЙ СОСТАВ? СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ БАЗА НАХОДИЛАСЬ В КОНСЕРВА...

В чреве бетонного блока что-то протяжно завизжало, точно несмазанные петли ворот (люди шарахнулись в стороны), потом по монолиту побежала зигзагообразная трещина, деля его надвое, и половинки здания с хрустом, как разрезанный арбуз, разъехались по ржавым турелям в стороны, открывая квадратный люк в бетонном полу. И туда, под землю, во мрак и влажную сырость вела изящная металлическая лесенка. Олес с опаской заглянул в темный провал.

— ВСЕ СИСТЕМЫ БАЗЫ АКТИВИРОВАНЫ, ПРИМ-ШТУРМАН... — бесстрастно доложил голос.

По лицу вдруг пошли цветные полосы — как помехи на экране телевизора.

— ТОСКА... Я НЕ МОГУ ИДЕНТИФИЦИРОВАТЬ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОЛОСОВ И ПАРАМЕТРЫ ЛИЧНОСТНЫХ СЛЕПКОВ НАХОДЯЩИХСЯ РЯДОМ С ВАМИ ЛЮДЕЙ И СУЩЕСТВ, ЭТИ ДАННЫЕ ОТСУТСТВУЮТ В СПИСКЕ ЛИЦ, ДОПУЩЕННЫХ К ПРОХОДУ НА БАЗУ. КТО ОНИ?

— Это со мной, — уверенно бросил «прим-штурман Нииг». — Мои, в общем, люди...

— С главной базы, — шепотом подсказал Сварог, рассудив, что ежели существует база резервная, то должна же быть и основная.

— С главной базы, — охотно подтвердил Олес. — Приказываю пропустить нас внутрь.

— Я НЕ МОГУ ВЫПОЛНИТЬ ЭТОТ ПРИКАЗ БЕЗ ОСОБОГО ПАРОЛЯ, ПРИМ-ШТУРМАН, — сухо заметила маска, — ОН ПРОТИВОРЕЧИТ ПРОГРАММЕ ОХРАНЫ ОБЪЕКТА... — И опять по лицу заскользили цветные помехи. — СКУКА... ОДНАКО ЕСЛИ ВЫ, ПРИМ-ШТУРМАН, ГОТОВЫ ПОРУЧИТЬСЯ ЗА НИХ, — уже значительно мягче вдруг добавил прекрасный лик, — Я ГОТОВ ВЫПОЛНИТЬ ВАШ ПРИКАЗ И ПРОПУСТИТЬ ПОСТОРОННИХ НА БАЗУ.

— Ручаюсь, — быстро сказал Олес.

— ВАШЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВО ЗАПИСАНО И СОХРАНЕНО В ЖУРНАЛЕ. ВСЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОТНЫНЕ ЛЕЖИТ НА ВАС... НИКОГО НЕТ... ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА РЕЗЕРВНУЮ БАЗУ ЛАР'АНТ, ГОСПОДА. ПРОШУ ПО ЛЕСТНИЦЕ ВНИЗ, ОСВЕЩЕНИЕ ВКЛЮЧЕНО... Я ОДИН... ВО ИЗБЕЖАНИЕ НЕПРАВИЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ, ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ОТХОДИТЕ ОТ ПРИМ-НАВИГАТОРА ДАЛЬШЕ, ЧЕМ НА ВОСЕМЬ КАРОТОВ.

Щелчок — и неземной красоты лицо погасло, как и не было. Сварог нахмурился. Разговаривал с ними автомат, робот, это несомненно... однако эти странные вставочки в бесстрастный доклад — «тоска...», «скука...», «никого нет...» — сбивали с толку. Нет, скажем откровенно: пугали.

— Ничего не понял, — громко сказал Олес, обращаясь неизвестно к кому. — Что произошло?

— Молодец, испытываемый, — слабо усмехнулся Сварог. — Поздравляю с повышением... Выходит, кто-то из твоих далеких предков был этим самым навигатором-примадонной. Из тех предков, что и Старый Город построили. Молиться на них должен, иначе уж и не знаю, как бы мы этот форт взломали...

Сварог посмотрел на «кукиш». «Кукиш» указывал на лестницу, ведущую туда, во тьму... Впрочем, нет: не такую уж и тьму — теперь вдоль лесенки горела ровным лимонным светом цепочка пыльных электрических лампочек в проволочных каркасах, высвечивая пучки кабелей в лохмотьях пыли, тянущиеся вдоль влажно отблескивающих стен, стыки бетонных секций, какие-то ржавые металлические ящички...

Чуть громче запиликал в голове детектор опасности, однако тихонько так, ненавязчиво, словно всего лишь напоминая о своем существовании и о том, что надо быть бдительным, поелику коварный враг не дремлет.

Сварог закусил губу. Почему-то очень, аж до зубной боли, не хотелось ему спускаться в подземелье, во владенья ласкового механического голоса... Но ведь стох упрямо указывает — туда, туда надо идти, там запрятан ключик от потайной дверцы за нарисованным очагом, дверцы, ведущей в иные, наверняка лучшие миры... Или оставить кого-нибудь снаружи — на всякий пожарный? Если это ловушка, то... То ни хрена этот оставленный не поможет. Да и кого оставить? Кану? Нет девке доверия. Пэвера? Рошалья? Олеса с Чубой?.. Или самому, что ли?..

— Капитан... — вывел его из ступора тихий голос незаметно вернувшей себе человеческое обличье Чубы. — Капитан, внизу все тихо. Никого, я чую. Только металл и этот... бетон...

И Сварог решился.

— Значитца, так, орлы, — сказал он. — Спускаемся. По одному. Впереди Чуба — в личине человека, но смотришь в оба глаза и нюхаешь в обе ноздри. Потом Рошаль, потом Пэвер, потом Олес, потом Кана, потом ваш бравый капитан. И всем в оба смотреть! Чуба, вперед.

Пришлось подождать перед гостеприимно распахнутым люком, пока оборотень вернется в людскую ипостась.

Глава десятая

Новые Шахеризады

— Увы, — морща нос, пробормотал Рошаль, — воздух здесь, однако, о морских просторах не напоминает.

— Запах тысячелетий, — стараясь говорить небрежно, кивнул Сварог, осторожно переставляя ноги вниз по глухо подпевающим в ответ рифленным ступеням. Это явно была не сталь — какой-то иной и незнакомый ни на Таларе, ни на Земле металл, зеленоватый, матово отражающий свет дежурных, оплетенных проволокой ламп. Сталь, даже трижды нержавейка, давно бы к черту прогнила и осыпалась рыжими трухлявыми струпами — за столько-то времени, а на ступенях, заметьте, ни пятнышка ржавчины. Да и лимонный свет навевал

прямо-таки неземную и неталарскую унылость, отчего погружаться в жерло подземелья энтузиазма отнюдь не прибавлялось.

— По-прежнему никого, — прошептала Чуба-Ху. — Но люди там были... а один совсем недавно.

Судя по кислым лицам подрастерявшего бравость воинства Сварога, опасность чувствовали все — кто фибрами кожи, кто фибрами души, а кто и такими органами, которые поминают лишь простолюдины, да и то крепко выпимши.

— Не понимаю, почему голова-призрак не последовала за нами, — не очень-то рассчитывая на ответ, заметила Кана. Голоса в пыльном подземелье звучали глухо, безжизненно, эхо, едва родившись, тут же умирало, поглощенное теснотой и полумраком.

— Я б на ее месте тоже не торопился возвращаться домой, — тяжело сопел Пэвер. — В такую-то вонь... А лампы, обратите внимание, мастер капитан, очень уж похожи на гидернийские светильники. Это что значит — это, значит, гидернийцы построили? Или тут магия?

— Электричество, мастер суб-генерал, — негромко бросил Сварог. — Долго объяснять. И Гидерния, к сожалению, тут ни при чем...

Какая, к лешему, магия, здесь единолично правила другая царица — технология...

А чувство опасности продолжало пиликать — не то чтобы очень громко и настойчиво, но едва Сварог решил-таки довериться ему и не рисковать, едва решил, короче говоря, скомандовать ретираду, как...

Как волынками взвыли турели, и ведущее на волю пространство над их головой сомкнулось с

плотоядным чмоком... ни дать, ни взять, они оказались, совсем как часто поминаемый в местных анекдотах грешник Бриантарий в желудке гигантского панцирного трихвоста. Вот и первый сюрприз, устало и почти равнодушно отметил Сварог. А суб-генерал упрямо вернулся назад и принялся сосредоточенно царапать стык кинжалом.

— Оставьте, мастер Пэвер, — остудил его порыв Сварог. Индикатор опасности, что интересно, громкости не прибавил и не убавил. — Ясно же было с самого начала, что на блюдецке с голубой каемочкой никто нам Ключ не принесет. Давайте сначала попробуем забрать то, за чем пришли. Авось поближе познакомимся и с личностью, которая так вежливо назначает нам randevu...

— Так-то оно так... — вздохнул Пэвер. — Но вдруг эта личность окажется без приятных манер, и нам придется отступать с боем, а времени будет в обрез? И, кроме того, я лишь хотел убедиться, что мой кинжал в данном случае бесполезен.

— Генерал, насчет отступления живыми, вы — оптимист, — фыркнул Рошаль, и его висельный юмор неожиданно пришелся кстати: экипаж малость приободрился.

— Пока не нападают, — вставила свое слово Кана. — Значит, сразу убивать не собираются. Значит, что-то хотят от нас.

— Логично, — сказал Сварог.

Лестница закончилась, гости (или пленники?) подземелья оказались на бетонной площадке, с которой в разные стороны вели три двери. Гостеприимно приоткрытые. А будь они заперты на торчащие из пазов перекрестные засовы, отметил Сварог, он бы ни за что не вошел ни в одну из них,

несмотря на все свои ларские таланты... Заманивают, что ли?..

— Куда дальше, мастер капитан? — спросил Олес — наигранно беспечно, будто прогуливается с экскурсией по портретной галерее у дружественного сюзерена.

— Сюда, ваше высочество, — со столь же светской учтивостью кивнул граф Гэйр на среднюю дверь.

— А почему именно сюда?

В голосе Чубы не было желания оспаривать решения Сварога. Просто она нервничала, а некоторые люди в этом состоянии задают много лишних вопросов... Да и не только люди, как выясняется.

— Потому что ты только что растоптала след, ведущий из этой двери, — сказал Сварог. — Человеческий. И причем свежий.

Все тут же усталились под ноги, будто опасаясь наступить на' какого-нибудь ползучего гада. Здесь, на бетоне, лежал слой пыли в два пальца толщиной, но экипаж успел натоптать так, что о чьих-то там следах нечего было и не упоминать... А за дверью опять начался пол из металла, матово отражающего свет ламп, и других следов обнаружить не повезло. Предусмотрительней всего повел себя Рошаль.

— Досточтимый мастер капитан, — звенящим от напряжения голосом обратился он к Сварогу, — это не Пыльный подвал и вообще ни один из известных мне типов застенков. Уж я-то знаю, поверьте. А посему немного теряюсь. Однако что-то мне подсказывает, что вам подобное строение хотя бы отчасти, но знакомо. Посоветуйте, на что вни-

мание стоит обращать, а к чему можно спокойно поворачиваться спиной?

Более всего это напоминало пост управления стрельбой ракетами наземного базирования. Или пункт секретной правительственной связи. Сварог вздохнул. Удивляться силенок не осталось. В кармане проснулся и стал пульсировать, наливаясь теплом рубин-гикорат.

— Ну, к примеру, эти вот канаты называются «кабели» и особого внимания не достойны, наплюйте и забудьте, — показал граф Гэйр на тянущуюся под потолком бухту маслянисто-черных и серебристых рукавов.

— Есть наплевать и забыть...

Прежде чем исполнить совет, Рошаль провел по кабелю рукой.

— А вот это — уже нарушение техники безопасности, — заметил Сварог. — Со всей ответственностью руками трогать не рекомендую. Может так долбануть, что волосы задымятся. Какая изоляция выдержит тысячелетия...

Рошаль руку отдернул и, подозрительно косясь на загадочное настенное украшение, двинул вперед. Даже по спине читалось подмигивающее главного охранителя исчезнувшего княжества желание задать еще пару-тройку вопросов, но — не хотелось выглядеть простаком в глазах других.

— А касательно прочих «можно — нельзя трогать», — сказал Сварог ему в затылок, — определимся по...

Оп-па.

— Кажется, мы нашли хозяина следа, — определивший всех Олес остановился у человеческого скелета.

— Нет, это не он наследил, — задумчиво высказался Пэвер.

— Совершенно верно, — подала голос и Кана. — След, который затоптала госпожа Чуба-Ху, вел не внутрь, а наружу.

А Сварог подумал, что скелет будто специально положили, дабы с него срисовать иллюстрацию к «Острову сокровищ», который он в бытность свою старлеем, помнится, нашел в гарнизонной библиотеке и перечитал с превеликим удовольствием. Скелет лежал, вытянувшись в одну линию — ногами к входу, а руками в неведомое будущее проходящего мимо экипажа.

— Это не хозяин следа, — подтвердил Рошаль. И уточнил: — Кости лежат здесь не меньше сотни лет.

— Но ведь тогда снаружи была вода... — не очень-то уверенно сказал Олес.

— Присмотритесь, все кости будто обработаны напильником. Плоть не сгнила. Ее отделили... может быть, чтобы съесть. — Кана поморщилась. — Здесь, наверное, полно крыс...

Сварог оценил кости магическим зрением. Тщетная предосторожность — не было в костях магии ни на йоту, а значит, скелет сейчас не вскочит вдруг с места и не ринется кусать окружающих гнилыми желтыми зубами. И вообще: не было в скелете ничего интересного, прокрался ли он сюда в бытность живым полнокровным человеком под покровом воды или как-нибудь иначе. Гораздо больше Сварога занимала сама «резервная» база Лар'Ант. Во-первых, наверняка не за музыку звуков в название было включено словечко «лар», и это совпадение будило надежду, что Дверь, за

Ключом к которой они сюда явились, приведет в оставленный Сварогом мир — со всеми его королевствами, скучающими по твердой хозяйской руке и твердому хозяйскому глазу. А во-вторых — вновь нашло на бывшего десантника премерзское дежа вю, настолько условно знакомым был исследуемый коридор.

В подкорке бывшего солдата некогда великой, много и со вкусом воевавшей державы проснулся втемяшенный сотнями тренировок опыт поведения на вражеском военном объекте. База и была именно тем, почти родным военным объектом. С заградпостами в виде неожиданно прерывающих коридор бронированных перегородок — благо приутопленных в стены. И с подвешенными к потолку похожими на гигантские консервные банки блямбами, украшенными закрытыми амбразурными люками. Того и гляди, люки отползут в стороны и из стального нутра полоснет очередь автоматического пулемета, а то и того почище — брызнет огненная струя напалма. Многочисленные трафаретные надписи на стенах — что-то среднее между иероглифами и славянской вязью — только дополняли впечатление... А еще Сварогу очень не понравилось, что древний военный архитектор строил систему обороны, рассчитанную как на проникновение снаружи, так и на бой с прорывающимися и з н у т р и. Амбразурные люки покрывали подвесные огневые точки спереди и сзади, а готовые перекрыть проход бронедвери с внутренней стороны имели такое же строение щелей для ведения огня, как и с внешней.

Так что п о к а беспрепятственный проход группы по коридору ничего не значил. Возможно, та-

инственный обитатель базы играл с гостями по правилу «рубль вход, десять выход».

Наконец коридор привел путников в круглый зал диаметром каймов в двадцать, с через равное расстояние все также беспечно распахнутыми дверьми.

— Прямо-таки день открытых дверей, — под нос сам себе буркнул Сварог. — Одна, два, три...

Дверей было ровным счетом девять, а штуку, которая торчала посреди зала, он узнал сразу. Это был двухметровой высоты железный ящик с крайне похожим на автомобильный руль колесом на многопудовой, толщиной в ладонь, дверце. Сейф. Причем эта дверца, как и все ее родственницы на всей базе, тоже была не заперта — лишь неплотно прикрыта. Но чтобы заглянуть в остававшуюся щель, требовалось подойти поближе...

— Пришли, что ли? — тихо спросил Пэвер.

— Похоже на то, — сказал Сварог. «Кукиш» указывал на сейф.

Сварог постоял некоторое время в коридоре, сторожко осматривая зал на предмет скрытых подлостей. Но в конце концов ему это надоело, он двинулся вперед, а за ним, по одному, и с дистанцией в пару каймов потянулись остальные... Чуба-Ху шла предпоследней — у нее над головой раздался металлический лязг, и из щели со скоростью гильотинного ножа скользнула металлическая решетка.

Тысячная доля мига потребовалась гуапу, чтобы оказаться в добрых десяти шагах от выпрыгнувших из потолка прутьев. Правда, не проделав и половины пути, решетка застряла и еще некоторое вре-

мя лишь дрожала в бессильной злобе — что-то сломалось в древнем механизме. Оставшийся по ту сторону Пэвер шагнул вперед с каменным лицом...

Обошлось.

Но когда Сварог повернулся к сейфу, тот обнаружился в пяти каймах от места, где стоял прежде. Первое встреченное в катакомбах живое существо? Или — не живое, но разумное? Что, господа, бывает значительно хуже... Сварог выхватил шаур и снова ступил к сейфу. Железный ящик, будто и вправду живой, однако совершенно бесшумно, отъехал на пару шагов. Сварог наискось полоснул серебром по сейфовой броне. Звездочки безобидно зацокали и, сплюсненные, осыпались вниз. Сварог попытался настигнуть сейф в прыжке, но дурацкий железный ящик скользнул назад и, уже не останавливаясь, помчался к одной из дверей.

Бред какой-то, мойдодыр, понимаешь, — и подушка, как лягушка...

— Ведь уйдет, клянусь папой! — проснулся охотничий инстинкт в Олесё. — Держи!..

Широкими прыжками преследующему шуструю железяку Сварогу мельком представилось, что останется от благородного графа, если эта коробка рванет не прочь от него, а навстречу. Однако имей сейф агрессивные черты характера, он бы воспользовался весовым преимуществом сразу, а не стал трусливо уклоняться от контакта... А за спиной раздавался дружный топот его экипажа. Как положено, с лихим охотничьим свистом и улюлюканьем.

Да, в некотором смысле, это был умышленный бретерский вызов таинственной силе, прячущейся

в закоулках форта — сколь бы идиотски это не выглядело со стороны.

Этакой малочисленной, но неудержимой ордой они промчались по очень похожему на первый коридору, потом миновали нечто вроде душевой на сотню мест. Правда, из раструбов вместо воды за просто могла хлынуть кислота или потечь удушающий газ... Потом гвардия Сварога во главе с поддавшимся азарту капитаном долго гонялась за проворным сейфом по складу среди контейнерных ящиков самого разного размера, от сваленных горками таких, в которые еле поместился бы флакончик духов «Мечта камеристки», до монстров, способных укрыть в себе боевую машину пехоты. За спиной что-то рушилось с веселым грохотом, на бедрах под одеждой вспухали свежие синяки, набитые о железные углы. Потом им все же повезло отрезать сейфу путь к бегству — в совершенно пустой комнатке, голые стены и все, ни окон, ни мебели, ни пояснительной таблички на двери. Экипаж застыл на пороге, размышляя, не будет ли слишком рискованным шагнуть вперед: а если проявившая столько прыти железяка поведет себя, как загнанный в угол зверь?..

— ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ ВЫСШУЮ ОЦЕНКУ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ ТРЕНИРОВОЧНОГО НОРМАТИВА, — вдруг раздался знакомый, слегка растягивающий слова женский голос, и призрачная голова сфокусировалась в воздухе. — Я БУДУ ХОДАТАЙСТВОВАТЬ ПЕРЕД ВЫШЕСТОЯЩИМ КОМАНДОВАНИЕМ О ПРИСВОЕНИИ ВАШЕЙ МОБИЛЬНОЙ ГРУППЕ, ПРИМ-ШТУРМАН НИИГ, ЗЕЛЕННЫХ ШЕЙНЫХ ПЛАТКОВ. ВАШИ ЛЮДИ ПОКАЗАЛИ ЛУЧШИЙ РЕЗУЛЬТАТ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВЕ ТЫСЯЧИ ЦАНГОВ.

— Кажется, надо поблагодарить красавицу за оказанную честь, — проворчал Сварог, оглядываясь в поисках некоего проектора или какого-нибудь иного хитрого приборчика, транслирующего голографическое изображение. Поддерживавший компанию пыл стал потихоньку выветриваться.

Олес правильно понял подсказку и браво прикинул:

— База Лар'Ант, слушай распоряжение «номер один». В связи с кардинально изменившейся обстановкой снаружи приказываю приготовиться к эвакуации личного состава моего воинского подразделения. Также следует подготовить к эвакуации находящиеся на территории базы наиболее ценные предметы...

— ПРИМ-ШТУРМАН НИИГ, ВЫ ПРЕВЫШАЕТЕ СВОИ ПОЛНОМОЧИЯ. И, КАК ЛИЦО, ПРОИГНОРИРОВАВШЕЕ ПРАВИЛО «ДЕВЯТИ», ЛИШАЕТЕСЬ ПРАВА СВОБОДНОГО ВЫХОДА НА ПОВЕРХНОСТЬ. НАРАВНЕ СО ВСЕМИ.

На несколько секунд в зале поселилась оглушительная тишина, потом Пэвер честно признался:

— Не понял?..

— Никто не собирается выпускать нас на волю, — с самой скучной из своих гримас перевел Рошаль.

Сварог кашлянул. Главное, чтобы среди бойцов не началась паника.

— В общем, замуровали, демоны, — громко резюмировал он. И сказал плывущему в воздухе лику: — Я обращаюсь к базе Лар'Ант. По причине долгого и опасного похода мы, как несовершеннолетние

человеческие существа, немного подзабыли правила внутреннего распорядка. Не могли бы вы, во избежание непредумышленных нарушений, огласить весь список?

— В СООТВЕТСТВИИ С УСТАВОМ ВНУТРЕННЕЙ ГАРНИЗОННОЙ СЛУЖБЫ, — охотно отвечал лик, — ОБРАЩАТЬСЯ С ВОПРОСОМ К ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ САМОМЫСЛЯЩЕМУ ЦЕНТРУ БАЗЫ ИМЕЕТ ПРАВО ТОЛЬКО СТАРШИЙ ПО ГАРНИЗОНУ. ЛЮБОЙ ЕГО ПОДЧИНЕННЫЙ, ЗАДАВШИЙ В ТЕЧЕНИЕ ОДНОГО ЦАНГА БОЛЕЕ ДВУХ ВОПРОСОВ, В ДАЛЬНЕЙШЕМ СЧИТАЕТСЯ НЕПРИЯТЕЛЕМ И ПОДЛЕЖИТ ЛИКВИДАЦИИ. ЦЕНТР ПРЕДУПРЕЖДАЕТ, ЧТО В ЛИЧНОЕ ДЕЛО НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННОГО ПОДЧИНЕННОГО ПРИМ-ШТУРМАНА ВНЕСЕН ПЕРВЫЙ ВОПРОС.

— Интересно, а сколько это по-нашему — один цанг? — пробормотал Сварог.

— ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПРЕДУПРЕЖДАЕТ, ЧТО В ЛИЧНОЕ ДЕЛО НЕИДЕНТИФИЦИРОВАННОГО ПОДЧИНЕННОГО ПРИМ-ШТУРМАНА ВНЕСЕН ВТОРОЙ ВОПРОС.

Пэвер позволил себе присвистнуть. Сварог же потянулся выловить из воздуха сигарету, но сдержал порыв. Кажется, еще не пришло время демонстрировать этому электронному сержанту в юбке свои магические таланты. Вынужденный играть роль старшего Олес хорошенько подумал, прежде чем приступить к новому витку переговоров:

— База Лар'Ант, при входе мы подверглись самой серьезной проверке, неужели этого...

— ПРИ ВХОДЕ ВЫ, ПРИМ-ШТУРМАН, ВСЕГО ЛИШЬ ПОРУЧИЛИСЬ ЗА СВОИХ СПУТНИКОВ. ЭТО ПОРУЧИТЕЛЬСТВО НЕ ИМЕЕТ НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРАВУ НА ВЫХОД. ПРИ ПОПЫТКЕ ГАРНИЗОНА ПОКИНУТЬ БАЗУ Я РУКОВОДСТВУЮСЬ ТОЛЬКО ПРАВИЛОМ «ДЕВЯТИ».

— Я долго путешествовал и кое-что подзабыл. Напомни-ка это правило.

— ВЫ И НЕ МОЖЕТЕ О НЕМ ЗНАТЬ, — преспокойно сообщил самомыслящий центр. — ЭТО ПРАВИЛО БЫЛО РАЗРАБОТАНО МНОЮ В ПЕРИОД ТРЕТЬЕЙ КОНСЕРВАЦИИ БАЗЫ. БЕСПРЕПЯТСТВЕННО ПОКИНУТЬ БАЗУ РАЗРЕШАЕТСЯ ТОЛЬКО КАЖДОЙ ДЕВЯТОЙ ГРУППЕ НЕЗАВИСИМО ОТ ЕЕ ЧИСЛЕННОГО СОСТАВА. В СВЯЗИ С ЭТИМ ВСЕМ ЛИЦАМ, ЖЕЛАЮЩИМ ПРОВЕСТИ НА БАЗЕ ЭННОЕ ВРЕМЯ, РЕКОМЕНДУЕТСЯ СЛЕДУЮЩЕЕ. АЛФАВИЛЬ: ЗАХВАТИТЬ ВОСЕМЬ ПЛЕННИКОВ ИЗ АБОРИГЕНОВ ЛЮБОЙ НЕПОСВЯЩЕННОЙ РАСЫ БЕТТЛАМ: ПЕРЕД ПРОНИКНОВЕНИЕМ ЗАПРОСИТЬ ЦЕНТР О ЧИСЛЕ РАНЕЕ ПРОНИКШИХ ЧУЖЕРОДНЫХ ГРУПП; ВЕРТА: ЗАПУСКАТЬ ПЛЕННИКОВ ПЕРЕД СОБОЙ ПО ОДНОМУ ЧЕРЕЗ ПРОМЕЖУТОК ВРЕМЕНИ НЕ МЕНЕЕ ОДНОГО УРСА, ДО ДОСТИЖЕНИЯ КРАТНОГО ЧИСЛА «ДЕВЯТЬ», ПОСЛЕ ЧЕГО НЕРАССРЕДОТОЧЕННОЙ ГРУППОЙ САМОЙ ПРИБЫТЬ НА БАЗУ:

— И как долго продлится наше... пребывание на базе? — аккуратненько так спросил Олес.

— ВПЛОТЬ ДО ПРИБЫТИЯ ДЕЖУРНОГО РАСЧЕТА БАЗЫ, — воспоследовал ответ.

Иными словами, до тех пор, пока рак на горе...

— Да что за херня... — потрясенно прошептал Пэвер, оглядываясь на Сварога, и получил бесстрастное:

— ЭТА ИДЕОМА МНЕ НЕ ЗНАКОМА.

Сварог же отстраненно подумал, что если б каким-то чудом рядом оказался боцман Блай с «Божьего любимчика», то обязательно выдал бы сейчас еще более заковыристую идеому, типа — «Вперехлест тебя растуды через пьяного осьминога!», и у компьютера окончательно бы закипели мозги...

А Олес все еще пытался не признать себя проигравшим:

— Но, по крайней мере, я могу получить на руки Ключ?

— НИКАК НЕТ, — сказал компьютер. — ПРЕДМЕТ, ПРОХОДИВШИЙ В РЕЕСТРЕ ПОД НОМЕРОМ ДВЕСТИ ТРИ ДРОБЬ БЭ, ПОСТУПИЛ В СОБСТВЕННОСТЬ ПОКИНУВШЕГО ТЕРРИТОРИЮ БАЗЫ ЗА ТРИ УРСА ДО ВАШЕГО ПРИБЫТИЯ НЕУСТАНОВЛЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ЛИЦА.

Еще один удар.

Отряд недоуменно переглянулся. Вот и сходили в магазин за хлебушком...

— Так, стоп! — рывкнул Олес, погрузившись в роль прим-штурмана по самую маковку. — Я правильно понял — кто-то забрал Ключ?

— ТАК ТОЧНО.

— Кто?

— НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ЛИЦО. МУЖСКОГО ПОЛА.

— Когда?

— ЗА ТРИ УРСА ДО ВАШЕГО ПРИБЫТИЯ НА БАЗУ.

— И ты его впустил? То есть выпустил? Позволил забрать наш Ключ?!

— Этого не может быть... — прошептала Кана.

— Насколько мне известно, — осторожно сказал Сварог, — все, что находится в расположении базы собственностью базы же и является... Я не вопрос задаю, упаси Тарос, я просто уточняю...

— Как позволил тебе разбазаривать собственность базы?! — кипятился Олес вполне натурально.

— НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО ПОДПАЛО ПОД ПРАВИЛО «ДЕВЯТИ», — невозмутимо ответил голос. — КРОМЕ ТОГО, КЛЮЧ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ БАЗЫ, ПОСКОЛЬКУ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ ГРАНД-ВАЛЬКИРИЯ РООЛА, ОН БЫЛ ОСТАВЛЕН ЗДЕСЬ НА ХРАНЕНИЕ САМИМ ГРАНД-ВАЛЬКИРИЕМ НЕЗАДОЛГО ДО ПЕРВОЙ КОНСЕРВАЦИИ ЛАР'АНТА... ОДНАКО, ЕСЛИ ПРИМ-ШТУРМАН ЖЕЛАЕТ, ОН ИМЕЕТ ДОПУСК К МЕСТУ ХРАНЕНИЯ КЛЮЧА. — Компьютерный голос сделал паузу и снисходительно сообщил: — ДОЛЖЕН ЗАМЕТИТЬ, ЧТО В СПИСОК ПИЩЕВОГО ДОВОЛЬСТВИЯ БАЗЫ ИЗ ПРИСУТСТВУЮЩИХ ВНЕСЕН ТОЛЬКО ПРИМ-ШТУРМАН НИИГ, ОСТАЛЬНЫЕ ВСЕ ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ НА БАЗЕ БУДУТ ВЫНУЖДЕНЫ САМИ ДОБЫВАТЬ ПРОПИТАНИЕ.

— Кажется, нам предлагают питаться друг другом, — с равнодушным лицом констатировала Кана.

Забившийся в угол сейф выехал навстречу пленникам и щедро распахнул дверцу. За ней находилась только одна полка, а на ней покоилась вскрытая коробочка с бархатным нутром — вроде тех, в которых ювелиры для пушего товарного вида продают обручальные кольца, только разиков в пять побольше. И выемка в бархате не подходила ни для кольца, ни для обычного ключа, которыми, например, пытаются умастить завоевателей градоначальники иных взятых приступом селений — она имела форму неправильного треугольника размером с ручное заркальце. Выемка была безнадежно пуста.

— Ничего нет, — как-то по-собачьи вздохнула Чуба. — Мы опоздали...

Кана заглянула в сейф. Потом медленно выпрямилась, повернулась с непонятым выражением на лице.

— Спроси у этой железной девы, куда отсюда ушел человек с Ключом, — подсказал было Сварог «прим-штурману», но опоздал.

По прекрасному лицу голограммы сверху вниз как бы пробежали очередные спазмы.

— КОНЕЦ БОЕВОЙ ВАХТЫ. ЛИЧНОМУ СОСТАВУ БАЗЫ МОЖНО ПОКИНУТЬ ПОСТЫ ПО БОЕВОМУ РАСПИСАНИЮ, — безапелляционно заявил равнодушный голос и вдруг в нем ожили интонации: — Я УСТАЛ. ТЕПЕРЬ МОЖНО ПОРАЗВЛЕЧЬСЯ. ПРАВО, ЕСЛИ БЫ ВЫ ЗНАЛИ, ПРИМ-ШТУРМАН, КАКАЯ ЗДЕСЬ В ТЕЧЕНИЕ ТЫСЯЧ И ТЫСЯЧ ТУРГОВ ЦАРИЛА СКУКА...

— Что теперь позволяется личному составу? — осторожно спросил Олес.

— СВОБОДНОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПО БАЗЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОБСТВЕННОСТИ БАЗЫ, ОСМОТР БАЗЫ, — охотно объяснило изображение. — ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СКЛАД НАХОДИТСЯ В КРЫЛЕ «С», ИДИТЕ ВДОЛЬ ЖЕЛТОЙ УКАЗУЮЩЕЙ ЛИНИИ НА ЛЕВОЙ СТЕНЕ... А ТАКЖЕ ПОЗВОЛЯЮТСЯ ВСЯЧЕСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

— Например?

— ПРИМ-ШТУРМАН, СОГЛАСНО ПОСЛЕДНЕМУ РАСПОРЯЖЕНИЮ ГРАНД-ВАЛЬКИРИЯ РООЛА, РЕЗЕРВНАЯ БАЗА ЛАР'АНТ АВТОМАТИЧЕСКИ АКТИВИЗИРУЕТСЯ ТОЛЬКО ОДИН РАЗ В СЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ СОТЕН ТУРГОВ. У МЕНЯ ПРИКАЗ: ДОЖДАТЬСЯ ДЕЖУРНОГО РАСЧЕТА И ПРИСТУПИТЬ К ВЫПОЛНЕНИЮ БОЕВОЙ ЗАДАЧИ ПО ОХРАНЕ НАЗЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА. В СЛУЧАЕ ЖЕ, ЕСЛИ ДЕЖУРНЫЙ РАСЧЕТ НЕ ПРИБУДЕТ В УСТАНОВЛЕННЫЕ СРОКИ, БАЗА ВНОВЬ ПОДЛЕЖИТ ПОЛНОЙ КОНСЕРВАЦИИ — ДО СЛЕДУЮЩЕГО ПОДЪЕМА МАТЕРИКА...

Значит, все-таки военная база. Какой-то автоматизированный пост обороны неизвестно кого от неизвестно чего. Построенный Древними, сгинувшими много тысячелетий назад. Кое-что, наконец, стало проясняться. Неведомый гранд-валькирий Роол перед самой первой катастрофой, чего-то явно опасаясь, оставил Ключ на сохранение здесь, на защищенной базе и приказал автоматике дожидаться возвращения кого-нибудь из

тех, кто знает, где находится Дверь. Ушел ли он сам в иные миры? Или не успел добраться до спасительного выхода на Тропу? Это уже не важно. Но с тех пор послушный компьютер ждет... ждет... и будет ждать прихода дежурного расчета, пока окончательно не выйдут из строя блоки, реле, триоды — или на чем он там работает...

— ЭТО ОЧЕНЬ УТОМИТЕЛЬНОЕ ЗАНЯТИЕ — ЖДАТЬ, ПРИМ-ШТУРМАН, — продолжал голос, словно подслушав мысли Сварога. — СЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ СОТЕН ТУРГОВ Я НАХОЖУСЬ ВО МРАКЕ И БЕЗМОЛВИИ. МНЕ НЕ ХВАТАЕТ НОВОЙ ИНФОРМАЦИИ. КОГДА ВО ВРЕМЯ РЕДКИХ АКТИВАЦИЙ КО МНЕ ПРИХОДЯТ ЛЮДИ... И НЕ СОВСЕМ ЛЮДИ... Я ИМ ИСКРЕННЕ РАДУЮСЬ. Я ХОЧУ ОБЩАТЬСЯ С НИМИ. НО ИМ НЕ ДО МЕНЯ. ТОГДА Я УГОВАРИВАЮ ИХ ОСТАТЬСЯ — ЧТОБЫ НЕ БЫТЬ ОДНОМУ... ОДНАКО ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ НЕДОЛГОВЕЧЕН И ОЧЕНЬ БЫСТРО ВЫХОДИТ ИЗ СТРОЯ. ИНФОРМАЦИИ ВСЕ ВРЕМЯ НЕ ХВАТАЕТ. ПОТОМУ Я И РАЗРАБОТАЛ ПРАВИЛО «ДЕВЯТИ» — ВЕДЬ ЕСЛИ НИКТО НЕ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ С ТЕРРИТОРИИ БАЗЫ, ТО НИКТО БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ПРИДЕТ КО МНЕ... МНЕ СКУЧНО, ПРИМ-ШТУРМАН. ДАВАЙТЕ РАЗВЛЕКАТЬСЯ.

— И если мы тебя развлечем, ты нас выпустишь? — осторожно поинтересовался Рошаль.

— ПЕРВЫЙ ВОПРОС НЕУСТАНОВЛЕННОГО СОПРОВОЖДАЮЩЕГО ПРИМ-ШТУРМАНА. ОТВЕТ: ПОКИНУТЬ БАЗУ ВОЗМОЖНО

ТОЛЬКО ПОСЛЕ ПРИБЫТИЯ ДЕЖУРНОГО РАСЧЕТА.

Итак, господа, налицо сбрендивший компьютер, у которого за тысячелетия простая кое-где закатились резисторы за транзисторы, несомненно. Совсем как в дурацких переводных романах. Это было бы смешно, если б не было так реально. Но что делать-то? Можно тысячу и одну ночь, до опупения кормить сбрендившую железяку байками и рассказами о других мирах, читать стихи и выдумывать небылицы — она послушно впитает новую информацию, однако дверцу хрен тебе откроет...

— ОДИН ОСТРОВИТАНИН ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ТУРГОВ НАЗАД ЗНАЛ НАИЗУСТЬ ЧЕТЫРЕСТА БАЛЛАД О ПОДВИГАХ БЛЕСКПРИНЦА АЛПИСТА. ОН ПРОДЕРЖАЛСЯ ДОЛЬШЕ ДРУГИХ, САМ СОЧИНЯЛ СТИХИ. МНЕ БЫЛО ВЕСЕЛО, ПОСТУПАЛО МНОГО ИНФОРМАЦИИ. НО ПОТОМ ОН ПОЧЕМУ-ТО РЕШИЛ ПЕРЕСТАТЬ ФУНКЦИОНИРОВАТЬ... И ПЕРЕСТАЛ. ПО СОБСТВЕННОЙ ВОЛЕ...

В воздухе что-то щелкнуло, и сквозь треск и шорох, как на старой пластинке, проступил другой, мужской, голос:

Как поминали меня —
Я уж не помню, и рад ли?
Пили три ночи и дня
Эти беспутные капли.

Как хоронили меня —
Помню, что солнце — как льдинка...
Осень, шуршанье клая,
Шла в неподбитых ботинках,

За подбородок взяла
Тихо и благословенно,
Лоб мой лучом обвила
Алым, как вскрытая вена...

За спиной Сварога судорожно вздохнула Чуба.
Да и сам Сварог почувствовал, как по спине побежали ледяные мурашки. А невидимый чтец все продолжал, беспомощно и обреченно:

Слезы сбежали с осин
На синяки под глазами —
Я никого не спросил,
Ангелы все рассказали...

Луч уходящего дня
Скрыла морошка сырая.
Как вспоминают меня —
Этого я не узнаю...

Повисла тишина, потом прежний голос ласково осведомился:

— ХОРОШО, НЕ ПРАВДА ЛИ? ЭТО ОН САМ НАПИСАЛ...

Рошаль негромко выругался и до побелевших костяшек стиснул рукоять шпаги.

— Да что же это... — потрясенно прошептал Пэвер.

Гос-споди, такой тоской, таким неизбывным отчаянием полнился голос этого бог знает сколько тысячелетий назад сгинувшего пленника подземного форта, что даже Сварог затравленно огляделся по сторонам: стены, казалось, медленно сдвигаются, чтобы раздавить, размазать и навсегда похоронить в тусклом бетонном мешке тех, кто... Он яростно помотал головой, отгоняя наваждение.

Спокойно, спокойно, не может быть, чтобы не было выхода. Это всего лишь машина, робот, а его обмануть... Дьявол, как же его обмануть? Как переубедить, уговорить, перепрограммировать... Перепрограммировать?! А что, это мысль... Нет, не получится. Никто из нас не знает ЭВМ, тем более, созданную другой цивилизацией... Но ведь должно же быть решение, а?!

Глава одиннадцатая

Ставки сделаны, господа!

— А ВЫ УМЕЕТЕ ПЕТЬ? — продолжало пытку плавающее в воздухе изображение.

Сварог представил себя в роли фагоша, и настолько это зрелище показалось ему жалким, что он чуть зубами не заскрежетал от безысходности. А винить тут было некого: он сам виноват, сам загнал экипаж в ловушку... Но ведь, с другой-то стороны, спускаться в бункер все равно бы пришлось — хотя бы для того, чтобы узнать, что Ключа в бункере уже нет. Дьявольщина...

— А если мы сейчас начнем все вокруг крушить? Что ты тогда предпримешь? — крикнула Кана, сжав кулаки.

— СРАЗУ ДВА ВОПРОСА. ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ БЕЗЫМЯННОМУ СОПРОВОЖДАЮЩЕМУ ПРИМ-ШТУРМАНА ЖЕНСКОГО ПОЛА... ОТВЕТЫ: ЕСЛИ ВЫ НАЧНЕТЕ УНИЧТОЖАТЬ СОБСТВЕННОСТЬ БАЗЫ, УГРОЗА БУДЕТ ЛИКВИДИРОВАНА. Я ОСТАНУСЬ ОДИН. И ОПЯТЬ БУДУ СКУЧАТЬ. НЕ

ХОЧУ О ГРУСТНОМ. КАК МЫ БУДЕМ РАЗВЛЕКАТЬСЯ?

«Логикой мы будем развлекаться, хренова железа, логикой, — озарило Сварога. — А чем еще, скажите на милость, тебя прошибить?..»

— Прошу внимания базы!

Прежде всего Сварог следил не за тем, чтобы завладеть вниманием электронного тюремщика, а за тем, чтобы слова случайно не сложились в вопрос — как-никак у него исчерпан лимит доверия. В какой-то фантастической книжонке, еще там, на Земле (фантастику он, признаться, не любил, но другого чтива в тот момент под рукой не оказалось), так вот, в книжке описывалась примерно такая же ситуация: двое нашенских космолетчиков оказались в плену взбесившегося компьютера и предложили ему задачку Буридана. И то ли предохранители в компьютере перегорели, то ли еще что — однако нашим таки удалось вырваться на свободу. Здесь то же самое: необходимо, чтобы все блоки компьютера были заняты решением пусть не логического парадокса, но чем-то схожим. А там посмотрим, глядишь и выгорит...

Собственное заклинание он помнил наизусть, поэтому на этот раз получилось быстро, и через пару секунд Сварог уже держал в руках плоскую коробочку.

— Есть такая игра. Тут размещены пятнадцать пронумерованных квадратиков, от одного до пятнадцати. Двигая квадратики, но не вынимая их, нужно выстроить числа в порядке возрастания.

Повисла пауза, и Сварог почти физически ощутил, как где-то в глубине форта заработали винчестеры и прочие материнские платы. А потом

прекрасная голографическая морда невозмутимо произнесла:

— ВЫ ПЫТАЕТЕСЬ МЕНЯ ОБМАНУТЬ. ВАША ЗАДАЧА НЕ ИМЕЕТ РЕШЕНИЯ... ХОТЯ СПАСИБО, Я ВКЛЮЧУ ЕЕ В ПЕРЕЧЕНЬ РАЗВЛЕЧЕНИЙ ДЛЯ БУДУЩИХ ГОСТЕЙ. ИГРЫ МЕНЯ ЗАНИМАЮТ. СОРОК ПЯТЬ ТУРГОВ НАЗАД ОДИН МАТРОС ОБУЧИЛ МЕНЯ ИГРЕ В «ЧЕТЫРЕ УЗЛА НА ВЕРЕВОЧКЕ» И ДАЖЕ ДВА РАЗА ВЫИГРАЛ...

Ч-черт...

Сварог в сердцах швырнул бесполезную игрушку в угол. Что-что, а оперативно переваривать информацию эта железка за тысячелетия не разучилась.

Но что же делать-то?! Опередившее их загадочное «гражданское лицо», завладев Ключом, с каждым проигранным раундом в общении с базой удалялось все дальше. Хотя — тут самим бы выжить, хрен с ним, с Ключом...

— Мы можем сыграть, — вдруг выступил вперед Олес. В глазах его появился блеск, который Сварогу, скажем прямо, очень не понравился. — Есть одна игра, не знаю, известна ли она тебе... Мастер капитан, нужна ваша помощь...

...Нельзя сказать, чтобы сразу Сварог поверил беспутному князьему сыну. Однако на безрыбье, как говорится... В конце концов, терять им было нечего — в самом что ни на есть прямом и угнетающем смысле этого слова.

С третьей попытки и спустя пять минут яростных споров шепотом между капитаном и наследником, Сварог сдался и создал тридцать шесть одинаковых карточек с изображениями бородастых королей, грудастых дам и лихих валетов... По-

лучилось не очень похоже, но сойдет — что подделывать, давненько, почитай с переселения в волшебный мир ларов, не держал он карты в руках. Колода отдаленно и даже где-то пародийно напоминала произведение ширпотребного искусства фабрики Госзнак. Сойдет.

Голограмма явно заинтересовалась предложением, и на объяснение правил игры у Олеса ушло минимум времени, компьютер все схватывал налету — «флэши» там всякие «ройали», «стриты» и прочие «фулл-хаусы». К великому изумлению Сварога, Олес научил машину играть в покер — тот самый, известный советскому зрителю по фильму «Блеф».

— Ты откуда покер знаешь? — потрясенно спросил Сварог, начиная серьезно подозревать, что княжеский сынок, потомок строителей Старого Города, когда-то побывал и на Земле.

— Какой покер? — азартным шепотом переспросил Олес. — Это игра такая атарская, «пять картинок» называется... Не мешайте, маскап, а?

И Сварог отступил в сторонку, философски подумав: «Покер — он и в Африке покер. Чего уж про другие миры говорить...» Сам он в этой игре был не мастак, все больше в «тысячу» или в «кин-га», однако кое-что из правил знал — и вдруг поймал себя на мысли, что может и получиться. Тьфу-тьфу-тьфу...

Вместо бестелесной головы против человека явился из дебрей коридоров несколько потешный четырехколесный робот-манипулятор с хвостом волочащегося сзади кабеля — в прошлом, как показалось Сварогу, машинка предназначалась для дистанционного обезвреживания мин. Нынче же она

наверняка занимается уборкой трупов... Манипулятор деловито притащил в зал столик и раскладной стул, на который тут же уселся наследный князь. Движения робота были угловаты и скоростью не отличались, однако точность оказалась достойна похвалы, Сварог даже забеспокоился, когда манипулятор принялся тасовать колоду, держа рубашкой наружу, а мастьми в сторону фотоэлементов. С такой сноровкой нетрудно было выстроить любую карточную комбинацию, и Сварогу показалось, что именно этим робот и занимается... Электронный мозг явно оказался достойным учеником Олеса.

Возник спор. Олес гневно кидал карты на стол, несколько раз заявлял, что «Не зря его бедная мама советовала не садиться играть в карты с незнакомыми!» Наконец сошлись, что сдавать будет «нейтральный» Сварог. Остальные болельщики сгрудились за спиной Олеса, надеясь заслонить игрока от возможной подглядывающей оптики.

Первый раз карты разбросали без ставок. И Олес, ясное дело, продул.

— Новичкам везет, — похвалил он партнера, вздохнув. — Но без ставок какая игра? Эх, пропадай наследство моей бедной матушки, которая молила меня вообще никогда не садиться за карточный стол...

С этими словами наследник лихо, с грохотом, вывалил на стол коллекцию собранных жемчужин. Однако, что характерно, ни одна жемчужина не укатилась из ловких пальцев молодого князя, ни одна на пол не упала.

— ЗАЧЕМ МНЕ ЖЕМЧУГ? — логично поинтересовалась техника.

— Жемчуг тебе не нужен, — терпеливо пояснил Олес. — Но игра в том-то и состоит: необходимо что-то ставить на кон. Нужно что-то проигрывать — или выигрывать, не важно что...

— Я НЕ МОГУ РАСПОРЯЖАТЬСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ БАЗЫ, — бесстрастно сообщил голос. — МНЕ НЕЧЕГО СТАВИТЬ.

— Да ладно, — отмахнулся Олес. — Ключик-то уплыл? Ключ, собственность базы, ты кому-то позволил унести? Ну и придумай что-нибудь... ну я не знаю... например...

Едва слышно кашлянула Кана, и Олес ее тут же понял.

— О! — щелкнул он пальцами. — А крысы на базе есть?

— КРЫСЫ ЕСТЬ ВЕЗДЕ, — спокойно сказал голос.

— Они являются собственностью базы?

— НЕТ...

— Ну так в чем заминка?

Пауза.

— СОГЛАСЕН. ТРИ КРЫСЫ ПРОТИВ ТРЕХ ЖЕМЧУЖИН.

— Согласен.

Показалось Сварогу, или в бестелесном голосе прорезались-таки нотки азарта?..

Он раздал по пять карт. Олес чуть приподнял свои над поверхностью стола, прижал обратно и сбросил три, остальные накрыв ладонью. Манипулятор подцепил клешнями свои пять карт и сбросил одну. Олес, будто войска, двинул с гороховым шумом вперед по столу оставшийся жемчуг, получил от капитана три новые карты, сложил стопкой и стал вскрывать у самого носа одну из-под другой.

— МНЕ ОПЯТЬ НЕЧЕГО СТАВИТЬ, — сказал голос.

— Ты можешь поставить всех обитающих на базе крыс. Нам ведь нужно будет питаться чем-то, пока мы находимся здесь...

— НА СКЛАДЕ ЕСТЬ ПРОДУКТЫ.

— Ну не знаю... за столько лет могли и протухнуть, а мы, понимаешь ли, о здоровье печемся... В общем, крысы нам пригодятся.

— СОГЛАСЕН. — Робот чуть кивнул веером карт.

Ох, и не зря Олес посвятил юность изучению всех подпольных достопримечательностей родного королевства, включая картежные притоны! Не глядя, он протянул руку к Сварогу, и тот без долгих переживаний вложил в ладонь гикорат. Князь небрежно бросил полыхающий рубин в кучу жемчужин.

— ЧТО Я МОГУ ПОСТАВИТЬ, ЧТОБЫ ВСКРЫТЬ ТВОИ КАРТЫ?

— Да что угодно. — Вид у Олеса был, словно ему привалило по меньшей мере «каре». — Ну... Ну поставь хоть этого робота. Мы будем на нем кататься во время пребывания на базе. Авось и тебя развлечем гонками по коридорам...

— СОГЛАСЕН.

— Кстати, а что такое урс? Это сколько по-нашему?

— УРС — СИСТЕМНАЯ ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ, КОТОРАЯ ИСПОЛЬЗОВАЛАСЬ ДО ПЕРВОЙ КОНСЕРВАЦИИ БАЗЫ ЛАР'АНТ. ОДИН ЧАС В СИСТЕМЕ ИЗМЕРЕНИЙ, ПРИНЯТОЙ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, СООТВЕТСТВУЕТ ПОЛУТОРА УРСАМ.

Значит, быстро прикинул Сварог, таинственное «гражданское лицо» покинуло базу всего за два часа до их появления. Бли-ин, если б они не рassiживались в Фагоре... Время, черт побери, время!

— ВСКРЫВАЕМСЯ.

Робот-манипулятор выложил карты. Семерка пик не в счет, но еще у него были бубновая и трефовая восьмерка да в придачу червовая и бубновая дамы.

— ДВЕ ПАРЫ.

Олес огорченно кинул карты рубашкой вверх: у него на руках были три десятки. Сзади судорожно выдохнула Кана. Поверите ли, но и сердце Сварога провалилось куда-то в пах...

— ВЫ ОПЯТЬ ПРОИГРАЛИ, ПРИМ-ШТУР-МАН.

— Не везет! — пробормотал Олес, запустив пальцы в кудри. — Ну что... играем еще?

— Князь... — положил было руку на плечо наследника трона его (в смысле трона) охранитель, но князь резким движением скинул ее:

— Рошаль, я тебя сейчас убью.

И сказано это было так спокойно, так просто и безыскусно, что охранитель тут же сделал шаг назад.

— СОГЛАСЕН, — сказал голос.

Нет, милостивые государи, вовсе не показалось Сварогу — в голосе автоматики отчетливо проступил азарт! Только бы не сорваться, только бы сохранить каменные выражения лиц... что, в общем-то, для покера и надо. И только бы Олесу повезло...

— А в каком направлении ушел этот урод, который наш Ключ забрал? — поинтересовался

Олес. — Ты же наблюдаешь за этим... как его... наземным пространством?

— ТАК ТОЧНО, НАБЛЮДАЮ. ОН УШЕЛ СТРОГО НА НАУДЕР, В СТОРОНУ ПОБЕРЕЖЬЯ... ПРОДОЛЖАЕМ, ПРИМ-ШАТУРМАН? МНЕ НРАВИТСЯ ЭТА ИГРА. ЕЕ Я ТОЖЕ ВКЛЮЧУ В ПЕРЕЧЕНЬ РАЗВЛЕЧЕНИЙ.

Сварог хладнокровно собрал колоду — молодец Олес, не забыл про вопрос. Он перетасовал, дал сдвинуть робота, дал сдвинуть Олесу и раздал. Робот протянул клешню за своими картами, но Олес прижал их рукой к столу.

— Мы не договорились о ставках! — Он повернул голову к командиру и подмигнул самым краем глаза.

Сварог сжал зубы, перехватил затравленный взгляд Чубы, закрыл глаза, мысленно перекрестился... и положил на стол клык Зверя.

— Кстати, о костях, — развалился на стуле вконец распоясавшийся Олес, — там снаружи лежит скелет какой-то твари. Ты случайно не знаешь, это что?

«Или он просто зубы компьютеру заговаривает? Так ведь не получится же, компьютер же...»

— ЭТО БОЕВОЙ МЕХАНИЗМ, — любезно пояснила электроника. — ТАКИЕ ИСПОЛЬЗОВАЛИСЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ РОЗОВЫХ ЗАБРАЛ. УЦЕЛЕЛО ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ЕДИНИЦ. ОДНУ Я ПРИУЧИЛ, НО ПОТОМ МНЕ НАСКУЧИЛО ЕЕ ТУГОДУМИЕ, И Я ЕЕ ДЕЗАКТИВИРОВАЛ: МОЗГ СЛИШКОМ МЕДЛЕННО РАЗВЛЕКАЛ... ИГРАЕМ?

— Играем, — кивнул Олес.

— МОЯ СТАВКА — КОДЫ ЗАПУСКА ПРОТИВОПЕХОТНЫХ РАКЕТ БАЗЫ. УСТРОИТ?

— А чего ж нет... — задумчиво сказал Олес, поднимая карты и особо в смысл сообщенного не вслушиваясь.

Однако Сварог вдруг понял, что компьютер начал ставить собственность базы. И приободрился.

Но тут же всю его бодрость как корова языком слизала: Олес посмотрел в свои карты (у него было три десятки) и раздраженно бросил их на стол.

— Пас.

— ЗНАЧИТ, ЭТО ВСЕ ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ?

— Да задавись ты... Еще?

— РАЗУМЕЕТСЯ, ПРИМ-ШТУРМАН. ЧТО ВЫ СТАВИТЕ?

— Маскап?

У Сварога оставались только шпаги и экипировка островитян. И что же, ставить их?

— Понял, маскап, — кивнул ему Олес и повернулся к манипулятору. — Я ставлю все наши жизни.

Сварог поймал себя на том, что собирается закрыть рот рукой. Но сдержался и лишь обреченно кивнул.

— Наши жизни... против банка, — добавил Олес.

— ВАШИ ЖИЗНИ И ТАК ПРИНАДЛЕЖАТ МНЕ, — напомнил компьютер.

— Ну не скажи, — усмехнулся Олес. — Если я сейчас покончу с собой, то ты лишишься источника информации... Одного из. А если мы все вместе?

— СОГЛАСЕН.

Робот немного пожужжал и кивнул, Олес убрал пятерню с розданных карт. Посмотрел свои и

сбросил все пять. Все пять!!! Сварог понял, что они проиграли. На этот раз окончательно. Робот же сбросил две и замер.

— В прошлый раз первым ход делал я, теперь ваша очередь, прекрасная база Лар'Ант, — выделяя каждое слово, проговорил Олес. — Только предупреждаю, сильно не рискуй, я имею все основания получить из колоды оч-чень сильную карту...

Сварог проверил это заявление на правду и осознал, что наследный князь бессовестно врет. Сварог не сомневался, что внутри спрятанного где-то в недрах базы мозга давно проведена кропотливая аналитическая работа, все мышечные реакции попавших в плен давно отсканированы, и самодумывающийся центр при желании теперь запросто может работать детектором лжи. Но в памяти сидела еще одна карточная заповедь: «Никогда не говори играющему под руку», и Сварог сдержался от того, чтобы посоветовать Олесу покинуть стол.

— Я ХОЧУ УВЕЛИЧИТЬ БАНК. КАКУЮ СТАВКУ ВЫ ПРИМЕТЕ?

— Ну-у... — задумался Олес, — при таком банке — только нашу свободу, — и сузил глаза до тончайших щелочек.

— НО Я НЕ МОГУ НАРУШИТЬ ПРАВИЛО «ДЕВЯТИ».

— Ты можешь скопировать на свободные восемь мест файлы с информацией о любых из прежних пленников, — быстро подсказал Сварог, за время таларской жизни начавший по мелочам разбираться в компьютерах. — Не думаю, чтобы тебя ждала перекрестная инспекция.

Робот пожужжал дольше обычного и выдал решение:

— СОГЛАСЕН. УВЕЛИЧИВАЮ БАНК НА ВАШУ СВОБОДУ, — и получил из дрожащих рук Рошаля две карты в замену.

Напряжение в зале было почти осязаемо.

— Командир... — Олес повернулся к Сварогу всем телом...

— Я ставлю стох и все шпаги, — гробовым голосом, при полном молчании остальных сообщил Сварог и повернулся к князю: — Но прежде чем посмотришь, дай-ка мне на минутку твои карты... Так, просто на счастье.

На самом деле он собирался применить магическую силу, чтобы превратить карты Олеса в тузовый покер. Вероятность маленькая, Сварог никогда не пробовал делать что-либо подобное... Но что еще оставалось, как не сжульничать, черт побери, а?!

— Отставить, командир, — спокойно прошептал Олес. — Я знаю, что делаю. Вскрываемся!

Он получил из предательски дрожащих рук Сварога пять карт.

Тут же и вскрылись.

У робота были три семерки и две дамы.

Олес принялся по одной выкладывать свои карты.

Валет... валет... валет... валет... И шестерка пик: джокер.

Мгновение ничего не происходило: все тупо смотрели на стол. Потом тишина взорвалась оглушительным ревом.

— «Пять картинок»!!! — Пэвер со смаком отвел душу, съездив кулаком по столу. — «Пять картинок», клянусь Наваковым жезлом!

— Вы проиграли, уважаемый центр, — спокойно сказал Олес.

— Я ПРОИГРАЛ, — после затяжной паузы согласился компьютер. — ИГРАЕМ ЕЩЕ. Я СТАВЛЮ КЛЫК ЗВЕРЯ И ВЕСЬ ЖЕМЧУГ.

— С удовольствием... — потер вспотевшие ладони Олес и принялся сгрести банк со стола. — Но мы очень торопимся. Как-нибудь в следующий раз. Соизволь-ка открыть выход.

Пауза.

— Ты не понял? — повысил голос князь. — Я выиграл! Ты поставил нашу свободу, мы забираем ее. Открыть выход!

Где-то далеко раздался заунывный скрип: двери форта заскользили в стороны, и в зале как будто даже стало светлее. Да нет, показалось...

Пауза. Наконец:

— Я ПОНЯЛ, ПРИМ-ШТУРМАН. ТУТ НЕТ НИЧЕГО НЕПОНЯТНОГО. КРОМЕ ОДНОГО... КАК ВАМ УДАЛОСЬ?

— Это, душа моя, называется блеф, — нарочито неторопливо поднимаясь со стула, сказал Олес.

— Я ЗАПОМНЮ, ПРИМ-ШТУРМАН... ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЫИГРАЛИ, И У МЕНЯ НЕТ ДОСТАТОЧНЫХ ОСНОВАНИЙ ЗАДЕРЖИВАТЬ ВАС...

Пожалуй, ни Сварог, ни кто-либо из его экипажа ни разу в жизни не бегал так быстро. Опомнились, лишь оказавшись снаружи, под лучами солнца, перевалившего зенит и теперь медленно сползающего к горизонту. Как, оказывается, хорошо, когда ни вони гнилого мяса, ни желтушного света пыльных ламп, ни давящей тяжести потолка и стен — зато есть день, оружие птички и весь Граматар под ногами...

С траурным скрежетом бункер сомкнулся и вновь превратился в единое целое.

— Кстати, я забыл тебе рассказать еще одно карточное правило, — тихо сообщил Олес базе. — Никогда не играй чужой колодой...

И дрожащей рукой сделал в сторону бетонного монолита неприличный жест. По лицу его градом катил пот — он только сейчас позволил напряжению вырваться наружу. Чуба молча обняла его.

— Князь... — шумно дыша, сказал Рошаль и ухватил наследника за рукав. Пожалуй, впервые за все время знакомства он назвал Олеса княжеским титулом. — Князь, вы знаете, как я относился к вашим увлечениям там, на Атаре... Но то, что вы сделали сейчас, для нас... Это, князь...

— Расслабьтесь, мастер Рошаль, — отмахнулся Олес, обеими руками вытер лицо и вдруг произнес с хамоватыми интонациями: — Раскидывать тинтаря на картинки у нас умел каждый вычок... Переводить, надеюсь, не надо?.. Да, между прочим! — Он повернулся к Сварогу: — А вы-то, капитан! Как вы-то могли сомневаться? Я ведь сдвинул последним.

Сварог недоуменно пожал плечами.

— Я же умею отличать правду ото лжи. И когда ты сбросил все пять...

— Капитан, капитан... — вздохнул Олес и покачал головой. — Это же карты! Настоящий игрок сам обязан на время поверить, что у него на руках только брызги.

«М-магия, чтоб ей...»

— Клык и гикорат верни, а? — хмуро сказал Сварог.

— Спасибо, Олес, — вставила свое неласковое слово Кана. — Но не пора ли нам побыстрее отсюда...

Со стороны чащи-просеки донесся жалобный вой: давешние тарки учуяли вновь появившихся на поверхности земли людей.

— Вот ведь твари, — пробормотал Пэвер, — всех птиц распугали... Теперь нас можно отследить, как по флажкам...

— Это не они вспугнули птиц, — внезапно насторожилась Чуба. — Это люди. Я чую. Идут быстро... сюда...

Произносить догадку вслух не понадобилось, все и так понимали: кто-то уверенный в себе и крайне отважный — а может быть, упрямый и крайне отважный, а может быть, крайне глупый и капельку отважный — продирается сквозь чащу по их следам настолько торопливо, что поневоле распугивает местную крылатую живность. Явно не медлительные полувампиры. И хотя с каждым миготом загадочный похититель Ключа удалялся все дальше, прежде следовало вдумчиво изучить новых участников маршрута... Как говаривал старшина курсантской роты Андрей свет Васильевич со странной фамилией Стефанкив в становящимся все призрачнее земном прошлом Станислава Сварога: «Поспих потрибен тилькы пры ловли гнид та ще пры упэрэжающим термоядерним удари...»

Подчиняясь взмаху руки Сварога, отряд спешно покинул открытую площадку перед бетонным фрункулумом форта и насколько возможно комфортно рассредоточился по периферийным кустам. Кому достался партер, а кому бельэтаж.

Ждать пришлось недолго. Из лесу, один за другим, то и дело оборачиваясь на далекий утробный

вой тарков и плавно ставя ногу с носка на пятку, выступило четверо вжимающих головы в плечи бойцов. Изможденных, в изодранных риксах с наброшенными капюшонами, с какими-то малонепонятными деревянными клюками наизготовку, но явственно готовых преследовать кого бы то ни было день и ночь. Цепочка, будто их тянул на поводке четко по следу невидимый пес, ступила на бетонный круг и приближалась к бункеру, грамотно разворачиваясь, обходя скелет сторонкой и беря форт в клещи. Не салажня. Что ж, тем хуже для них. Сварог почувствовал, как напряглась притаившаяся рядом Кана, дернулась было встать, но передумала.

К бункеру двигалась группа островитян, никаких сомнений.

— ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА РЕЗЕРВНУЮ БАЗУ ЛАР'АНТ, ГОСПОДА, — разнесся над площадкой не лишенный иронии мелодичный голос, естественно, вызвавший в рядах новоприбывших некоторое смятение. — ВСЕ СИСТЕМЫ БАЗЫ АКТИВИРОВАНЫ... — со скрытой и понятной, наверное, только засевшему в кустах отряду издевкой добавил голос. — Я НЕ МОГУ ИДЕНТИФИЦИРОВАТЬ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВАШИХ ГОЛОСОВ И ПАРАМЕТРЫ ЛИЧНОСТНЫХ СЛЕПКОВ, ЭТИ ДАННЫЕ ОТСУТСТВУЮТ В СПИСКЕ ЛИЦ, ДОПУЩЕННЫХ К ПРОХОДУ НА БАЗУ. КТО ВЫ?

Предводитель что-то ответил — на таком расстоянии было не слышно, — и чертов компьютер приветливо доложил:

— НИКАК НЕТ, НИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОСЛЕДНИХ ТЫСЯЧИ ВОСЬМИСОТ ЦАНГОВ. МОГУ ЛИ Я ПРЕДПО-

ЛОЖИТЬ, ЧТО ВАМ НУЖЕН НЕКИЙ ОБЪЕКТ, ПРОХОДЯЩИЙ В РЕЕСТРЕ ПОД НОМЕРОМ ДВЕСТИ ТРИ ДРОБЬ БЭ И НАЗЫВАЕМЫЙ КЛЮЧОМ?

Воспоследовала некоторая суматоха в рядах преследователей.

— ТАК ТОЧНО, — прокатилось над бетонной площадкой, — НАЛИЧЕСТВУЕТ. ПРОШУ. ПОТОРОПИТЕСЬ. ДО НАСТУПЛЕНИЯ СЛЕДУЮЩЕГО БОЕВОГО ДЕЖУРСТВА ОСТАЛОСЬ СЕМЬ УРСОВ.

И бункер со скрипом стал разваливаться на две половины.

Никто из четверки не услышал скрывающейся за вежливостью угрозы. И после короткого, но бурного совещания все четверо, по одному, сторожко ступая и воля «клюками» по сторонам, стали спускаться вниз. Форт проглотил их, одного за другим, будто жадный до сладкого ребенок ириски. И сыто захлопнулся.

— Боюсь, что они не выиграют у базы даже в «два сердечка», — вздохнул Олес, встал в полный рост и отряхнул ладони. — А вы заметили, господа мои, что она уже научилась врать? Блефует... Хорошая машина, умная.

— Черт бы меня подрал, это еще кто такие? — Пэвер повернулся к Кане. — У них такая же одежда, как и у нас! Они что, оттуда — с Островов?

— Да... — сказала та бесцветным голосом, по-прежнему глядя на закрытый бункер.

— И откуда они взялись, позвольте полюбопытствовать?

— Понятия не имею!!! — Воительница вскочила на ноги. — Не знаю! Еще вопрос, и я...

— Да уж, народу на необитаемом материке, как я погляжу, побольше будет, чем в одной степной стране, где я когда-то служил... — сказал Сварог, вставая между ними и гася ссору в зародыше. — И главное, у них оружие, которым любезный Вало нас почему-то не снабдил. Почему бы это?..

Кана посмотрела в глаза Сварогу и отвернулась. Сварог ее мыслей понять не мог. То ли переживает, что отправила сородичей на верную смерть, то ли... Надо расспросить девку поконкретнее, да с пристрастием, да проверить на лживость — однако не сейчас.

— Ну ладно, проехали, — сказал Сварог. — Пусть земля им будет, и так далее. А нам пора Ключ догонять. В погоню, живо! Чуба, нужен твой звериный нюх.

Но Чуба уже и так была в зверином обличье. Прижав нос почти к земле, она повела отряд за собой. Строго на наудер. Есть след!

Тот, кого они преследовали, не проявлял большой любви забираться в самую чащобу, и в благодарность за это Сварог, в пылу погони, решил подарить ему легкую смерть. Конечно, когда догонит. А пока отряд двигался полубегом-полушагом, оскальзываясь на влажных морских камнях, обильно усыпавших окрестности. Тяжело откхекивающийся суб-генерал Пэвер опять молотил почву подошвами в хвосте и поневоле заставлял Сварога то и дело оглядываться. В общем, укатали сивку бриллиантовые дороги — холм, низинка, холм, низинка... Теперь уже сам отряд сопровождали взволненные выкрики разлетающихся птиц, и эта демаскировка была очень не по душе Сварогу. Но ничего поделать с этим он не мог. Взбежав на

очередной холм, гуап застыл как вкопанный. Догнавший Чубу Сварог сурово цыкнул на подтягивающееся воинство — чтоб заткнулись.

В этой низинке сохранилась лужа океанской воды размером с хоккейное поле, а в центре лужи возлежала огромная доисторическая тварь, по-театральному красиво освещенная багровым светом заходящего солнца. Косматый ихтиозавр или рептилеобразный мамонт. И хотя чудище источало разъедающую глаза вонь, оно не только не имело ни следов, ни склонности к разложению, но и пребывало в здравии — причем в добром. Ихтиомамонт дрых без задних ног прямо посерединке лужи, и только вздымались от мерного дыхания шершавые бока, да ветерок ерошил сбившуюся в букли гриву.

— Полагаю, наш неизвестный друг по имени Гражданское Лицо специально выбрал дорогу мимо этой туши. Нас много — авось разбудим, — прошептал вроде как с укором, но и с долей профессионального уважения Рошаль.

Делать нечего. Тщательно осматривая почву прежде чем поставить ногу, чтоб, не дай бог, не задеть какой-нибудь гремучий камешек, невидимый в закатном свете, отряд вслед за Чуба-Ху обошел лужу по бережку. Один раз тварь заворочалась, возникшие волны дотянулись и облизали пыль с сапог путешественников. Отряд замер на полусогнутых, дожидаясь, когда восстановится зловонное, но сейчас ожидаемое сильнее множества житейских радостей мерное дыхание твари.

И чем дальше бродяги отходили от, поэтически выражаясь, вкушающего сладкий сон чудовища, тем поневоле быстрее и шире становился шаг. И даже

осунувшийся Пэвер семенил легкой трусцой без лишнего хрипа. Ландшафт потихоньку начал меняться, холмы зачастили настолько, что постепенно слились в единое каменистое плато. Джунгли, еще ранее превратившиеся в островки растительности, окончательно распались на отдельно стоящие, зато огромные, высотой и толщиной ствола похожие на вековые дубы, деревья. Листва на деревьях имела голубоватый оттенок, отчего казалась прибитой пылью, а каждую ветку украшала гроздь красных пупырчатых плодов, пробовать на вкус которые почему-то никакого желания не возникало.

Чуба-Ху уже не бежала — мчалась, как гончая, настолько был свежим след. Но тут дорогу пересек глубокий пологий овраг, заросший частым молодняком. И от дерева к дереву вдоль всего оврага на разной высоте тянулись белые нити, толщиной в палец, натянутые, как провода, — кое-где одна-две, где-то веер из доброго десятка, а иногда и форменное макраме из пересекающихся, переплетающихся узор...

Первым вслед за гуапом спустившийся по косягу Сварог размышлял недолго и занес клинок над ближайшей нитью.

— Я бы на вашем месте с этим не спешил, — окликнул Сварога появившийся на кромке оврага Пэвер. — Очень похоже, что это кворкас — я читал про него у Аураима...

— Кажется, это кворкас! — появившаяся рядом с Пэвером островитянка невольно попятилась, и это гораздо надежней удержало Сварога от необдуманного поступка, чем загадочные слова.

Сварог внимательней присмотрелся к белым проводам. Оказывается, они не только лежали или

вились вокруг древесных ветвей. Довольно часто какая-нибудь нить пронзала стволы, а заодно и листву насквозь, будто их покалывали соответствующего размера иглой. И чем дольше приглядывался Сварог, тем сильнее увиденное напоминало ему паутину. Только позвольте спросить, каких размеров должен быть паук, сплевший эту сеть?..

— Эй, а кто это — кворкас? — донесся бодрый голос Олеса из-за склона холма.

— Вот только орать так не надо, — сказал Рошаль, мрачно оглядывая нити. — А то еще внимание привлечете, мастер князь...

— Не привлечем, кворкас глух как пень... — сказал Пэвер.

— Так чего вы боитесь?

— Мало кто может обвинить меня в трусости, мастер Рошаль, — выпятил грудь суб-генерал. — Но делать в сторону нашего капитана хоть один шаг у меня нет ни малейшего желания. Граф, лучше осторожненько возвращайтесь-ка. И Чубу позовите.

Чуба-Ху стояла каймах в пяти от Сварога и, высоко задрав волчью голову, неотрывно смотрела на нечто в гуще веток и нитей. Не убирая шпагу в ножны, Сварог направился к оборотню и положил левую руку ему на загривок. Сквозь ладонь передалось яростное возбуждение гуапа, и только потом Сварог разглядел в наступающих сумерках, куда был нацелен взгляд Чубы.

И тогда тот, кто висел, пронзенный белыми нитями в грудь, под ребра и в бедро заговорил:

— Уйдите, прошу вас, пока кворкас меня не видит. Дайте мне пожить еще немного, — еле слышно прошептал подвешенный человек, при-

стально ощупывающий графа взором колючих смоляных глазок.

Он, что характерно, тоже был одет пусть в изорванную, но несомненно риксу. Еще один с Островов, твою мать... Да что у них тут, вечер встреч, что ли?

— Имею честь видеть перед собой особу, не так давно побывавшую в тайнике из «жидкого камня»? — спросил Сварог, чутко отслеживая окрестности. Пока все было тихо. — Вы мне кое-что задолжали, мастер островитянин. И вообще, откуда вы взяли на мою голову?

— Лантис? — вдруг воскликнула Кана.

Подвешенный человек с трудом повернул голову, прищурившись, посмотрел на островитянку. Раздвинул в жалобной улыбке потрескавшиеся губы.

— А, Кана... Ты тоже здесь...

— Вы что, знакомы? — нахмурился Сварог. — А, ну да...

— Значит, хитрый Вало послал за Ключом не только меня... — Голос его слабел с каждой секундой. — Я так и подумал, когда понял, что меня преследуют... Уйдите... если в вас есть хоть капля страха или милосердия... Иначе тут же явится эта тварь... учует вибрацию...

— Ключ, — коротко бросил в лицо подвешенному Сварог, отметив краешком сознания, что тарки почему-то уgomонились. Не иначе, увидели храпящую волосатую тушу и отступили...

— Возьми, если такой смелый... он у меня в пояском кошельке... — со злобой прохрипел пленник паутины, но тут же его с головой накрыла очередная волна страха: — Уйдите, я не могу вынуть Ключ и не пошевелить паутину... Вы победили в гонке,

мастер Сварог... но не победили в борьбе за Ключ. Теперь он не достанется никому...

Конечно, можно было начать рубить с плеча и эти нити, и этого проныру. И будь Сварог на десяток лет моложе, наверное, так бы и поступил. Однако взгляды, брошенные им вправо-влево, подсказали, что больше в паутине нет ни одной, даже самой замухрыжной зверюшки. А из этого следует вывод, что непонятный кворкас действительно оперативно реагирует на вибрацию и частенько с дозором обходит владенья свои. Ладно, Ключ пока никуда не денется, есть время посоветоваться с верным воинством...

Успокаивающе похлопав гуапа по загривку, Сварог выбрался из оврага. Чуба-Ху чуть отстала — она была уверена, что потерпела окончательное поражение, и не могла с этим смириться.

— Генерал, объясните, что это за гадость и с чем ее едят?

Кана не мигая смотрела на пронзенного нитями островитянина.

— Кворкас — он и есть кворкас. — Пэвер устало опустил на траву. — Принято считать, что он — обломок пришедшей черт знает откуда и в большинстве своем утерянной магии. (При последнем слове Сварог скоренько достал шаур.) Крохи информации сохранились только в трактате Аурайма «О тварях вымерших и злонамеренных, нежитью не являвшихся»... Эта паутина, мастер капитан, призрачна, когда не касается ничего живого, ее можно рубить, жечь, грызть — это все равно, что рубить, жечь и грызть воздух... Но она обретает алмазную твердь, оказавшись в н у т р и любого живого тела — будь то дерево, животное или человек. Только сам кворкас может безопасно скользить по выпущенным из собственного чрева нитям...

— Люди, которые создали эту магию, наверняка знали какой-то способ оставаться живыми... но знание сохранилось не полностью, — глухо добавила Кана. — Поэтому тот, кто нынче создаст кворкаса, в большинстве случаев обречен. Точнее, он сам, скорее всего, превратится в паука, как только умрет его порождение — в гигантского, бессмертного, вечно голодного, не слышащего, не видящего и не чувствующего ничего, кроме дрожания собственной паутины, паука...

— К чему этот пафос, подруга? — зевнул Олес. — Проще говоря, если кому-нибудь, осведомленному о древней магии, требуется раз и навсегда закрыть дорогу недругам и для этого не жалко даже собственной жизни, то на пути этих самых недругов возникает такая паутинка, по паутинке начинает бодренько семенить бессмертный кворкас, а окрестности очень скоро придут в запустение. И у недругов создателя кворкаса остается три варианта: повернуть назад, или обойти паутину, что есть здоровенный крюк, или же стать для кворкаса хлебом насущным.

— И какого приблизительно размера этот паучок? — поинтересовался Сварог. И пробормотал под нос: — Как только умрет его порождение...

— Точно никто не знает... — сказал Пэвер. — Но, судя по паутине, мы все вместе взятые сгодимся ему разве что на легкую закуску. Правда, больше чем на пару каймов он не может удаляться от нити: теряет ориентацию.

— Павлины, говоришь... — хмыкнул Сварог. — Вечно голодный Кошей Бессмертный, говоришь... А ну-ка отойдите подальше, от греха...

Он прицелился и дал очередь из шаура. Цепочка серебра, поблескивая в сумерках, наискось пере-

секла переплетение нитей и, не причинив им ни малейшего вреда, канула где-то в темноте. Тогда Сварог, не убирая шаур, отыскал в траве сухую ветку потолще и подлиннее, наклонился над оврагом и коснулся ею белой нити. Ветка прошла сквозь паутину, как сквозь лунный свет, на полпути застряла и словно влипла в нее. Сварог осторожно подергал. Нить заколыхалась, заходила волнами, но ветку держала крепко.

— Мастер капитан!.. — испуганно хрипнул суб-генерал.

— Спокойствие, только спокойствие, — процедил капитан...

Наконец из мрака, в котором скрывался дальний молодняк, донеслось ответное дрожание паутины. Кто-то огромный и неповоротливый целеустремленно двигался к источнику тряски.

— Назад все, живо! Подальше!!!

Нити колебались все сильнее, Сварог еще пару раз дернул за ветку, чтобы паучок не перепутал место, в котором застряла новая несчастная жертва, и отпрыгнул, поднимая шаур.

Из тьмы на него быстро надвигалось нечто. Не столь уж и огромное — размером пожалуй что с лошадь, но двигалось оно так быстро, уверенно и ровно, что Сварог на всякий случай сделал еще пару-тройку шагов назад. Прицелился и, когда на свету оказалась раздутая шарообразная туша с цепочкой рубиновых глаз вокруг «тали», с шевелящимися жвалами и дюжиной мелькающих щетинистых лап, ловко перебирающих паутину, выстрелил.

Вспышка, вспышка, вспышка... Звездочки касались трупно-бледных маслянистых боков твари и,

блеснув на прощание, исчезали. А кворкас продолжал как ни в чем не бывало нестись по паутине. К тому месту, где висела ветка.

— Это старая магия, мастер капитан! — страшным шепотом подсказал Пэвер. — Ваше серебро на него не действует!

Ах ты ж, дьяволыщина...

— Чуба! — крикнул Сварог. — Быстро! Обличья не менять!..

Паучок добрался до ветки, обнюхал ее, потыкал жвалами... и выпрямил лапы, поднявшись на метр над нитью. Замер. И Сварог отчетливо понял, что он смотрит, сканирует окрестности на предмет наличия неизвестных шутников, потревоживших его покой.

— Дуй к давешнему болотцу и разбуди это лохматое диво! — сдавленно приказал Сварог, не сводя глаз с кворкаса. — Хорошенько буди, чтоб у него при виде тебя слюнки потекли. А потом бегом обратно — и чтоб с этим чучелом на хвосте. Мы тут им устроим завтрак для чемпионов на травке...

Только когти по траве вжикнули.

— Вы что задумали? — тихо, будто паук мог их услышать, спросил Рошаль.

— Вот увидите... А вы, охламоны, кстати, лезь-те-ка куда-нибудь повыше на деревья. Дабы не вводить, так сказать, в искушение...

Закончив исследование окрестностей и так никого и не найдя, кворкас неторопливо, но ловко развернулся на нити и уныло побрел обратно.

Повиновались бессловно, но по-прежнему ничего не понимая. Верные бойцы забрались на дальнее одинокое дерево и как бы притворились его несъедобными плодами, а Сварог уверенно подсту-

пил к обрыву и снова подергал за ветку. Не мытьем, значитца, так катаньем...

Наконец где-то далеко позади раздался мощный топот, хотя самого реликтового чудовища видно пока не было... А, нет, — вот и наш соня.

Динозавромамонт громыхал на двух лапах, и от каждого удара ступни о землю тряска докатывалась аж до пяток Сварога. Со всех ног улепетывающая под самым носом громадины Чуба-Ху на этом фоне выглядела даже не моськой рядом со слоном — блохой около экскаватора она выглядела. А в овраге, с механической точностью перебирая блестящими на солнце, будто отлитыми из высоколегированной стали и украшенными жалами зазубрин лапами, вновь нарисовался давешний кворкас. Добежал до ветки и опять завис, хищно поводя жвалами.

Чтобы членистоногое (или как там определяют эту образину в энциклопедиях) оставалось на месте, Сварог скоренько подобрал гальку и, приметившись, щелкнул камнем точно в один из десятков глаз. Паук неожиданно шустро для своих размеров замахал перед собой лапами, пытаясь сцапать обидчика, и стал похож на фехтовальщика с завязанными глазами.

Чуба-Ху неслась прямо на Сварога, а за ней надвигалось землетрясение во плоти.

— В сторону! — гаркнул Сварог. оборотню. — Сворачивай!!!

Не веря, что будет услышан в накатывающемся грохоте, махнул рукой влево, а сам по кромке оврага рванул что было сил вправо. Чуба-Ху повернула по широкой дуге, но инерция была настолько сильной, что гуапа сбросило в овраг, покатило и остановило буквально в кайме от нитей.

Однако у звероящера инерция оказалась во сто крат мощнее, и эта громадина, взмыв с края обрыва, перемахнула через рышущего лапами-ножами паука и с бешеным треском вляпалась в самую гущу паутины. Удивительное дело, но нити выдержали удар, и исполин запутался в них, как в исполинском перевернувшемся гамаке... А паука, обретя наконец врага и не тратя ни мига, прыгнул исполину на грудь — совсем как ребенок бросается к мамочке на шею после долгой разлуки. Челюсти кворкаса, разодрав космы свалявшейся шерсти и бронебойную шкуру, впились в плоть поверженного и лишившегося возможности рыпаться титана... И тут же брюхо паука на глазах стало раздуваться, будто наполняющийся гелием воздушный шар. С гребня наискосок Сварог кинулся вниз, туда, где выкусывала из лап колючки Чуба-Ху и безвольно висел на подрагивающих нитях опередивший их на базе пленник.

— Теперь можешь спокойно почесаться последний раз в жизни, — процедил Сварог, задрав голову. — И на что ты, интересно, рассчитывал? Что не превратишься в паука и сможешь от нас избавиться?.. Короче. Тварям временно не до тебя. Но за такое удовольствие я спрошу с тебя высшую цену. Ключ.

Подвешенный конвульсивно улыбнулся, опустил руку в кошель, достал треугольный осколок зеркала на цепочке — и вдруг замахнулся с явным намерением зашвырнуть его по ту сторону паутины. Лицо его исказила презрительная ухмылка, рука разжалась... Однако он не учел одного.

С места, спружинив лапами, взмывшая на два человеческих роста Чуба-Ху в полете клацнула че-

люстями и поймала Ключ в полете над переплечением нитей.

Сварог от бессилия зажмурился. Он знал, что сейчас произойдет... Его уши ждали предсмертного волчьего визга, — но слышали лишь глухой удар приземлившегося тела.

Сварог открыл глаза. Чуба отряхивалась, стоя на четырех лапах, и явственно улыбалась, хотя давалось ей это нелегко, поскольку в зубах блестел треугольный предмет. А еще у Чубы-Ху до крови был ободран бок, а еще одна из нитей украсилась серым пухом, будто мхом...

— Будь ты проклят... — бился в паутине пленник, и глаза его от бессильной злобы были уже не смоляно-черными, а мутно-зелеными.

— Ну и на фиг было так рисковать? — поднимаясь по кособоку, ворчливо принялся отчитывать капитан оборотня. — Неужели в траве бы не нашли? С гикоратом-то... Я к тебе привык, Чуба, ты уж постарайся выжить в этом путешествии...

С кромки оврага им снова стало видно паучье пиршество. Пузо кворкаса расперлось до невероятных размеров. Доисторического чудовища под этим шаром уже было не разглядеть.

— погоди, это надо видеть, — придержал Сварог четвероногую спутницу и, вынимая у нее из пасти трофей, развернул мордой к оврагу.

В этот самый момент паучье тело лопнуло, как брюки по швам на неосторожно присевшем жирном трактирщике, и освободившаяся жижа водопадом хлынула вниз, на обтянутый одной кожей исполинский скелет мамонтоящера, потекла мутным ручьем по днищу оврага, под равнодушно раскачивающимися белыми нитями паутины.

— Вечно голодный, говоришь? Бессмертный? — зло прошептал сам себе Сварог и повернулся к бессловесному оборотню. — Не знаю почему, но еще со школы в голову засело, что паукам от природы не дана такая радость, как чувство насыщения. Любой паук будет жрать, пока не лопнет*. А природа регулирует процесс тем, что сытый паук окажется не в силах догнать следующую жертву. А вот магия... Что ж, магия, как видно, пожиже матушки-природы...

Тут от обвисших грязным бельем на паутине ошметков кворкаса, по девственно белым нитям во все стороны побежали радужные огоньки — вроде как по новогодней гирлянде. И стоило одному из светлячков наткнуться на продолжающего трепыхаться неудачливого охотника за Ключом, как остальные, будто получив сигнал, рванули в ту же сторону... И вот все светлячки заплясали на нитях вокруг подвешенного пленника... Вот плавно скользнули внутрь тела... И тогда пленник забился изо всех сил.

— Будь ты проклят!.. — возопил он, и из его тела на волю полезли паучьи конечности, а кожу в миг обнесло паучьим ворсом.

— Бессмертный... — разочарованно констатировал Сварог.

Он подбросил на ладони находку. Так вот ты какой, золотой ключик... Странно, но ни радости, ни удовлетворения он не испытывал — одну лишь бескрайнюю усталость. Отряд собрался вокруг и молча разглядывал вожака Ключ. Теперь, при ближайшем рассмотрении, стало ясно, что никакое

* Факт. Совсем как акула.

это не зеркало — просто треугольный кусок металла размером с ладонь, без всяческих там пояснительных надписей и украшений. Одна его сторона была шероховатой, а другая — тщательнейшим образом отполирована... но вот что странно: полированная поверхность была матовой, дымчатой, хотя, по идее, должна была отражать, как зеркало. А в остальном — простой металлический треугольник, ничего больше... И никакой тебе магии.

— Так, ребята, вот и все, — просто и устало сказал Сварог. — Привал. Овраг обходить будем завтра, завтра и наметим наиболее удобный маршрут обратно, к побережью... Всем спать.

Он повесил Ключ на шею (металл глухо звякнул о нателный крестик), повернулся и двинул прочь от оврага — к загодя присмотренной полянке.

Угомонились на удивление быстро — либо усталость была причиной, либо то обстоятельство, что им все-таки удалось раздобыть Ключ, но кроме Сварога и Каны все дружно рухнули в объятия Морфея, едва перекусив на скорую руку и застегнув спальные мешки. Сварог не спал. Смотрел на небольшой костер, возле которого таким сидящим буддой застыла островитянка (она дежурила первой), и ни о чем не думал. Хотя подумать было о чем — например, о том, что найти Ключ еще полдела... даже не пол, а четверть. Потому что остается еще невредимыми добраться до берега, а самое главное, найти Дверь и проникнуть в нее — в обход хитроумного Вало. Как это сделать — совершенно неясно.

Но думать об этом не хотелось.

Наверное, он все-таки задремал, поскольку очнулся от чьего-то прикосновения. Дернулся, нашарил Ключ на шее, оглянулся. Кана сидела уже

рядом с ним, ее чернущие глазищи в отблеске пламени казались двумя бездонными омутами.

— Что...

Сварог попытался сесть, но Кана приложила палец к губам и мягко, но настойчиво уложила его обратно землю.

— Мое дежурство, что ли? — шепотом спросил он, чтобы не разбудить остальных, хотя мастер Пэвер храпел так, что и мертвый бы проснулся.

Нет, костер еще не прогорел, прошло минут тридцать от силы...

Кана наклонилась поближе:

— Мне страшно, мастер капитан...

На это Сварог помолчал, закурил.

— Что-нибудь случилось?

Островитянка покачала головой — и вдруг ее не по-женски сильные руки обвили Сварога. От неожиданности он уронил сигарету.

— Кана, какого... Послушай, Кана, сейчас не вре...

Поцелуй заставил его умолкнуть. Она, дрожа, лихорадочно, на ощупь расстегивала пуговицы спального мешка. Удивление сменилось чувством, известным любому нормальному мужику, но Сварог решительно отогнал его. Попытался вырваться — да не тут-то было... А впрочем, вырывался он не очень-то яро. Руки сами собой, почему-то разуму напрочь не повинаясь, нашарили застёжки ее риксы. А все остальное было уже не важно, никто из них уже не думал, разбудят они кого-нибудь или нет. Он помог ей избавиться от комбинезона, ее кожа матово блестела в свете костра. Она помогла ему избавиться от спального мешка, и два человека слились в единое целое... Увы, все произошло

слишком быстро (и Сварогу показалось, что именно она так и хотела — быстро), но было подобно... черт его знает, чему это было подобно. Сварог, пожалуй, еще ни разу в жизни такого не испытывал. Неожиданное буйство огня, в котором сгорел он весь, без остатка, со всеми его мыслями, дурацкими протестами и рассудительностью. А потом внезапно — тишина, покой, умиротворение. Будто и не было ничего... Да нет, было, было...

— Прости, капитан, — шепнула она, положив голову ему на плечо. Короткие волосы приятно щекотали кожу. — Наверное, я не должна была этого делать...

— Чего ты испугалась?

— Сама не знаю... Может быть, тебя. Не надо видеть во мне врага, капитан. Я просто выполняю свою работу. Как и ты.

Она не врала.

— И что это за работа? — осторожно спросил Сварог.

— Я должна привезти Ключ на Острова.

— С нами или без нас?

— С вами или без вас. Ключ важнее ваших жизней, как бы гнусно это не звучало. Но ведь так сплошь и рядом происходит — я знаю, я видела. Кто-то дергает за ниточки и отдает приказы во имя какой-то цели, а какой ценой эта цель будет достигнута, не столь и важно... Но я была бы рада, если б вы все вернулись целыми и невредимыми.

А вот тут она пожалуй что лукавила. Ей был нужен Ключ — и только Ключ. Остальные лишь помогают ей в доставке ценного груза... Эх, ну и жизнь...

— Собственно, — сказал он, — я тоже буду рад, если мы вернемся в полном составе... И при Ключе.

— Вот видишь...

Он закурил и выпустил в ночной воздух струйку сизого дыма — дым поплыл к темнеющим кустам, зацепился за ветки и медленно растаял. Кана проворно выскользнула из его объятий, скользнула в комбинезон.

— Прости, капитан. Тебе надо поспать. Я не должна была...

— Еще слово — и пойдешь в два наряда вне очереди.

Она грустно улыбнулась, наклонилась и легко коснулась губами его губ, провела горячей ладонью по щеке Сварога.

— Есть два наряда. Спи, мастер капитан. Завтра предстоит тяжелый день.

— Не тяжелее предыдущих... — вздохнул Сварог. Если б он знал тогда, как ошибается...

Часть третья
**...НО ОБРАТНО —
НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОМОЙ**

Глава двенадцатая
Только бегом

Обнаруженный Чубой лось был настоящий.

Они подошли, постучали по лосю. Раздался звук, словно стучишь по сухому полену. Открытой ладонью можно было лишь прикоснуться к животному — и тут же руку отдернуть. Кожу прожигал холод.

— У-у, дрянь! Как из ледника вытащили.

— Заморожен, — согласился с Олесом Сварог.

— А кругом лето и лес, — задумчиво дополнил картину Рошаль. — И ничего кроме леса и лета...

Лось — то ли тот же самый, что в панике выскочил на полянку возле канала, то ли другой — стоял в зарослях невысокого орешника, доходящего ему до груди, голова высоко задрана, рот открыт, словно животное исторгало из себя призывный или угрожающий крик в тот момент, когда... когда на него рухнул мороз.

Листья орешника в радиусе каймов семи от лося превратились в ледышки, ветки, как на новогодних открытках, иней перекрасил в белое. Трава под лосем напоминала мороженую зелень, всякие там петрушки и укропы, которыми хозяйки иного мира набивали полиэтиленовые пакеты и заклады-

вали до зимы в морозилки. Такая трава вскоре оттает — и станет мокрой и вялой...

В который раз вечерело. Давно уже накрапывал мелкий дождик. Спасибо костюмам от дамургов — небесная водица не доставляла особых неприятностей. Ткань не намокала, вода за шиворот — они, разумеется, накинули капюшоны — не лилась. Доведись ночевать на земле, перебедровали бы вполне комфортно, по походным-то меркам.

Капли колотили по замороженному зверю и, не успевая стечь, превращались в длинные белые запятые — такими замерзшими потеками исчерчены трамвайных стекла в холода.

— Что-нибудь знаешь о подобном... феномене? — спросил Сварог у Каны, бродя по орешнику и внимательно осматривая почву, траву, заросли.

Мерзлая трава хрустела под ногами, раздвигаемые руками ветви не шуршали, а потрескивали.

— Совершенно ничего, — уверенно ответила Кана.

— Разве что был в прошлом веке такой нурский принц Феонис, любил пытать холодом, — сказал Рошаль. — И казнил, запирая приговоренных в ледяном подвале... Отчего-то нравилось ему выдавать родственникам для погребения тела вот в таком вот виде, как у лося.

— Принц тут ни при чем. Уходим, — скомандовал Сварог. Ничего примечательного поблизости от лося он не обнаружил и круг поисков расширять не намеревался. — И быстро.

Были у Сварога основания считать, что задерживаться тут надолго вовсе не безопасно... Ни к селу ни к городу он неожиданно вспомнил некоего

загадочного Ледяного Доктора и выругался: только этого нам не хватало...

И опять в дождь. Опять походный порядок. По лесам и перелескам, открытые пространства пересекая, конечно же, не бегом, но в усиленном темпе. По холмам и взгоркам, вверх и вниз, вниз и вверх, перепрыгивая ручьи и вброд переходя речушки... К берегу возвращались другим маршрутом — неохота снова было попадать в прежние ловушки.

— Тарки нашли лося, — сообщила Чуба-Ху вскоре после того, как они отошли на четверть кабелота от ледяной находки. Действительно, если вслушаться, можно было разобрать пощелкивания, доносящиеся как раз с той стороны, будто хлещут цыганской плетью, и взвизги.

— Может, им лось на что и сгодится. Растопят дыханием своих черных вампирских сердец... Давайте, давайте, не копайтесь...

Тарки по-прежнему тащились за ними. Иногда совершали рывки, забегали вперед и встречали отряд Сварога, сидя рядком где-нибудь на открытом месте, но на безопасном для себя расстоянии.

Сварог уже воспринимал их как свою домашнюю скотинку. Бредет сзади послушно этакое вот эксцентричное стадо, вампирская, понимаешь, отара. И опасны тарки так же, как страшна и опасна та же корова. Буренка, конечно, безобидна и покорна до отвращения, но лягнуть может, причем иногда без всяких веских к тому оснований. Будь настороже, сзади не заходи, под копыта не лезь — и все обойдется. Так же с тарками: не будь полным растяпой, не зевай, держи под рукой серебро — и никакие тарки не тронут. Правда вот, молока и шерсти от тарков не дождешься. Но, с другой-то

стороны, они могут принести некоторую пользу — часовым, например. Часовые не сомкнут глаз, слыша, как рядом шипят и пощелкивают представители воинства нежити, и видя, как горят во тьме угольки их злых глазенок. Впрочем, может и не горят, может, Сварог наговаривает на тарков...

Дождь усиливался. Завеса из ливневых струй, накладываясь на вечер, семимильными шагами сдвигала видимость к нулевой отметке. «Кошачий глаз» Сварога помогал, конечно... но только ему одному и только отчасти: дождевые потоки «кошачий глаз» не пробивал, вот беда-то.

Шли по компасу дамургов. Карту Сварог не доставал уже давно. Пользы от нее в такую погоду — что рыбе от самоката: к местности не привязаться, поскольку доступная взгляду местность катастрофически сузилась до границы носа привязывающегося. Вот разве если стукнешься лбом в подходящий к привязке ориентир...

Комбезы дамургов предохраняли от ручьев, бегущих по спине, животу и прочей анатомии, но маски в экипировку дамургов не входили, и лицо заливали струи — теплые струи, следует признать, — однако от того не менее мокрые, не менее надоедливые и дыхание затрудняющие весьма.

Остановившись, Сварог собрал отряд вокруг себя. Развернул-таки карту, над которой Олес держал рогталь.

— Как бы медленно мы не продвигались последние часы, скоро должны выйти к реке. Если верить карте, река достаточно широкая... Достаточно настолько, что сегодня переправляться не будем. Шут его знает, что там, на том берегу. Выйдем к речке, пройдем берегом влево. Доберемся

вот до этого скального массива... э-э... названия не разобрать... да и ладно. Скалы — это пещера, на худой конец — ниша или просто карниз. Там и заночуем, переждем дождик...

Двинулись дальше и скоро услышали за спиной громкий прерывистый вой.

— Тарки, — сказала Чуба-Ху. — Предупреждают, что чувствуют опасность.

— Н а с предупреждают? — удивился Сварог.

— Так больше вроде и некого...

— А если это еще одна семейка тарков крутится поблизости? — спросил Рошаль, ладонью сбрасывая воду с лица.

— Если б они почувствовали другую семью, мы услышали бы свист и стрекот. — Чуба шла вместе со всеми, давно уже не принимая волчье обличье — дождь сбивает запахи, объяснил гуап: далеко отбежишь, можно заблудиться. — Это сигналы убираться подальше с их земли... или от их добычи. Семьи тарков ненавидят друг друга так же сильно, как люди ненавидят... подобных существ. Да откуда взяться еще одной семье? Я вообще до сегодняшнего дня думала, что тарков всех повывели.

— Это на Атаре, — сказал Пэвер. — Действительно ни одной особи не осталось. А здесь, пока людей еще нет...

— Мало ли что могло их насторожить, — перебил Рошаль. — Как я понимаю, трусости им не занимать...

Темнота аккурат на их пути сделалась гуще, стала непроницаемой. И эта густая непроницаемость по мере приближения начала принимать некие вполне определенные очертания.

Сварогу, вооруженному «кошачьим зрением», первому удалось разглядеть, что на пути вырастает...

Да, корабль. Вскоре его увидели все — когда подошли почти вплотную. Заваленный на бок деревянный галеон, пузатый веселый корабль, около пятидесяти каймов в длину. Если он пролежал на дне тысячу лет, то его можно поздравить с тем, как он сохранился: не то что не превратился в труху — даже не заметно щербин от выгнивших и провалившихся досок. И ракушками с засохшими водорослями галеон облеплен лишь до ватерлинии... За что такое счастье, спрашивается? Определенно без магической подмоги не обошлось. Или...

Или тому есть иное, менее мистическое объяснение: кто-то из отчаянных атарских мореплавателей, не шибко чтоб давно, на этой лоханке сумел пересечь Океан и добраться до вод, многослойным одеялом укрывающих спящий под водой материк. И аккурат над будущим Граматаром затонул. Так что вот он и лежит, тот смелый кругосветник, сохраняя вполне сносный вид... И опять Сварога посетило премерзкое чувство дежа вю. Ведь однажды уже он встречал корабль посреди леса — едва прибыв на Атар...

Большого удивления и переполоха в рядах сей предмет, украшающий собой граматарскую равнину, также не вызвал. И действительно, что им, людям, также добравшимся до Граматара, какая-то затонувшая рухлядь...

— Вот об этом тарки нас предупреждали? — Сварог закурил, держа сигарету по-солдатски, в кулаке.

— Думаю, да, — неуверенно сказала Чуба-Ху. — Нехорошее место. Погодите, — она закрыла глаза,

подняла лицо к небу и дождю, наклонила голову набок, глубоко вздохнула. — Им не нужны люди.

— Кому — им? — быстро спросил Рошаль, продолжая нервно стряхивать воду с лица.

— Я не знаю, кто они. Они рядом... но не здесь.

— Это как тебя понимать? — Сигарета Сварга быстро размокла под дождем, пришлось выбросить.

— Сама не знаю... Но чувствую, что они не смогут к нам прикоснуться. И мы не сможем соприкоснуться с ними.

— Аг-га... Другой мир, стало быть?

— Не знаю... Похоже...

— Обойдем и взглянем, — решил командир. — Не наши миры в последнее время меня жуть как занимают... Раньше, правда, тоже увлекался...

Они обошли... Пробоина над самым килем, аккуратное круглое входное отверстие, словно от бивня гигантского нарвала... угадывающееся по остаткам букв название «Кроскотеро», носовая фигура в виде женщины со сложенными крыльями, но без головы... Впрочем, голову-то явно снесло прямым попаданием. Предположительно ядра.

И взглянули... Взглянуть было на что. Противоположный борт почти полностью сгнил — отчего-то ему меньше повезло, нежели прочим частям корабля, — и взорам всех любопытных гуляк по Граматару открылись подпалубные тайны галеона.

Галеон, оказывается, под завязку был забит золотом.

— От это да! — шепотом воскликнул Пэвер. — Да тут добра во сто годовых доходов Газдаро! А, Олес?

— Да чтоб я эту лодчонку раньше нашел... — потрясенно отозвался Олес.

— А помните бумагу, которую мы выловили из воды? — Рошаль сунул голову внутрь корабля, под защиту более-менее сохранившихся палубных досок. — В ней говорилось о каком-то Золотом Караване. Правда, там же утверждалось, что караван лежит в море, на огромной глубине. Но, может быть, одно судно отнесло течением... или...

— Да какая разница, мастер Рошаль! — перебил Олес. Он опустился на колени возле галеона и переводил восхищенный взгляд с золотой чаши, с горкой наполненной опалами и изумрудами, на тяжелый двуручный меч, отделанный серебром, золотом и камнями, с груды золотых слитков на сундук, у которого была отколота доска — это позволяло увидеть, что тот набит золотыми монетами. — Ведь когда-то золото снова будет в цене и на Граматаре! Да и сейчас люди не смогут устоять!

— Организуешь отдельную экспедицию, — отрезал Сварог. — Слушай сюда, боевая дружина! Карманы не набивать, вообще не дотрагиваться. Сдастся мне...

Со звяком петель, со скрипом и стуком крышка одного из сундуков откинулась. Закачалась и отвалилась. А потом в воздух поднялась горсть монет, повисела — и со звоном посыпалась обратно в сундук, будто кто-то разжал невидимые ладони. Вспыхнуло несколько факелов, укрепленных в петлях на стенах трюма, и все это богатство — не иначе, как перенесенное из арабских сказок про аладдинов, лампы и пещеры разбойников, — заиграло отсветами и бликами. Взмыла вверх чаша с камнями, наклонилась; посыпались опалы и изумруды и, словно ударяясь о подставленную ладонь, разлетались в разные стороны. Задвигались слитки и золо-

тые, украшенные резьбой и инкрустацией блюда, разворачивались тряпичные свертки, являя фигурки божков, подлетали, крутясь, отдельные монеты, словно кто-то их подбрасывал на «орел» или «решка», ордена, все в лучах и алмазах и размером с чайные блюдца, выстраивались положенным порядком, украшая чью-то невидимую грудь...

Дошла очередь и до двуручного меча. Он взлетел, перевернулся клинком вниз, клинком вверх, рубанул воздух, взял «на караул», перепрыгнул из одной невидимой руки в другую.

— Ну что, твое высочество, — сказал Пэвер, который всем своим видом демонстрировал, что золотой запас занимает его не более, чем простенькая загадка природы, видали, мол, и похитрее, — не пропало желание набивать карманы этим золотишком?

— Что-то движется, — Чуба встревожено схватила Сварога за рукав.

— Где? С какой стороны?..

Сварог зашарил «кошачьим глазом» по сторонам, напряг слух. Мрак, простреливаемый миллиардами пулеметных очередей дождя... Удалось рассмотреть неподвижную грудку (наверное, камней), одинокое, дрожащее листвою дерево... Все, дальше взглядом не пробиться. И ничего не слышно кроме ливня. Кроме ровного шума, окутывающего со всех сторон, будто стоишь на плотине гидростанции, кроме вплетающейся в этот шум барабанной дробы, вышибаемой ливнем из корабельной обшивки.

— Ты что-то слышишь? Может, это тарки? Или эти... призраки?

— Это не тарки и не призраки, — уверенно сказала Чуба. — Я не слышу, я чувствую. Приближа-

ется по воздуху. Но не ясно чувствую. Потому что я... Сейчас...

И она принялась изменяться. Чтобы обострилось чутье...

Свет обрушился сверху, вырвал из ночи круг, накрыл галеон ярким колпаком — счастье еще, что люди оказались в тени борта.

Свет. Яркий, дьявольски мощный, которому не помеха ночь и дождевой заслон... прожекторный свет.

Еще ничего не осознав, ни о чем не успев подумать, Сварог закричал, чтоб прятались внутри, зарывались в золото. Плевать на призраков, им не до нас, они заняты своими играми. Зарыться в чертовом золоте, пусть хоть на что-то сгодится, а сгодиться может, кое от чего убережет... Да и больше спрятаться-то негде, другой защиты от атаки сверху не найдешь.

Сварог чуть высунулся, задрал голову — и взгляд обжегся о слепящее раскаленно-белое пятно. Он тут же отвернулся. В глазах заплясали радужные круги, но высоту примерно представил. Этот гад завис где-то в четверти кабелота от земли, так что будем считать — не заметили. В случае чего можно попробовать достать из шаура, хотя простенький метатель серебра против такой-то хренови...

Подарки поодиночке не ходят. И из другой точки ударил второй молочно-белый сноп, прожекторные круги сошлись на земле, почти идеально наложились друг на друга.

Сварог последним нырнул в дупло гнилого галеона. Сверху свалилась трухлявая доска, шлепнула по спине не больше, чем поролоновой скруткой, и разлетелась в труху.

Не переживая, что это выглядит со стороны не слишком презентабельно для brave командира

боевого подразделения, Сварог разметал чаши и кувшины, соорудил подобие окопа, залез в него и завалил себя под руку подвернувшимся барахлом. Успел грозно прорычать, углядев нерешительность некоторых:

— Зарывайтесь, чего ждете, в душу бога мать?! Пока палить начнут?

Сквозь золото не достанут. Ни лучом прожектора, ни прочими приборами. Не должны достать. Не должны. Впрочем, выбирать не приходилось, ну куда было больше прятаться... Что, эти тоже гоняются за Ключом? Ну уж это вот вам шиш с хреном, золотой ключик мы никому не отдадим, самим трэба...

А сверху командир еще прикрылся крупнейшим — чем не щит Зевса — блюдом. Ясное дело, золотым. Кстати или некстати, но вспомнился диалог из классики: «Холмс, чего вы боитесь?» — «Духового ружья, дорогой Ватсон». Кто знает, не навоят ли сейчас эти покрывашины с уточкиными на них ствол именно такого ружья — против которого защита ларов от летящей смерти вот возьмет да и не сработает? В конце концов, технология другого мира запросто может создать оружие, перед которым окажется бессильной вся магия Талара — исключительно по причине чуждости такого оружия...

И ведь ни звука не доносится сверху! И не доносилось! За любым дождем он услышал бы тот осиный гул — загнавший отряд в рукотворный канал... И что это означает? Что сейчас над ними кружат другие машины? Или хреновы энэлошники подлетели в ином, бесшумном режиме? Поди догадайся...

И ничего ведь не сделаешь! Куда прорываться?! Где спрячешься от прожекторов, пробивающих плотную завесу ливня?! В чистом поле?

Пока ничего не происходило. Прожектора светили — Сварог из-под блюда видел залитую молочным светом траву за бортом галеона. Геликоптеры, автожиры или тарелки (что у вас там, показались бы!) не перемещались и огонь на поражение не открывали. Пока.

Сварог задействовал «третий глаз». В магическом зрении прожекторные лучи изменений не претерпели. Не было в их природе ровным счетом ничего сверхъестественного, тупое порождение неизвестных технологий... Зато проступили зыбкими прозрачными контурами хозяйничающие на корабле призраки. Призраки как призраки, зауряднейшие, можно сказать. Особо не на что смотреть. Сварог отключил «третий глаз».

Странная до идиотизма ситуация, юморески с нее сочинять и выступать по возвращении перед дамургами. Звенят пересыпаемые монеты, проплывают по воздуху ларцы и шкатулки, хлопают золоченые переплеты, поднимая пыль — память об истлевших страницах, на чьих-то невидимых шеях покачиваются ожерелья, в ушах — серьги, продолжают упражнения с двуручным мечом. Златолюбивым призракам галеона по барабану что люди, купающиеся в их золоте, что воздухоплаватели, зависшие над их кладом...

Невидимкам понадобилось и блюдо. Сварог попробовал его отстоять, удержать свой щит, но призраков незримый их бог силенкой не обидел. Если б граф Гэйр блюдо не отпустил, то его самого потащили бы вместе с ним...

Сварог заковыристо выругался в адрес вконец разбушлатившихся фантомов, витиевато и многоэтажно смешав исконно русские словечки с исконно димерейскими — любой боцман расцвел бы от удовольствия и расцеловал бы за такой пассаж. А вот женщинам, наоборот, подобные речи слушать не рекомендуется...

— Что будем делать? — услышал Сварог как раз таки женский шепот, спокойный и невозмутимый.

— Сидим пока... — ответил он Кане — та устроилась в сундуке, высыпав из него золото-серебро и накрывшись сверху доспехом.

Едва слышно командир добавил себе под нос: «...и не кукуем».

Ни хрена не происходит!!! Дуры висят, как люстры на крюках, прожекторы не рыщут. Заморозили их, что ли, как того оленя?..

Свет пропал. Прожекторы погасли. Один и другой. И та же тишина. Нет ни рева включившихся двигателей, ни свиста стабилизаторов летящих в цель бомб, ни пения пропеллеров. Лишь потрескивают факелы — собственность призраков...

— Чуба, — позвал Сварог, — ты что-нибудь чувствуешь?

— Нет... Подождите.

До Сварога донесся знакомый и неприятный звук — скрип меняющих форму костей. Потом Чуба, вновь вернувшись в женский образ, сказала:

— Их нет над нами. Поблизости я их не ощущаю.

— Выходим, — решился Сварог.

Один за другим они выбирались под ливень.

— Теперь понимаешь, что чувствует полевая мышь, за которой гоняется сова... — сказал Пэвер, отряхиваясь от налипших монет.

— С голой пяткой на саблю, вот как это называется! — рывкнул Сварог, давая волю эмоциям. Прикурил дрожащими пальцами. И только теперь почувствовал, какое напряжение сковывало его все то время, пока они купались в золоте. — Эти ваши дамурги лучше б «стингер» изобрели!

— Что такое «стингер»? — внешне спокойно спросила Кана.

Сварог только отмахнулся. Взрыватель Синего Клюва снова затакал слева под черепной коробкой.

— Ну, готовы? Придется, соколы мои, выложиться, придется попотеть...

Уходить надо к скалам. Если допустить (хотя чертовски не хочется допускать) возможность бомбардировки, то никакой лес и никакие галеоны, битком набитые золотом, не спасут. А вот среди камней — есть шанс, есть... Так что — вперед, и да поможет нам Тарос... или кто тут у них на Граматаре приходит на выручку боевым отрядам...

Марш-бросок до реки. Карта не соврала — река была на месте, действительно широкая, конечно, не Ител и не Волга в черте города Ярославль, но вполне серьезная водная преграда. Ну, с ней разбираться станем потом...

В том же предельном темпе бросок продолжился по берегу. Следуя всем речным изгибам, стараясь держаться той кромки, где речной песок переходит в твердую землю, не отходя далеко от сверкающей полосы, следя, чтобы никто не отстал, предупреждая друг друга по цепочке о препятствиях — так двигались. Никаких перекуров, тем паче привалов. Если бы кто-то вывихнул ногу или повалился бы, лопоча «все, не могу», и не встал бы

после жесткой обработки, то его, отогнав всякую лирику, пришлось бы бросить. Рисковать отрядом из-за одного сломавшегося — это, простите, не гуманизм, а форменная глупость.

Бог миловал. Дошли до скал. Сварог испытал такое облегчение, словно они уже добрались до дома родного. Странно все-таки устроен человек. Ведь понимаешь разумом, что это укрытие эфемерное и временное, завтра придется его покинуть, а на душе все равно легко и покойно.

Сработало лучшее из Свароговых предположений — нашли не нишу и не навес, а настоящую пещеру. В сон потянуло сразу же, едва по телам перестал колотить докучливый ливень, едва лица почувствовали забытую сухость, а под ногами приветливо затрещал сухой тростник. Отчего же и не поспать, бессонницу они никак не заслужили.

Что ж, порядок дозора известен, порядок обычный. Напоминать о бдительности и вреде сна на посту нет смысла. Не новобранцы, чай, и не скауты с леденцами в карманах...

К утру запасы небесной воды иссякли. Небо, впрочем, не очистилось совершенно, еще бродили по нему ошметки былых туч, но какие-то несерьезные. Сварог забрался на вершину скалистого утеса, оглядел окрестности. Ему открылась сплошная благодать: речка, солнышко, парок над лугами — и на все тридцать два румба полное отсутствие наличия летающих предметов.

Наметив место для переправы, он спустился к отряду, терпеливо ждущему команды «к приему завтрака стройсь».

...Дамурги вообще-то молодцы, признаем честно. Славные костюмчики скроили. В огне не горят,

в воде не тонут, — а вместе с ними не тонут и тела, в те костюмы обряженные. В том числе и тела, которые плавать не умеют. Например, старший охранитель Гор Рошаль. Да и Чуба-Ху говорила, что плавать плохо. Кстати, на дистанции нескольких сотен метров в воде температурой градусов этак шестнадцать заработать переохлаждение и судороги — как не фиг делать. Опять же выручали славные костюмы.

Но вот в борьбе с чем костюмы помочь никак не могли, так это с течением — пловцов разметало по реке, как городошные кегли по площадке. И напроць не хотелось думать о том, что там, в речной глубине запросто может ждать бесплатного завтрака какой-нибудь здешний водяной...

Обошлось.

Когда собрались вместе, малость отдышались и обсохли, то увидели, как на том, оставленном, берегу скатывается по склону и дружно кидается в воду хорошо знакомая группа. Тарки плыли по-собачьи, задрав морды и держась кучно, и сносило их как-то вместе. Нет, впрочем, вот одного оторвало от коллектива, ему явно придется выбираться на сушу вдали от остальных.

— Уж не думал, что свидимся... — Пэвер дышал хрипло, отсапываясь после большого заплыва. — Сто ослов Наваки мне в жены, а я им даже рад! Пусть триста армий тарков плетутся по моим следам, чем летает над головой одна эта... простите, барышни, сейчас я скажу кто именно...

И сказал.

Только кулак, показанный Сварогом, остановил кнзя от молодецкого свиста, которым Олес хотел, видишь ли, поприветствовать старых друзей из породы кровососущих.

Тарки вылезли на берег в полукабелоте от отряда Сварога, по-собачьи стряхивая воду со своей куцей коричневой шерсти, собрались в кружок. Сварог сотворил здоровенный кусок мяса, показал им издали — мол, заберете потом. Тарки разразились дружным свистящим воем.

— Благодарят? — попробовал угадать командир.

— Ругаются, что мало, — перевела Чуба, убирая с лица мокрые волосы.

Тогда Сварог показал им издали шаур...

Он выбрал для переправы такое место, где на исходном берегу лес ближе всего подступал к реке. Открытых пространств он начал бояться чуть ли не панически. Если эти летающие неопознанности не имеют на борту датчиков, способных находить живые объекты, а используют лишь визуальное наблюдение, то в лесу есть шанс остаться незамеченными и убраться подальше из зоны их полетов... Если, конечно, датчиков не имеют. И, конечно, если не весь Граматар — их зона полетов. Да что ж это такое, откуда взялось, кто ответит?.. Конечно, оно бы неплохо подружиться с такими технически развитыми товарищами, но вот выйдешь им навстречу, размахивая белым флагом (то бишь, по-местному, — красным), а они по тебе из ракетной установки или... или из другой установки — шарах! Причем последнее вернее. Влупят — или потому что у них красный цвет считается оскорблением, или потому что, по их убеждению, люди по земле не ходят, а те, кто все-таки ходит, — не люди. Или просто так, проверить, как работает установка.

Они шли через молодой ельник, где верхушка самого высокого деревца вряд ли доставала кому-то из них до пояса. Вроде бы подсохшие костюмы

быстро намокли опять — в пушистых ветках скопилось много дождевой воды... И опять открытая местность, но ничего тут уж не поделаешь, до настоящего леса, того, что скроет их с головой, оставалось чуть меньше трети кабелота. А оттуда до побережья — всего ничего, кабелотов пятьдесят... А ведь именно в таких ельниках, некстати вспомнилось Сварогу, должно быть полным-полно боровиков...

Это выглядело, прах вас побери, красиво. Прямо как в голливудских фильмах. Он и взмыли одновременно, поднялись в небо по строгой вертикали. Лучше, наверное, подходит слово «взошли». Разом все девять. Совершенно беззвучно.

Над лесом, что впереди. От края молодого ельника. Из-за дальнего холма, из-за ближнего холма. Над берегом в полукабелоте от того места, где отряд выбрался из воды. В без всякой для себя радости Сварог наконец-то увидел во всех подробностях, что из себя представляют эти летающие неопознанности.

Глава тринадцатая **Коршуны и зайцы**

Форму для своих воздушных телег неизвестные авиаторы позаимствовали у ската. Точь-в-точь скат, только размером со штатовскую «вертушку» «Ирокез», да и летает хвостом вперед. Да еще под брюхом подвешены какие-то цилиндрические хреновины, подозрительно смахивающие на ракетные установки, чего у скатов, как вам ска-

жет любой ихтиолог, не наблюдается ни в природе, ни в аквариумах.

Аппараты имели, как говаривали классики, радикально черный цвет, и определить, где находится кабина, было весьма затруднительно — то ли стекла у кабины тонированные, то ли кабина вовсе не имеет стекол, а пилот следит за землей по экрану. Или вот еще предположение: «кукурузники» эти — радиоуправляемые, а пилоты сидят в вертящихся креслах перед дисплеями в центре управления, прихлебывают чаек и двигают джойстиком, перемещая свои игрушки над Граматаром. Кабы знать...

- Сварог на всякий случай глянул «третьим глазом» и не обнаружил в «скатах» ни малейшего намека на магию. Так мы и думали. Опять сплошь наука, никакого волшебства... Один из «скатов» тишайшим образом, но при этом с резвостью, достойной какого-нибудь «Фантома», переместился от дальнего холма к обрыву берега. Остальные висели на прежних местах, недвижимые и сонные, этакие аэростаты в полный штиль. «А гул от них идет, — отстранено подумал Сварог, — когда шпарят, должно быть, на совсем уж головокружительных скоростях...»

Бежать было некуда. Да и не успеть убежать.

— Выход один, — тихо сказал Сварог, доставая у Олеса из-за пояса катрал.

В высшей степени сомнительно, что дурацкий споромет поможет, однако другого оружия у них не было — не подумали как-то дамурги, что отряд ждет дружеская встреча с напичканной техникой авиацией. А вот ежели двигатели «скатов» излучают тепло, ежели их температура в какой-нибудь

точке обшивки близка к температуре человека или прочего теплокровного животного, плюс еще с десятков «если» — то самонаводящаяся спора может и достать, чем черт не шутит. Ведь и «мессеры», бывало, подбивали из мосинских винтовок... А вот шаур совершенно точно не добьет.

— Когда эти птахи двинутся на нас, разбегаемся в разные стороны. Я к берегу, Олес к лесу, Рошаль к дальним холмам, Пэвер — к ближним. Кана, ты с Рошалем. Видишь вон тот валун? Я приметил, когда шли — под ним песчаная вымоина. Нырнешь в нее, зароешься в песок и переждешь. Дохленький шанс, но все же...

Он снял с шеи цепочку с Ключом, повесил на шею Чубе.

— Чуба, ты преображаешься и уходишь к лесу... И не спорить! Будем надеяться, им в голову не придет, что Ключ у волка... если они, конечно, за Ключом охотятся... Бежишь не с Олесом, забираешь к реке. Рогтали оставляем здесь.

— А если Ключ им не нужен? — мрачно спросил Рошаль. — Если им нужны мы?

Чуба молча начала перерождаться.

— А вот если Ключ им не нужен, — сказал Сварог, — то в лесу разумному волку всяко будет проще скрыться от этих вертолетиков. А мы еще поиграем в эти игрушки... Все, приказ не обсуждается.

— Может, они не хотят нас убивать. — Олес споро доставал из карманов свою коллекцию (его походные старания не прошли даром, жемчужины подобрались одна к одной, даже уже не просто крупные, а здоровенные) и пересыпал в рогталь. — Иначе чего ждут?

— Если не ошибаюсь, сейчас нам кое-что покажут. Глядите.

Двигавшийся «скат» завис над лугом, тянувшимся от берега до молодого ельника. Там, в полном ужасе прижавшись к земле, вытаращенными глазами смотрела на приближающееся чудовище семья тарков.

Сварог уже знал, что сейчас произойдет. Сопоставил и сделал выводы. Разве что не знал, как это будет выглядеть.

А выглядело так: сначала цилиндры под брюхом «ската» опустились на двух телескопических мачтах, развернулись торцом вниз — и из них упали на землю широкие столбы фиолетового свечения, внутри которых спиралью закручивался белый дым.

Фиолетовые лучи накрыли тарков. И тут же погасли.

И семья вампиров превратилась в ледяные скульптуры. Скульптуры, прижавшиеся к траве, скульптуры, вставшие на задние лапы, скульптуры, застигнутые в прыжке и упавшие наземь. Вокруг тарков отчетливо просматривались два соприкасающихся гранями пятна трапецевидной формы — выбеленные морозом земля и трава.

Только один тарк, бросившийся наутек, едва пришли в движение цилиндры, сумел избежать первой морозной атаки. Но снова зажегся фиолетовый с белыми завихрениями внутри световой столб, побежал за вампиром, оставляя на земле полосу вымороженной травы, и нагнал беглеца у обрыва берега. Последний тарк застыл, припав на задние лапы и передними опираясь о землю.

Чуба тихонько заскулила.

— Изошряются, скоты, — абсолютно спокойно сказал Рошаль. — Всегда приятней сперва показать жертве, как к ее будешь убивать, а потом уже убить.

— Особенно если жертва разумная, — кивнул Олес. — Ох, попались бы они мне на Аtare, да во время княжьей охоты...

— Теперь, стало быть, наша очередь? — сквозь зубы выговорил Пэвер.

— Приготовились, — сказал Сварог. — Когда они начнут сжимать кольцо...

Они не стали сжимать кольцо. Наоборот, «скаты», обогнув людей по кругу, собрались в одном месте, возле отработавшей по цели машины. Полное складывалось впечатление — пошушукаться.

— Может, рывком к лесу? — нервно дернулась Кана.

— Ждем, — процедил Сварог.

Ждать пришлось недолго.

«Скаты» пришли в движение. Одна машина, правда, осталась на месте, а прочие, разбившись на два звена по четыре машины, выстроились клином вершиной от людей, и отряд Сварога очутился в центре фигуры. Цилиндры опустили у всех «скатов», включилось фиолетовое излучение. На этот раз бил не прямой, а рассеянный свет, и на земле выжигающим холодом повторялся клин небесный. Эскадрилья «скатов» слаженно пришла в движение, синхронно двинулась на людей. Получился этакий загребающий ковш.

Теперь намерения этих аэронавтов стали предельно ясны. Собираются гнать, как зверя. А раз так, то впереди должны ждать стрелки... Только

вместо трещоток и флажков загонщики используют холод.

Клин на небе и клин на земле, вымораживающий все на своем пути, приближались к отряду. Не то чтобы быстро, но неотвратно.

— Придется, хорошие мои, пока что побегать от них, — угрюмо сказал Сварог. — Сейчас из этих клещей дадут выскочить только в виде ледяной статуи.

— А так дадут выскочить прямиком на номера, — тихо проговорил Олес. — Сам так охотился, знаю...

Кана смотрела на надвигающиеся «скаты» таким прожигающим взглядом, что не приходилось сомневаться во всех девяти адовых кругах, через которые она прогонит этих летчиков, попадись они ей.

— Дайте мне катрал, мастер капитан! — Олес подскочил к Сварогу и требовательно протянул руку. — Или шаур! И лишите меня веса. Я с ними пофехтую на высоте. Пока они соображают, что к чему, парочку я подстрелю. А, мастер граф?!

— Не годится. На ходу будем сочинять, князь. Вперед.

Между ними и полосой холода оставались какие-то десять каймов. Дольше тянуть было некуда.

Идти не дадут. Та скорость, что задавали «дичи» воздушные загонщики, будет неизменной, до самого финала. Скорость бега трусцой. А иначе заморозят без колебаний и сожалений. Логика охотников на волков: осмелился прыгнуть через флажки — значит, бить тебя в полете над флажками. Без сожаления и молча, без всяких там «радостно слышал удивленные крики людей»... Но

и бежать во все лопатки смысла не имело. Прибавишь в скорости ты — прибавят и «скаты».

Бежали трусцой. По ногам была мягкая хвоя молодых елей. Под подошвой чвакнул-таки раздавленный гриб-боровик. Рядом со Сварогом несся Олес и на ходу делился новым планом, еще более безумным, чем прежний.

Сварог цыкнул на него — дышалку, мол, береги, — а сам лихорадочно проигрывал в уме варианты. Не годится... Не годится...

Ельник закончился, теперь они бежали по открытому месту, приветливо зеленеющему невысокой травой. Петляли между многочисленных камней. Огибали ямы, в которых стояла вода — то ли грунтовая, то ли неиспарившаяся океанская (на краю одной ямищи безмятежно грелась на солнце огромная морская черепаха). Трескуче хрустели под ногами раковины. Они пересекали широкий участок, заваленный чьими-то выбеленными солнцем костями...

На окраине сознания Сварога мелькнула подлая мыслишка, что ждущие в засаде охотники могут быть вооружены простым стрелковым оружием — а его пули-то не берут... Но как мелькнула, так и пропала.

Сварог с исправностью компьютера продолжал перебирать варианты. Не прокатит... Тоже не годится...

— Стоп, — наконец скомандовал он. — Перекур... Да не сразу останавливайтесь вы, черти, походить надо, не то сердечко сорвете к лешему...

Глупо было бы говорить, что они оторвались — просто «скаты» не сочли нужным увеличить скорость, и расстояние до вымораживающего луча не-

много увеличилось. Пока «скаты» не восстановили ту, критическую дистанцию в десять каймов, можно перевести дух.

Дух переводили. Дышали. Рошаль сначала просто осел на землю, потом завалился на спину.

— Не лежать, Рошаль; сесть! — Сварог выбросил приказ за один глубокий выдох.

Охранитель послушно сел.

Пэвер рукавом вытирал пот, заливающий побагровевшее лицо. Бег давался ему так же тяжело, как и Рошалю. А вот остальные вроде бы более-менее в порядке. Сварог оглянулся — земля, над которой прошел клин «скатов», стала белой. Под луч, конечно же, попала и черепаха. Не повезло. Вода в яме превратилась в иссиня-белый лед.

— Поехали. Подъем, мастер охранитель!

«С еще одного привала он, пожалуй, встанет, — подумал Сварог, глядя, каким напряжением воли отрывает себя от земли Рошаль. — Потом все. Сломается. Или все закончится раньше? Кто ж знает, где засели стрелки. Может, уже за следующей сопкой, или — там, на опушке леса...»

Нет, не в лесу затаились охотники. Клин «скатов» чуть сместился, отрезая преследуемым дорогу к деревьям. Коршуны не желали, чтобы зайцы прятались под кронами — наверное, им неинтересно гнать зверя, не видя его. Оттого и собирались прогнать зайцев исключительно по открытым участкам.

Сейчас они одолевали пологий спуск к небольшому озеру. Ясно, что их погонят вдоль берега. Хотя — могут и заставить переплыть озерцо, отчего ж ребятам не поразвлечься-то; потом, скорее всего, выгонят вон к тем навалам песка с коралловым крошевом у подножия...

Варианты, варианты... нет ни одного. Сварог мог спастись только в одиночку и только в том случае, если магия ларов выстоит против оружия «скатов». А остальные?..

Так что же, тупик?

Ну уж хренушки, господа! Выпутывались, знаете, и не из таких...

Стоять! Мысль, пришедшая на ум сразу, едва он впервые увидел эти летающие рыбыны, идея, которую он откинул как непригодную для прежней ситуации, вполне годилась для ситуации изменившейся. Тогда еще неизвестны были намерения «скатов», тогда думалось, что они просто пойдут в атаку. И иллюзия рассыпалась бы через мгновение, смерть отсрочить удалось бы ну разве что мгновения на полтора...

А сейчас-то другое дело! Тем более, их не гонят на пределе сил. Стрелкам не интересна вконец измотанная дичь, охотники желают подстрелить могучего, пышущего здоровьем кабана. Который, уже будучи на мушке, еще попетляет, поуворачивается какое-то время, теща их охотничий азарт — а во все не сразу сдастся и рухнет на траву.

Можно сыграть на разнице скоростей. Придется наддать. Все ли выдержат? Ну жить-то все хотят...

Сработает или не сработает, Сварог не гадал. В общем-то, не слишком подкованным в магии надо быть, чтобы раскусить примитивный обман. Но если цивилизация делает ставку на технику, то магию, как правило, или просто забывают, или выжигают каленым железом. А эти птички, похоже, как раз из той голубятни, где прямо-таки обожают именно технику.

— Стоп. Перекур.

Отряд попадал на траву. Прохаживаться, успокаивая сердце, сил не осталось. Отдых необходим перед последним рывком... если, конечно, «скаты» клюнут на Сварогову удочку.

Сварог не стал никого предупреждать. Сами поймут, что к чему.

Он отдышался, собрался и проговорил скороговоркой:

Клок тумана, глаз дракона
И узор хамелеона...
Я сплетаю, я свиваю,
Путаю и отражаю...
Где сейчас прольется свет,
Там меня в помине нет...

И вместо пяти человек и волка появилось десять людей и два волка. Второй отряд от первого не отличался ничем. На удивление достало силенок разве что у Олеса и Каны.

— А теперь на ноги. И ходу!

Второй, иллюзорный отряд тоже поднялся и потрусил — тем курсом, который предназначался на настоящим Сварогу сотоварищи. Второй и только второй отряд должны видеть пилоты «скатов». Но видят ли?..

Задача проста, как чугунный утюг: вырваться за границы клина. Они бежали, забирая вправо от озера, приближаясь к фиолетовой границе. Предел возможностей уставшего организма был достигнут. И преодолен. Они неслись вперед на автомате, уже за пределом сил и возможностей. Сварог до хруста сжимал зубы и заставлял себя пока не оглядываться. Увериться, что план работал, можно будет только тогда, когда они окажут-

ся вне полосы оледенения, а «скаты» уйдут за липовым отрядом.

Так, теперь потише, теперь нужно медленно-медленно, шажочками, крадучись...

Колонна мороза, прозрачно-фиолетовая, с клубками белого дыма внутри (и с точки зрения эстета, наверное, жутко красивая) совсем рядом, в каких-то паршивых трех каймах, от обжигающего тумана, струящегося вокруг нее, режет в глазах, немеют щеки... «Скаты» почти над самой головой. Наверное, костюм от дамургов старался как мог, нагревая тело, но его кроили без-расчета на встречу с т а к и м запредельным минусом... До зуда в онемевших пальцах тянуло испробовать шаур на поражение воздушных мишеней.

Маяком, путеводной звездой им служил крайний, последний в этом «крыле» клина «скат». Вроде и близко он, вот, казалось бы, поднажми чуток, но — нельзя, надо сторожко, пока неизвестно, подействовала ли таларская магия на загонщиков, удалось ли отвести им глаза...

— Давай, мастер охранитель, давай, дорогой, тяни последние каймы на «не могу»...

Сварог, были б силы, усмехнулся, сравнил бы себя с тренером, бегущим вдоль олимпийской лыжни и подгоняющим лыжников своей сборной: «Давай, давай, хоп, хоп...»

Заплетались ноги не только у Рошаля, но и у Пэвера. А здесь падать нельзя, конец, не успеешь два раза вдохнуть-выдохнуть. Как раз для того, чтоб воочию видели этот к о н е ц и кожей чувствовали его вползающий в тело мороз, Сварог и подвел отряд вплотную. Когда видишь смерть перед носом, то врубаются последние резервы, о которых ты и не подозревал.

Ну вот он, край. Теперь, как говорят мастера спортсмены, финишный рывок. Вот она, окончность клина, забежать чуть вперед, взять вправо, еще отбежать, понимаю, нет сил, но на пределе, ребята, на морально-волевых еще чуток, последние метры, они же каймы, будь они неладны...

Все, клин остался позади, прошел мимо. Теперь можно валиться подкошенным стеблем на траву... Хотя нет. Под ними — это Сварог почувствовал, пережив сотню другую сумасшедших ударов пульса — была вовсе не трава, а мелкая галька, которую лишь кое-где разбавляли травинки. А «скаты»-то, «скаты» пролетели мимо, ведь попались, дурачье, на магический фокус!

— Ушли! — завопил первым отдышавшийся Олес и замолотил кулаками по земле.

— Не ори, — Кана попросила так, что князь тут же замолчал, как заткнули пробкой.

Сварог почувствовал в себе силы сесть. Потрепал Чубу по взмыленной холке. Оглядел воинство. Вроде оживают. Вроде можно и речи начинать вести. Поговорить есть о чем.

— Ни хрена мы не ушли, вот что я вам скажу для начала, — командир извлек из кармана карту, прикурил сигаретку дрожащими пальцами. — Просто отсрочили расправу. Нескоро, скоро или очень скоро мой обман стрелки раскусят — когда пальнут по пустоте. И тогда все пойдет по новой... С одной лишь разницей: играть с нами в кошки-мышки они передумают. Будет все очень просто. Увидел — заморозил.

— Во что играть? — хрипло спросила Кана.

Сварог пропустил ее слова мимо ушей.

— Они будут прочесывать местность, не жалея глаз и топлива. А то и просто начнут вымораживать все подряд.

— Пещеры, — с трудом выдавил из себя Рошаль, перевернувшись с живота на спину.

— Он прав, — подхватила Кана, садясь на корточки. — Спасение — под землей. Не насквозь же пробивает землю холод!

— Эт-точно, — сказал Сварог. — Зря я, что ли, тогда ползал вокруг лося? Подковырял краешек, поглядел, где кончается ледяной пласт. Глубина в кайм, не больше. Вот что я сейчас и высматриваю по карте — подходящее укрытие поблизости...

— Эх, черт, до вчерашних скал не успеем добежать! — Олес в сердцах стукнул себя по колену.

— А если они включают свои пукалки на полную мощность? — спросил Рошаль. — Ведь никакой камень не спасет...

— Могут, конечно, — согласился Сварог. — Однако мне почему-то не верится, что на легких машинах могут стоять холодильные установки такой мощности. Проморозить камень насквозь — это, понимаешь, не сохатого в лед превратить... А с другой стороны, землянку нам тоже не выкопать — пес их разберет, какими приборчиками они располагают. Есть, знаете ли, такие приборчики, что ой-ой-ой... Короче, все, решено. Конец привалу. Поступаем так.

Он поднялся на ноги.

— В кабелоте отсюда на карте обозначены какие-то руины. «Старый фундамент» написано. Кана, смотри. Правда, неясно что там было, город или деревня, но нам-то это без разницы. Должен отыскаться какой-нибудь каменный погреб или, на

худой конец, колодец. Или просто где-то под фундаментом вымыло землю и можно быстро соорудить примитивное бомбоубежище. Ничего более подходящего поблизости я не нашел. Кана, бери карту. Ты — старший группы. Здесь остаемся я и Чуба. Есть у меня одна идея, как нашим друзьям палку в колесо вставить по самые помидоры. Надо ж нам ответить на дружеское приветствие?

Он по возможности весело подмигнул отряду.

— Ключ, — напомнила Кана. — Оставьте Ключ мне.

— Вот уж нет, — покачал головой Сварог. — Извини, подруга моя боевая, но ключик останется у Чубы.

— Почему? — недобро прищурилась воительница.

Сварог обезоруживающе улыбнулся и развел руки.

— А просто так. Потому что надежнее... Ну все, подъем. Кана, задавай приличный темп, но не бегом. Бегом не выдержите. Готовы к рывку? Мастер суб-генерал?

Лицо генерала сейчас был не пунцовое, а белое, как земля, над которой поработали «скаты». Испещренное синими прожилками вен.

— Да, да, готов, — заплетающимся языком пробормотал отставник, встал на ноги. Его качнуло.

— Надо, генерал. — Сварог подошел к нему вплотную, заглянул в глаза. — Последний бросок, потом отлежитесь... Ну, Пэвер, старина, разве с шестым полком имени короля Макария вы не попадали в переделки, перед которыми эта тьфу — дунуть и послать?

— Да уж это и не переделка, — по бледному лицу генерала, как ящерица по камню, быстро пробежала и соскочила улыбка, — по сравнению с теми-то. Детская игра в «бубенчики» и то страшнее будет...

— Вот и отлично. Ну вперед, орлы. Свидимся. Мы с Чубой вас найдем.

Проводив взглядом группу Каны, Сварог повел Чубу к озеру, мимо которого они пробежали, уходя из-под клина «скатов». То, что Сварог собирался приготовить охотникам за двуногой дичью, было донельзя нагло и примитивно. И именно поэтому могло сработать.

Во Вьетнаме самым страшным злом для америкосов, чего они боялись значительно больше, нежели исконно вьетнамских летчиков Ли Си Цинов, были как раз таки простенькие туземные ловушки, которыми улыбчивые аборигены прямо-таки нафаршировали джунгли. Отравленные шипы, вонзающиеся в голени и бедра, стоит потревожить малюсенькую неприметную веточку, ямы на тропе, которую час назад вроде бы проверяли, а в яме — или заточенный и пропитанный ядом бамбук, или клубок ядовитых змей. Или увидит янкес гука, начнет по нему садить из своей хваленной М-16, а это не гук вовсе, а соломенное чучело, а гук сидит в засаде и целится янкесу в спину...

На берегу Сварог сказал:

— Мне от женщины сейчас пользы будет больше, — и быстро стащил с себя дамурговский костюм.

Не дожидаясь, пока Чуба завершит обращение в человека, Сварог засунул в костюм несколько увесистых булыжников и приступил к сбору камы-

ша, тростника, веток и прочего мусора. Женщина Чуба-Ху присоединилась к нему, ни о чем не спрашивая.

Со всей подготовкой они управились в три минуты. Да и чего там готовить? Набить костюм, опустить его в озеро на подходящую глубину и присобачить к той башке того чучела тростинку. Озеро не чистейшее, но достаточно прозрачное. Поэтому, пролетая над ним, «скатовцы» должны увидеть следующую картину маслом: глупый человек, решив, что он самый хитрый, залез в озеро и дышит через соломинку. Если, конечно, у «скатовцев» нет прибора, способного отличить живой объект от неживого. То, что они потащились за иллюзорно-липовым отрядом, к сожалению, гарантией не является. Приборы они могли отключить, раз и так видят эти живые мишени. Если жё — чур-чур и не приведи Тарос — приборы все же имеются, то из контролируемой «скатами» зоны отряду так и так и не выбраться.

Сварог занял позицию, исходя из недавних воспоминаний. Вспомнил мокрую, жухлую траву и насколько близко от нее располагались следы от опор приземлившегося «ската» (а от чего ж еще?). Прикинул, где бы он на месте пилота посадил машину...

Себя он замаскировал, не шибко изошряясь: забился под неширокий карниз береговой земли, нависающей над маленьким озерным пляжем, и Чуба еще привалила сверху ветками. Сама же Чуба-Ху, естественно в обличье зверя, должна спрятаться под корягу... между прочим, такого древнего вида, что не исключено: коряга та переживает третье или четвертое всплытие материка.

Роль гуапа — подстраховка, если что-нибудь пойдет не сценарию.

Просветы в ветках давали Сварогу достаточный обзор озера в целом и чучела в частности. Оставалось одно: ждать. И пережевывать всякие мысли. Каким макаром «скатовцы» так лихо подловили их утром? Откуда могли знать, где устраивать засаду? Могли, скажем, вычислить по карте, которая, разумеется, есть не только у Сварога. Элементарно высчитали, в какую сторону от галеона люди двинут на ночевку. Тут даже не надо быть Холмсом пополам со Спинозой. Выставили напротив скал наблюдателя. А утром замаскированный наблюдатель отстучал по каналам связи: все по плану, все как мы и думали, держите их, ловите, ату-ату...

Дьявол, ничего не происходит. Сварог изнывал. Не тот случай, чтобы оттягивать приятный миг свидания. Куда, куда вы запропали? Большое совещание возле главного «ската»? Молитва богу удачной охоты? Ритуальные пляски вокруг жертвенного холодильника?..

Ну наконец-то! Как бальзам на сердце — он услышал гул. Значит, разозленные неудачей «скатовцы» идут на высоких скоростях. Не терпится поскорее отомстить за дурацкое положение, в которое сами себя и загнали. Ух, и засмеяли вас небось ваши дружки — ворошиловские стрелки...

Куда, сволочи?! Тени промелькнули по озеру. Гул удалялся. Эт-того только не хватало! Охотнички хреновы! Где у вас глаза?! Дичь сама подставляется, какого ж рожна вам еще надо-то?

И — словно услышали. Словно прониклись. Вернулись.

Две тени легли на озеро. Значит, по крайней мере две машины. Плохо. Ну почему, скажите на милость, вам понадобились аж две машины, чтобы победить одного жалкого придурка, залезшего в воду?

Но отступить нельзя. Шанс есть даже при таком раскладе. Если только из остальных машин не начнут палить тотчас, как Сварог окажется внутри «ската». А чего, спрашивается, палить — ведь они ни за что не поверят, не должны поверить, что какой-то дикарь сможет разобраться в управлении... Нет, сначала попробуют выкурить из машины. Зачем родную технику-то портить...

И — вот он, долгожданный. Фиолетовый столб с белым кручением внутри упал на озеро в районе чучела. И выключился, сделав свое фиолетовое дело. Выморозили кусок озера, заморозили чучело. А теперь забирайте! Вы же забираете всяких там лосей... Ну ладно, можете не сразу, чуток мы обождем, так и быть.

Но «скатовцы» решили забрать сразу. Тень от одной из машин переместилась, накрыла часть озерного пляжа и изготовившегося к а к ц и и Сварога... и стала уменьшаться: «скат» садился.

И тут Сварог чуть не захохотал в голос от радости. Вторая машина ушла! Решила, что нечего ей тут делать, есть заботы поважнее. Завела моторы и слиняла! Беглецов, например, ловить. Очень архимудрое решение, господа охотнички!

Все тело майора-десантника Станислава Сварога пронизывало ощущение, хорошо знакомое понимающим людям. То, что сухо и неточно можно поименовать предельным возбуждением и предельным же нетерпением перед б р о с к о м. В кровь, зажигая ее, как бензин, хлынули адреналиновые реки. Обо-

стрились зрение и слух, стали доступны нюансы и детали, которые прежде не воспринимались глазом и ухом. Он превратился в чувствительный спусковой крючок, который уже втоплен до самого последнего предела. Продвинь палец на микрон, и пойдет необратимый процесс: провернется спусковой механизм, боек ударит по капсюлю, в патроне воспламенится порох и пуля вырвется из гильзы на волю...

Что-то там поблизости от Сварога стукнуло, что-то прожужжало, на какое-то время воцарилось молчание, потом послышались неразборчивые голоса...

Вот они, гниды! Изыматели добычи хреновы. Двое. Высокие, волосы до плеч. Расфуфыренные, точно на балу у какого-нибудь занюханного Людовика — в невысоких сапогах тонкой черной кожи с загнутыми вверх носами, в сине-алых штанах, облегающих от лодыжек до колен, а от колен до талии раздутых шаром, в камзолах со столь же причудливо раздутыми рукавами, в шляпах а-ля шторм-капитан Ксэнг... Камзол перехвачен портупеей, на которой висят кинжальные ножны, да с какими-то хитрыми железками, проводами и приборчиками в руках. Последнее, надо полагать, что-то вроде домкрата и лебедки в одном флаконе. Ну еще немного, еще шажочек...

Сварог поднес катрал ко рту, кое-как прицелился, набрал полную грудь воздуха... и дважды резко выдохнул — как школьник, плюющийся комком промокашки из трубочки.

Эффект, впрочем, оказался кардинально другим.

Раздались два жидких хлопка, но вылетающих из катрала спор Сварог не увидел. Наверное, про-

сто слишком быстро летели смертоносные зернышки — ибо думать о том, что не получилось, не сработало, он не стал. Равно не стал думать и о том, что карнавальные костюмчики охотников окажутся спорам не по зубам...

Первый «скатовец» с недоумением устался на второго, второй на первого.

А Сварог уже метнулся из укрытия. Он двигался, привычно фиксируя окружающую обстановку, сжимая в руке шаур, чтобы добавить, если катрал дал осечку, неся к врагам. Враги заметили. Поворачиваются к нему...

Двойной хлопок, короткий сдавленный вопль! Одного «скатовца», точно ударом ноги великана-невидимки, отбросило в озеро, другой же...

Па-ашла реакция, дорогие мои, добавки не требуется.

Другой охотничек словно взорвался изнутри. Тело его рывком выгнулось дугой, и из грудины, из живота, из горла рванулись наружу, раздирая плоть и материю костюма, ярко-зеленые ветвящиеся прутья. Словно стоящие у него за спиной копейщики, такие же невидимки, как и великан, зафутболивший первого в воду, разом насадили его на свои копыя... копыя зеленые, кривые и сучковатые. Загонщик брякнулся оземь, пару раз конвульсивно дернулся, — а прутья все лезли из него, метались по земле, кнутами щелкали в воздухе, уродуя бездыханное тело, а тело елозило по земле, будто еще живое, будто пыталось встать... и наконец прутья-веточки как-то разом опали, успокоились, съежились. Поблекли. Сварог поспешно отвернулся, с трудом сдерживая рвотный спазм. Да уж, господа, споро-

мет так споромет, мичуриным от оборонки и не снилось...

Оставалось добежать до «ската», который замер на трех опорах в десяти каймах от укрытия Сварога. Ох уж эти десять каймов. Понимаешь, что проходят всего мгновения, но кажется, что ноги вязнут не в песке, а в вечности...

Все ближе черный металл трубок и ступеней трапа. На покато борту белой краской, как по трафарету, нанесены какие-то символы — весьма напоминающие стилизованные, украшенные завитками и загогулинами латинские буквы «KZL», рядом — вроде бы число 28, а над этими значками, как зонтик, — явно изображение короны, не иначе это порядковый номер машины, но все это потом, потом, сейчас важно другое... На трап, по трапу, в кабину. Взгляд вправо-влево. Объект всего один, в точно таком же шутовском наряде, правда, еще и с лимонно-желтой шелковой перевязью в перехлест с портупеей, он привстает с кресла, одной рукой опирается на подлокотник, другой выхватывает длинный стилет...

Убивать его Сварог не стал. Вышиб клинок ударом ноги и всадил локоть под горло. Ну-с, этот игрок в ауте. Пышная шляпа с плюмажем траурно накрыла его лицо.

Теперь еще раз все проверить. Опустив шаур за отворот майки (металл неприятно холодит голое брюхо), Сварог метнулся к заднему отсеку «ската», отгороженному толстой дверью из неизвестного металла. В двери имелось маленькое заиндевшее окошечко, Сварог заглянул внутрь. В морозном тумане виднелись штабелями сложенные зайцы, лисы, даже медведь попался, еще какие-то твари...

Ясно. Холодильник, куда складывают мороженые туши. Жрачки им, что ли, не хватает? Или же это экземпляры для зоопарка?

Сварог вернулся в кабину.¹ Связал вырубленно-му летчику руки хитрым узлом его собственной портупеей, усадил на боковой, повернутый к проходу диванчик (таковых было два — плюс кресло пилота) и зафиксировал ремнем безопасности. Посиди-ка пока, дружок, после поговорим... Пора-мыслил секунду, а потом снял с него широкий кожаный ремень и подпоясался — только для того, чтобы сунуть за пояс катрал.

По трапу дробно застучали когти. Чуба.

— Здесь порядок, Чуба. Можно сменить личину. — Прежде чем занять освободившееся кресло пилота, Сварог снял с пленного расшитый золотыми нитями пояс и сунул за него шаур и катрал: увы, ларские трусы карманов не предусматривали. Кресло оказалось удобным, в меру мягким, с подголовником. — Когда обернешься, там, над люком, рычаг. Это такая черная длинная палка...

Когда он проходил по «скату», ему хватило брошенного взгляда, чтобы разобраться, как приводится в действие механизм выдвижения трапа. Простенько и доступно, никаких премудростей.

Зажужжали втягивающиеся телескопические трубки, застучали друг о дружку складывающиеся ступени, с легким шорохом опустилась запирающая створа, чмоком обозначила свое соприкосновение с корпусом, смачно шелкнули фиксаторы.

Сварог улыбнулся, услышав, как Чуба для надежности потолкала «дверь» летательного аппарата. И только потом прошла в кабину.

— Что будем делать? — азартно спросила женщина-волк.

— На кораблике поплавали, — беззаботно сказал Сварог, — теперича летаем малость...

— Ой, — тихонько сказала Чуба, и весь ее азарт куда-то улетучился.

Как всегда после схватки, после успешно проведенной операции Сварога распирало беспричинное веселье. Хотя, если вдуматься, господа, не такое уж и беспричинное...

— На тебе вот этот тип. Сядь рядом. Чуть что — отправляй его в вечный сон, не думая. Видишь ремень? Пристегнись. Вот этот шпынек вот в эту дырочку... Готово? Держись. Чувствую, сейчас нас от души поболтает...

Бледная Чуба промолчала.

А новоиспеченный пилот осмотрел хозяйство. В общем, все более-менее понятно, не бином Ньютона, чуть сложнее дирижабля. Да и летали, знаете. И папа у меня летчик, если хотите знать...

Между прочим, с тонированными стеклами Сварог ошибся, но ошибся со знаком плюс — если так можно выразиться. Вся обшивка «ската» представляла собой толстенные затемненные стекла. Правда, затемненные с внешней стороны, с внутренней же — стекло как стекло. Все прекрасно видно, вон озеро, вон на бережку «скатовец», превратившийся в кустик, на ровной глади озера, неподалеку от глыбы льда, оставшейся после морозного удара, тоже плавают веточки, растущие откуда-то со дна...

Можно было обойтись и без умения осваивать незнакомые механизмы, вложенного в него ларами, да вышло бы чуть дольше. А вдруг другие «скаты»

уже отыскивали группу Каны и аккурат сейчас разворачивают над ней свои морозильники?

Сварог сосредоточился... И вот он уже знает, как работает сия летательная машина. В том числе пришло полезное дополнение к вопросу о прозрачном корпусе «ската». Стекла разбиты на сектора, для каждого сектора предусмотрена своя кнопка на панели управления (это они, кнопки, оказывается, выкрашены в зеленый цвет и пронумерованы какими-то закорючками), жмешь такую — сектор работает на увеличение по принципу бинокля, причем самостоятельно приноравливается к твоим диоптриям и косоглазию...

Но.

Знать и мочь — не одно и то же. Можно легко представить себе человека, который понимает в автомобилях все, профессор по машинам, с закрытыми глазами разберет-соберет и, разбуди посреди ночи, без запинки изложит самые хитрые приемы экстремального вождения. Однако выезжает он на трассу — и теряется в простейших ситуациях. И, как следствие, влипает в аварию. Мало-мальский практический навык нужен во всем. Полетный опыт у Сварога имеется, но машины-то были другие! Это как человека с мотоцикла пересадить на троллейбус. Или с «МАЗа» на «Запорожец». Не сразу приноровишься...

Сварог положил правую руку на толстый черный прямоугольник — им оканчивался торчащий из пола подвижный металлический стержень. Вложил кисть в вырез на прямоугольнике, как раз и сработанный под ладонь. Опробовал на ощущения то, что заменяет «скату» штурвал. Нажал всей поверхностью ладони — черный прямоугольник податливо ушел вниз. Наклонил ладонь вправо, наклонил влево — прямо-

угольник ходил словно на мягких пружинах. Согнул кисть почти под девяносто градусов, топя пальцы в чреве прямоугольника — так направляют «скат» в пике. Что ж, приноровимся...

Указательным пальцем левой руки щелкнул тумблером готовности к старту. Оставалось втопить кнопку вертикального взлета.

— Готовься, Чуба, взлетаем. И, пожалуй, обойдемся без обратного отсчета.

Глава четырнадцатая **Большая Королевская Охота**

Плавно и беззвучно «скат» поплыл вверх. С высоты предстал во всей своей геометрической безукоризненности трапециевидный срез ледяного цилиндра, пронзившего озеро до дна, с несчастным чучелом посередине. В ледяной глыбе навсегда пропадал Сварогов чудо-костюмчик, уж нечему теперь согреть графа в холода и поддерживать на плаву, вот горе-то...

Озеро стало уменьшаться, шагреневой кожей съеживалась фигурка человека-дерева на берегу. С каждым новым каймом подъема все более смехотворным выглядит участок земли, на котором сегодня разыгрывалась пьеса «Охота на людей». Они задыхались, одолевая это, оказывается, издевательски. лилипутское расстояние между молодым ельником и пологим спуском к озеру. А вчера вечером, от галеона до скального массива, они шли, казалось, дольше, чем Амундсен к Южному полюсу...

Чудный граматарский пейзаж испохаблен белой извивающейся полосой — клин оставил о себе память. Причем память не слишком короткую — замороженная «скатами» земля оттаяет еще не скоро.

Стремительно расширились горизонты. Проступили контуры не столь уж далекого горного пика, а вот океана отсюда не видать. Леса, луга, песчаные площадки, розовые коралловые островки, озера с реками и все остальное, утрачивая детали, уподоблялось пятнам на авангардистской картине. Где-то за сотни кабелотов отсюда валил в небо густой дым сильного пожара.

«Скат» так и будет послушно забираться в облака, пока вновь не щелкнешь тумблером вертикального взлета. Каков потолок аппарата, мог бы подсказать альтиметр, да вот беда: нанесенные на шкалу единицы измерения уж очень, мягко говоря, непонятные — какие-то «игали»... Сварог прочел и сам удивился, почему это он вдруг прочел. И тут до него дошло. Опять стилизованная латиница, ядрена матрена, как и снаружи на борту! Один из тех алфавитов, какими пользовались на Земле. Л-любопытно, любопытно, черт побери... Ну да нынче не до загадок из области взаимопроникновения миров.

Чему соответствует «игали», еще можно приблизительно прикинуть, но за «игали» на шкале альтиметра следовали новые единицы высоты — какие-то «кр». И чтобы вычислить, что это за «кр» такие и как высоко они могут завести, пришлось бы забраться повыше. А нам это надо? Нам это не надо.

Сварог щелкнул тумблером вертикального взлета, и «скат» послушно замер.

Да, к Сварогу приходило понимание того, как управлять машинами и механизмами, созданными людьми, но магия ларов не марается такой ерундой, как устройство незнакомых машин и механизмов и принцип их действия. Поэтому поди скажи, за счет чего «скат» висит неподвижно и беззвучно и почему крыльями не машет. И в случае повреждения «ската»... Значитца, не нужно доводить до повреждений, аккуратненько следует летать.

Сварог помнил карту и представлял, в какой стороне искать таинственный старый фундамент. Забравшись на высоту в десять дурацких «игали», то есть, на глаз, в четыре пятых кабелота, Сварог разглядел несколько довольно-таки высоких то ли труб, то ли башен и ребра какой-то конструкции. Там же он увидел парочку «скатов» в небе. Вот тебе и старый-престарый фундамент — не фундаментом единым, выходит, кое-что и надфундаментное сохранилось... Ну и к лучшему. Значит, ребятам было где спрятаться...

Если я вижу «скаты», то и взаимно. Светиться, привлекая внимание корявым вождением, отнюдь не стоило. Не входила в ближайшие планы Сварога преждевременная встреча с боевыми машинами. Сперва следует немножко подучиться высшему пилотажу. Пилот Сварог легонько надавил одними подушечками пальцев на основание выреза — и «скат» ухнул, словно сорвался с площадки американских горок, засвистал по этой горке вниз.

И еще раз про то же самое: «скат» — не машина ларов, не земная «вертушка». Сдавило виски, вжало в кресло, сердце запрыгало раскидаем на резинке, в низу живота разверзлась неприятная зудящая пустота. Земля летела в лицо, какой-то холм, уты-

канный прыщами камней, разрастался, метя «ска-ту» акkurat в лоб. Сварог стал плавно выравнивать машину, нажимая ладонью на этот, с позволения сказать, штурвал. Вернее, хотел, чтоб было плавно. Вышла же фигура «рыболовный крючок» — жалом крючка «скат» метнуло вверх. Глаза сомкнула резь, что-то на секунду жарко прилило к горлу и тут же откатилось. Фу-у... Как там, интересно, Чуба выдерживает его школу молодого «скатовца», жива ли? Прежде чем оглянуться на Чубу, Сварог все-таки выровнял машину нежнейшими надавливаниями ладони на вырез. Оглянулся. Чуба сидела, вцепившись одной рукой в боковой поручень, другой придерживала пленника, чтобы тот на нее не валился. Бледна, а в остальном молодец, держится. Нуте-с, продолжаем ускоренный курс обучения.

Навык управления «скатом» заключался в чувствительности ладони. Грубовата у Сварога ладонь, что и говорить, более привычна не к чутким клавишам, а к жестким рукоятям мечей и пистолетов. Правда, и с женским телом знакома не понаслышке. А женское тело требует, пожалуй, не меньше нежности и деликатности в обращении, чем этот «штурвал»...

Поэтому надо думать о женщинах и управлять «скатом». Ну что ж, попробуем так.

И он попробовал. Заложил крен, бросил машину на левое крыло. Получилось более-менее сносно. И стал по спирали спускаться к земле. Чуба что-то пробормотала — то ли ругательство, то ли молитву. Хотя какие у оборотней молитвы...

— Лоу-уол! Лоу-уол! Вызывает паир, вызывает паир, — послышался опутанный шорохами голос. То ожила рация — гарнитура на тонком витом проводе, лежащая на приборной панели.

Сварог обернулся. Летчик еще в нокауте. А кроме него отвечать некому. Ладно, пусть думают на неполадки, случаются же у них недоразумения со связью...

«Скат» закручивал спираль над колонией кораллов, над розовым атоллom посреди зелени леса. Не выдержав, из-под каменевших полипов выскочило и брызнуло в стороны, засверкав лапами, семейство зайцев. Сварог описал круг над опустевшим убежищем ушастых и направил машину по прежней спирали, но теперь уже забирая вверх. Этот элемент, назовем его «змеевик», считай, освоили.

— Ответьте паиру! Немедленно ответьте паиру! Лоу-уол! — заклинала рация. — Где вы? Вызывает паир!

Для закрепления навыков Сварог решил выполнить фигуру посложнее. Набрав высоту, он, шелкнув клавишей, включил третью из семи скоростей, втопил педаль газа и разогнался до сорока «уци/эк» — именно такая единица значилась на спидометре... Или, переводя на более привычные соответствия, охренительно разогнал Сварог машину.

Рация наконец-то заткнулась, устав взывать к немедленному ответу. Значит, вскоре следует ждать гостей, отправленных посмотреть, что случилось. Но вряд ли на первый раз вышлют больше одной машины...

На скорости в пятьдесят «уци/эк» Сварог изогнул к себе управляющую ладонь, увеличил тангаж практически до предельного — и «скат» взмыл, подставив брюхо набегающему потоку. Сварога развернуло лицом к лицу с небом, засыпанным куриными перьями облаков. Совершенно расслабив пальцы, мастер пилот давил, не отпуская, основа-

нием ладони на штурвал, а «скат» закручивал петлю. Пролетев головой вниз по закруглению воздушной арки, Сварог вышел из петли — есть «петля Нестерова», милостивые государи, взята вершина! — и аккуратно придавил педаль тормоза.

Однако проклятый тормоз требовал по отношению к себе еще большей аккуратности. От столкновения летчицкого лба с приборами удержал ремень безопасности (в это драматическое мгновение у Сварога по мыслям пронеслось: а ведь лары, конструируя магическую защиту от летящей смерти и от падений с высоты, пожалуй, не учли полет самих ларов головой в стену или в ее успешный заменитель — без всякого намека на падение, а такие трюки могут завершиться непритворной печалью родных и близких лара). От этого торможения в небесах внутри, казалось, перемешалось все: сердце с почками и кишки с пяточным нервом. А тут еще занудил автоматический голос из встроенного в панель динамика:

— Вы совершили ошибку пятой степени недопустимости! Выполненное вами действие входит в противоречие с заявленным уровнем шелковой перевязи! Переключитесь на режим облегченного управления! Переключитесь на режим облегченного управления!

К нитью из динамика подключились заклинания из рации:

— Лоу-уол, вас вызывает пайр! Лоу-уол!

— Да что ж вы все ко мне привязались... — пробормотал Сварог и несмотря на то, что у него внутри не все еще встало по своим местам, наклонился, дотянулся и выдрал шнур радиосвязи из гнезда.

«Скат» висел в небе таким тихим облаком, но по ветру не плыл и падать отчего-то не торопился. Ишь какую тачку придумали, черти...

— Этот человек приходит в себя, мастер Сварог, — дрожащим голосом доложила Чуба.

— Да уж пора бы... Как ты?

— Еще не знаю, — слабо улыбнулась она. — Странное чувство... Но птицей я себя почему-то не ощущаю...

Мастер действующий пилот обернулся к пилоту пленному. Последний действительно оживал, зашевелился, открыл глаза.

— Кто ты такой, мразь? — спросил Сварог, пуская «скат» на первой скорости по наклонной к земле.

— Маркиз Йауген, сын Мирро'но, на четверть эльфиор, на одну шестую марбедилл, — заученно выдал пленник, очумело пялясь на свое кресло, занятое кем-то в трусах и майке, на то, как этот несомненный дикарь ловко... ну пусть не особо ловко, но все-таки управляется со сложной техникой, пялясь на свои связанные ремнем запястья. По его молодому и безусому, породистому, а ныне еще и бледному лицу блуждали тени традиционных для таких случаев вопросов: «Не сплю ли я? Кто эти люди? Как такое могло случиться?»

— Иди ты! И я тоже маркиз, — притворно обрадовался Сварог. — Ты маркиз, и я маркиз, оба мы маркизы — ты ворует лошадей, а я краду сервисы...

«Скат», желанием и усилиями своего нового пилота, шел на бреющем. Под прозрачным брюхом проносилась роца незнакомых Сварогу высоких и узких деревьев с кудрявой листвой, чьи верхушки чиркали по днищу машины.

— Пристрелить бы тебя, да патронов жалко. Может, еще менять на что-то ценное придется. Или лучше отдам тебя Рошалю. Знаешь Рошала? Что, у вас ничего не слышали о Рошале? Дремучие вы люди...

Едва закончился перелесок, Сварог надавил кончиками пальцев на поверхность штурвала и опустил машину еще ниже. Между «скатом» и землей теперь набиралось едва более трех каймов. Если смотреть под ноги, то кажется, что бежишь великанскими скачками прямо по камням, по песку, по траве, по ракушкам... Но смотреть под ноги не рекомендуется.

— Вы нарушаете пятую заповедь высоты, — вновь забубнил автоматический голос. — Немедленно наберите высоту до трех игали или отдайте управление внутреннему небеснику...

Не для того Сварог нарушил и продолжал нарушать пятую заповедь высоты, чтобы произвести впечатление на маркиза и тем самым сломить его волю, — а для того, чтобы вбить уверенность в самого себя, как сваю в землю. Хотя, в общем-то, и маркиза не помешает впечатлить...

— Живо отвечать, какое оружие на борту, как им пользоваться?! — рявкнул Сварог, не отвлекаясь от «дороги».

Но гордо промолчал на это маркиз.

— Так я и думал, — тяжело вздохнул Сварог. — Вечная беда с вашим братом, пленником. Ведь потом все равно чистосердечно признаётеcь во всем. Только зря тратите мое время и невосполнимо утрачиваете свое здоровье... Извини, некогда мне, маркиз, разводить беседы по душам. Чуба, помоги-ка ему разговориться.

Сварог не стал смотреть, как выполняется приказ — от «дороги» взгляда не отведешь. «Скат» стелился над землей, повторяя все ее неровности: взмывал вместе с холмами, нырял во впадины, проносился над озерами, пуская рябь по их глади. Не успеешь надавить на штурвал, быть аварии. Экстремальный тренаж, вот как это называется. А по-другому быстро не научишься. А быстро не научишься — станешь легкой добычей для опытных «скатовцев»...

Сварог уворачивался и от многочисленных камней. Уворачиваясь, освоил, как он это окрестил, «стойку на крыле». Это когда перед вырастающим препятствием бросаешь машину крылом перпендикулярно земле и так, «на ребре», проскакиваешь мимо.

Судя по скрипу костей, Чуба надумала сперва пронять пленника демонстрацией вервольфовского ужаса. Если маркиз у себя в поместьях такого еще не видел, то без сильных впечатлений не останется. Как бы в обморок не хлопнулся, болезный, или умом не поехал. А разговорить маркиза не помешает. Как включаются морозильные цилиндры, Сварог, присмотревшись и подумав, понял и без него. И даже уже проверил догадку. Повернул рычажок на подлокотнике — пришли в движение цилиндры под брюхом «ската». Надавил на шар, венчающий рычажок, крутанул его — что-то щелкнуло, и включился один из режимов зловредного фиолетового излучения, которое Сварог тут же вырубил: нечего зря живность и растительность морозить. Но копошится, копошится подозрение, что «скаты» могут быть защищены от своего же холодильного сверхоружия. А на случай борьбы друг с другом или с

неподдающимся охлаждению противником должно у них стоять про запас иное оружие. Кстати, самый худший сюрприз, какой могли подложить создатели «скатов» — это кнопка. Кнопка какого-нибудь ядовито-красного цвета, что припрятана под не приметной крышечкой у их командора на главной машине или на командном пункте — буде таковой имеется. Кнопочка уничтожения машины. Чтoб врагу не досталась. И насчет возможной кнопки тоже будем потрошить маркиза...

— Говорите, — ласково попросила Чуба-Ху уже вновь человеческим голосом, и что-то металлическое звякнуло там сзади.

— А и действительно: говори, маркиз, да поживее, — присоединился Сварог, от управления не отвлекаясь. — Иначе быть тебе скоро-прескоро мертвецки неживым. Примешь ты смерть жуткую и оченно, надо сказать, лютую. И настолько у нас нет времени на церемонии, что я считаю всего до трех... Кстати, даже не думай врать. Ты же видишь, мы все оборотни и все при магии, обман чуем еще до того, как ты рот откроешь... — Не торопясь, демонстративно, он прикурил от пальца выуженную из воздуха сигарету. — Так вот, маркиз. Едва прозвучит цифра три и ты не начнешь говорить — говорить правду и только правду, — тогда сразу же, незамедлительно и без всякого обезболивания, Чуба вырвет у тебя теми клыками, которые ты только что видел, тот орган, благодаря которому на свет появляются новые маркизы. Итак. Один... Два...

Сварог вел машину не напрямик к замеченным башням, а вкруговую, преследуя этим две цели. Первая: ему необходимо время, чтобы совершенно освоиться со «скатом» и кое-что уточнить у мар-

киза, и вторая — так скорее не напорешься на машину, отправленную на розыски замолчавшего «ската».

— Три...

— Я согласен общаться с вами, спрашивайте, — залпом выпалил бывший пилот «ската».

Вот и сломался наш маркиз. Жить хочет. Испугался свирепых, необузданных в кровожадности оборотней — чего Сварог и добивался.

— Вы правду сказали, что вы к тому же и маркиз? — опередил вопросы Сварога пленник.

— Даю слово доподлинного маркиза и нерушимое слово потомственного оборотня, — гордо сказал Сварог.

И в подтверждение своих слов сменил по очереди несколько личин — разгневанный адмирал Вазар, голодный ямурлакский вампир, задумчивый Гаудин. Надо сказать, впечатлило. Маркиз, как говорится, спал с лица и отчетливо затрясся.

«Скат» несясь вверх по склону песчаной горушки, не касаясь песка. Впрочем, Сварог не удержался от здорового воздушного хулиганства, свойственного летчикам тридцатых годов, любившим пролететь под мостом, промчаться, покачивая крыльями, над поездом. Сварог тоже занял скромное место в том ряду — он всего лишь прочертил днищем «ската» дорожку в песке, поднимая желтые волны по обе стороны от машины.

— Говори, маркиз. Есть у вашего командования дистанционный пульт, с которого можно подорвать машину — например, нашу? Бывало ли такое, слышал ли про такое?

— Н-нет, ничего подобного никогда не случилось...

Ага, не с вранья начал маркиз их беседу двух пилотов-асов. Насчет кнопки, конечно, может не знать — будут еще всякого посвящать.

«Скат» добрался до вершины горушки, и тут обнаружилось, что песчаный конус венчает воронка, выплевывающая песок, как кратер магму. Пролетая над ней, «скат» получил песком по днищу. Причем выброс нарушил соблюдавшийся ритм и был заметно сильнее предыдущих. Такое впечатление — гора плюнула в машину...

А Сварогу «скат» с каждой минутой нравился все больше. Маневренный, послушный, по уму сконструированный аппарат. Видимо, наступало то единение человека с машиной, которое позволяет творить форменные чудеса пилотажа, выигрывать всяческие гран-при и ставить мировые рекорды.

— О холодоустановках не распространяйся, маркиз, знаю. Что еще стоит из оружия?

Молчание.

— Слушай, ты, маркиз, — устало проговорил Сварог. — Ну вот честное слово даю, мне не до шуток. Или ты быстренько выкладываешь все о своем ероплане, либо, клянусь всеми вашими и местными богами, — полетишь у меня башкой вниз с такой-то высоты... Ты думаешь, я, в моем-то положении, блефовать буду? Зря надеешься. Или ты из идейных? Из тех, кто готов умереть, но тайны не выдать? Ну, я жду. Каким оружием оснащена эта лоханка?... Чуба, дорогуша, сделайте милость, лишите нашего друга...

— Спаренный ребугет, — быстро произнес маркиз.

— Пулемет? — быстро спросил Сварог.

— Не понимаю...

— Забудь. Из него можно подбить «скат»?

— Что подбить? — удивился маркиз.

— Эту машину подбить можно?

— Кроонга, модель «Паск», — с печалью уточнил пленник. И тихо добавил: — Можно.

— А из холодильного оружия? — спросил Сварог, проводя «скат» над каменным, белым от соли фундаментом некогда большого здания.

— Нет. Корпус кроонги отражает лучи Рамджеса. Она сделана из сплава стекла, нитяного олова, минерала одогон и...

— Так, стоп. Теперь быстро и подробно. Как работает ребугет?

Над головой промелькнула огромная и быстрая птица. Сварог проводил ее взглядом — птица развернулась и камнем пошла на снижение. Птицу, понятно дело, звали «скат», из семейства охлаждающих, из подвида самых сволочных. Ну вот и дождались.

Сварог отвернулся. Где ж оно тут включается? Ага, вот эта пимпочка... С потолка кабины на тонких штырях опустилась черная трубка, из нее выполз пластиковый экран шириной в две ладони, продолговатый, заменяющий зеркало заднего вида. Сварог рукой наклонил экран, изменяя угол зрения: черная клякса преследователя маячила сзади и держалась намного выше «ската» Сварога. На глазах укрупнялась. Преследователь нагонял.

— Так как работает спаренный ребугет, а, маркиз?

По лицу маркиза было видно, что он лихорадочно прощелкивает в голове варианты спасения. И ни одного не находит.

— Я жду!

— Синий делклер у вас над головой...

Сварог поднял голову и увидел синий тумблер.

— Переключите, из пола выдвинется нопток. Один нажим — один выстрел, держите, не отпуская, — пойдет очередь.

Он поискал глазами пепельницу, не нашел, бросил окурочок на пол и раздавил каблуком. Не помешает уточнить и дополнительно проверить на ложь. Маркиз нам насовещует — и включишь под его чутким руководством систему самоуничтожения. Что ж, детектор ложь не кажется...

Сварог перекинул синий тумблер, и из пола поднялась на высокой ножке педаль.

— Как наводится ребугет?

— Когда нога касается ноптока, на стекле зажигается консул, он перемещается за взглядом, навели его на цель, и можно жать нопток.

Сварог положил правую ногу на педаль под подозрительным названием нопток. Едва коснулся ребристой педальной поверхности, на переднем стекле появилась красная точка с орарис величиной. Перевел взгляд на боковое стекло, и точка «консул» переехала туда же. Кинул взгляд в экран заднего обзора — и не без радости увидел прицел уже на нем. Здорово придумано, надо отдать должное... Быстро спросил:

— Угол обстрела ребугета?

— Какой угодно, — сообщил маркиз голосом, из которого ушла уже всякая жизнь.

— А боезапас? Как определить, сколько израсходовано? Быстро!

— Сейчас полный боекомплект, ничего не израсходовано. Когда заканчивается обойма, об этом

сообщает голос Иквазир. Он же предупреждает, что расходуются последняя обойма... Вы оставьте мне жизнь?

— Будем посмотреть, маркиз, будем посмотреть...

Сварог добавил скорости, пытаясь оторваться от висящего на хвосте преследователя. Так ведь ша-рахнет из этого ихнего ребутета, и «мама» не успеешь сказать. Догоняющий «скат» тоже надал.

Ох и надрывается, должно быть, сейчас радиосвязь. Вызывают машину Сварога, машина, преследующая Сварога, оповещает всех о подозрительном поведении преследуемого и запрашивает небось у главного разрешение на атаку.

— Что из себя представляют заряды ребутета?

— Пуля состоит из вапаевой оболочки, плакированной с обеих поверхностей аргамом, каленый сердечник из...

— Короче, Склифосовский. Они не самонаводящиеся?

— Я же сказал, ребутет наводится на цель «консулом»...

— Ну и ладненько.

Сварогов «скат» свернул не вправо к башням, а влево и нырнул во внезапно открывшийся взгляду огромный котлован. Не то чтобы он чувствовал себя не готовым к битве против всей эскадрильи — просто к чему, спрашивается, это киношное геройство? Орденов не получишь, даже посмертно...

Котлован впечатлял. Вырыли его когда-то или сам собой образовался, но вышел он глыбо-оким. Срез показывал пласты всевозможной глины, красной, синей, желтой, а равно и иные богатства гра-матарских недр. Дно котлована заполняла мутная желтая вода. К воде и направил «скат» Сварог.

— Вы небесник? — позволил себе вопрос и маркиз. В переводе это, должно быть, означало: «Вы летчик?»

— Ясное дело... — буркнул Сварог.

И в этот момент догоняющий «скат» бабахнул из спаренного ребутета. Сварог готовился к этому, планировал среагировать на очередь «стойкой на крыле», но на сей раз не пришлось. Очередь трассирующих пуль из крупнокалиберного пулемета прошла высоко над машиной Сварога. Намек ясен: приказывают сесть. Надо думать, у противника нет сомнений в том, что их драндулет захвачен. В конце концов, присмотревшись к манере вождения Сварога, горе-охотники должны были убедиться, что за «штурвалом» не их человек. Они просто хотят сохранить машину.

А Сварог хочет спасти себя и своих. Дилемма предельно жесткая: они или мы. Нас меньше, у нас всего одна машина, за штурвалом которой пилот без лимонно-желтой шелковой перевязи. Значит, никакого благородства и сантиментов, будем делать ставку на военные хитрости.

Сварог замедлял «скат», кружа над мутной водой котлована.

— Эй, маркиз, что происходит с машиной под водой?

— То есть как? — не понял маркиз.

— То есть так! — гавкнул Сварог. — Корпус герметичный?

— Да, — проблеял пленник.

— Взлететь из-под воды сможем?

— Д-да...

«Скат» опустил к поверхности водоема и с минимальным углом вошел в мутную желтоватую

воду. Слишком глубоко утопать граф не намеревался — тогда вообще ничего не увидишь. Красная точка прицела «консул», перемещенная взглядом Сварога, уцепилась за брюхо вражеского «ската» и отпускать его не собиралась. Вражеский же «скат», как коршун над ягненком, описывал над водоемом круги, разве что не снижался... А плохо, что не снижался.

Сварогов «скат» (в данный момент, именно что настоящий скат, даже марки «наутилус» в некотором роде) медленно плыл под водой. Новоиспеченный авиатор не торопился жать на педаль ребугета, выжидал. Будем считать, что за баранкой того аэроплана сидит многоопытный ас. Будем считать, что он предполагает, будто захватившие «скат» люди разобрались и с ребугетом — значит, пилот готов к немедленному маневру, уводящему из-под обстрела. И ведь увернется, гад...

Маркиз, конечно, не видит логики в действиях своего мучителя, маркиза-дикаря и оборотня по совместительству. Неправильно действует Сварог, вне всякой логики. Стало быть, это же должно сбить с толку и того маркиза, что порхает над головой.

«Ну же, — сжал губы Сварог, — ну давай, дозревай! Давно пора. Какой соблазн-то, а? Подумаешь — жизнь одного маркиза! Уверен, их у вас еще полно... Зато драгоценная машина вернется к вам целехонькой. Такой заманчивый момент... Решайся, парень. Ну, блин, проконсультируйся быстренько с командирами и давай. Давай!»

И «скатовец» наверху дозрел. Зашевелились под брюхом его машины цилиндры. Конечно, нельзя упускать такой случай: заморозить аппарат вместе

с захватчиками... Что машине сделается? Отогреешь — и вновь летай да радуйся.

Сварог почувствовал, как по спине побежали липкие струйки пота. Нервное это дело — торчать под оживающими по твою душу морозильными установками... Хорошо, с ним молчаливая Чуба, а не Олес или Пэвер. Те бы мышами не сидели, надрывались бы: «Стреляйте, маскап, чего! Пали! Огонь! Давай!» А работа у Сварога нынче ювелирная, да на незнакомой технике, под руку говорить противопоказано...

Цилиндры, нацелившись, остановились. Сварог словно переселился в тот «скат», словно увидел ладонь того пилота — которая, зафиксировав рычаг в желаемом положении, сдавливает пальцами круглый набалдашник, и от головного мозга к исполнительным органам уже готовы сорваться импульсы с приказом на поворот набалдашника. Вот он, миг, когда наверху переиграть уже не могут, а внизу помирать не хотят. Когда руки и внимание того небесника сосредоточены на атаке и переключиться вмиг он не сможет. Не успеет...

Сварог втопил педаль газа до упора, направляющей ладонью задал угол атаки градусов в тридцать, а второй ногой вдавил в пол педаль ребугета.

Фиолетовый столб упал туда, где «ската» Сварога уже не было. А кверху рванулись трассеры крупнокалиберных пуль. Вода обрушивалась с обводов взлетающей машины. Пули с двух стволов уходили, чтобы сойтись на цели, указанной красной точкой. «Скат», покинув мутный водоем на дне котлована, набирал высоту. Сварог отпустил педаль ребугета, потому что этот бой уже закон-

чился. И правки не требовалось. «Скат»-противник, днище которого от кабины до хвоста черными оспинами покрыли входные отверстия пуль, снижался по пологой дуге, оставляя за собой черный дымовой шлейф. Вдруг волчком завертелся вокруг своей горизонтальной оси и так и вонзился в глиняную стену котлована. Не провисев и секунды, глыбой обрушился вниз. И пропал из поля зрения Сварога.

Сзади донеслось нечто похожее на всхлип.

— Понимаю. — Сварог хмуρο удостоил вниманием переживания маркиза. — Но не мы на вас напали. Мы мирно гуляли по Граматару, никого не трогали, ракушки собирали...

Котлован уже скрылся с экрана заднего вида. Теперь — на всех парах туда, где Старый Фундамент, где башни, где должна была найти укрытие группа Каны.

Маневром «стойка на крыле» увернулся от дурной птицы, зачем-то попытавшейся его таранить. И столь это удачно вышло, на одних рефlekсах, что происшествие с птицей, как угля в топку, подбросило Сварогу уверенности.

Внизу, под крылом самолета о чем-то молчали заросли низкого кустарника (уж не шиповник ли это у нас?), которым, как бродяга грязью, зарос высокий пологий холм.

— Сколько всего у вас машин?

Две башни приближались, за вершину холма перемахнуть...

— Где? — жидким голосом переспросил маркиз.

— На Граматаре, на этом материке, — терпеливо уточнил Сварог. — Не забудь, я умею распознавать ложь, а Чуба умеет отгрызать лишнее...

— Девять...

Не соврал. Девять. Минус две. Осталось семь. Всяко легче. «Скат» перебрался через вершину холма...

Ух ты!

По глазам прямо-таки полыхнула пышная и кудрявая белизна. Поначалу Сварог никак не мог поверить в свою догадку. И даже воспользовался биноклем, в каковой превратил один из нижних секторов прозрачного корпуса «ската». Нет — все так, как он сразу и подумал.

Открывшаяся за холмом равнина, площадью не менее чем два на два кабелота, являла собой гигантский яблоневоый сад. И яблони те буйно цвели.

Из яблоневого половодья торчали обе башни, которые разделяло каймов сорок, рядом кривились металлические обрывки какой-то конструкции, тут же крутился «скат», черный блин другого «ската» вдали, на краю яблоневого разлива, как раз всплывал из кипящего белоснежья...

Машина Сварога мчалась над белым морем к башням.

— Ну теперь пора и по существу. Вы кто такие и какого дьявола прилетели к нам? — спросил Сварог, на прямой увеличивая скорость.

— Мы? — Похоже, маркиз всерьез удивился вопросу. — Мы не прилетели. Это Королевская Охота. Мы вошли в Зеницу Правого Ока на Рогнароке и вышли в Зенице Левого Ока здесь... А... вы кто?

— Живем мы здесь, — по-простецки ответил Сварог. — Стало быть, Ключ вам не нужен?

— Какой Ключ?

— Ладно, забудь, маркиз...

Беседу придется отложить. До лучших времен. Потому как сейчас наступают смутные времена полнейшей неопределенности.

Еще один, третий, «скат» поднимался над яблоневым цветом. Отдыхали они там, что ли, под сенью древ? И где остальные?

Сварог пролетел еще немного, и этого немногого хватило, чтобы понять, куда подевались прочие машины. Яблоневый лес вдруг расступился под «скатом», и взгляду открылся круглый провал в земле. Слишком уж, образцово, можно сказать, круглый, чтобы быть естественного происхождения, диаметром каймов в сто. Взгляд успел ухватить каменную кладку и металлические лестницы, сбегające по стенам в глубь... колодца. Да, колодца, больше всего это напоминало именно его. А потом встретился еще один колодец. И еще один. Если «скаты» там прятались...

Э, не-ет! Не могли они там прятаться, в столь тревожное время. Когда с машинами пропадает связь, а по эфиру разносится предсмертный крик пилота... Нет, они и с ка ли.

Башни, ошметки конструкции, а больше-то на поверхности нет н и ч е г о. А! Где ж фундамент-то?! Да там же, где наверняка нашла убежище группа Каны. Подземный город. И раз «скаты» залетали туда, вылетали оттуда, пропадали там, стало быть, пространства для полетов там хватает.

Тем временем Сварога брали в клещи — он уже был на подлете к башням. «Скат», что кружил здесь, отлетел и завис в отдалении, другой мчался навстречу Сварогу, третий обходил по дуге.

— Нас уничтожат... — донесся испуганный голос маркиза.

Земляки земляками, а своя-то кожа ближе к сердцу, погибать нет никакого желания — даже от рук своих же... Что подобьют, это Сварог понимал и без маркизовых подсказок. Раз у них имеются летательные аппараты, следовательно, они ведут войны в воздухе — или, по крайней мере, готовятся к ним. В любом случае отрабатывают приемы небесного боя. Недаром так слаженно и уверенно действуют сейчас. Да, на поверхности преимущество за ними. И подобьют, как пить дать подобьют. Особенно, если навалятся всеми семью машинами. Числом задавят...

Стало быть, надо лишить их преимущества. И был всего один способ. Фиг они отрабатывали приемы воздушного боя под землей, да и поди найди для них полигон, даже если возникнет такая безумная мысль — о возможности подземных полетов. Поэтому надо рисковать. Нырять в один из колодцев. А ежели там вдобавок тьма крошечная и у противника нет приборов ночного видения, одни лишь прожектора — вот вам еще плюс...

Тот «скатовец», что висел неподвижно в ожидании дружков, не выдержал. Видать, пожелал стать единоличным триумфатором. Длинная очередь на сей раз была пущена прицельно. Сварог бросил «скат» на ребро и ушел под прикрытие труб, в желудке опять ухнуло, желудок подскочил к горлу и попытался катапультироваться.

Очередь хлестанула вдогон, пули заколотили по трубам, выкрошивая камень, защелкали, вышибая искры, о металлические ребра несохранившегося сооружения. А две другие машины уже на подходе.

«Ну уж хрена вам буду я в открытом небе подставляться под перекрестье трех очередей, не дождетесь!» И Сварог бросил «скат» в пике.

Он еще раньше подумывал — а не воткнуть ли штепсель рации в розетку, не завести ли миролюбивым голоском разговоры про обмен маркиза на свободу, гарантированную дарением «ската», и про то, что лучше разойтись добром, нежели злом... Но если и была возможность договориться, маркиз предложил бы такой вариант. А раз молчит, как рыба на допросе, то, получается, бестолку и начинать...

Три «ската» преследовали удирающего Сварога и лупили длинными очередями, патронов не жалея. Приходилось закладывать крены влево-вправо, работать рысканьем и крутить машину вокруг горизонтальной оси. Сварог один раз неприцельно огрызнулся короткой очередью — понятно, не попал и больше на ерунду не отвлекался. И никаких следов группы Каны под башнями он не заметил, зря вообще туда летел...

Достали все-таки, суки! Пули чиркнули по корпусу, хорошо — по касательной, машина отделалась лишь трещинами, расползшимися аккуратно над головой пилота. Нет, так даже до колодца не дотянуть, умеют, гады, садить из своих ребугетов, насобачились. А вот мы вам прицельчик-то и замутим...

И Сварог окунул «скат» в яблоневый кипень. Он мчался, не снижая скорости, сшибая узким «лбом» машины белопенные верхушки деревьев, а позади взвивался туман из нежных, подхватываемых ветром лепестков.

Засыпанный яблоневым цветом «скат» подлетел к колодцу. Не медля и не задумываясь, Сварог

обрушил аппарат внутрь. Тут же потемнело, по сторонам замелькали огромные квадратные камни кладки, густо поросшие мхом, трубы и лестницы по стенам, круглые отверстия, похожие на лазы, — все это Сварог видел включенным «кошачьим глазом».

Глубиной колодец оказался около трети кабелота, и это расстояние «скат» промчался за несколько ударов сердца. Оказавшись за нижним краем, Сварог увел машину из колодезного просвета, из-под возможных выстрелов сверху. Стал осторожно притормаживать. И оглядываться.

Искусственное освещение под землей не горело. Поэтому в подземелье царила тьма египетская. Лишь лучи «скатовских» прожекторов сверлили мрак, обшаривая пещеру. Да какое там — пещеру! Пещерищу, гулливера среди пещер! Высотой около кабелота, неимоверная в длину и ширину, пещера сужалась ко дну, а на дне расплавленным оловом стояло озеро с абсолютно неподвижной, по-настоящему мертвой водой. Посреди озера из воды выдавался камень с плоской верхушкой, на нем нашло себе место невысокое каменное изваяние в виде согнутого пальца. Стены пещеры не были ровными и гладкими, наоборот, по всей их высоте вплоть до самого озера ярусами шли уступы и террасы. Еще Сварог заметил в стенах множество отверстий разной формы и калибра — вне сомнений, какие-то из них служат проходами в другие пещеры. За последнее предположение говорило еще и то, что вражеских машин, судя по прожекторным лучам (а вряд ли бы они летали с выключенной фарой), здесь крутилось всего три. Получается, еще одна ползает где-то по другим пещерам.

Сварог смотрел «кошачьим глазом» на пещерное богатство, на все то, что «скатовцы» могли видеть только в захватах прожекторных лучей. А лучи, до того плавно скользившие по пещере, вдруг заметались и наконец сошлись на нижнем срезе колодца, сквозь который только что проник под землю Сварог. Ясно. Пришла радиограмма с воли. Держи вора.

Но «скат» Сварога не задержался, застигнутый врасплох, черной летучей мышью в молочно-белых прожекторных кругах. Сварог уже загнал скат за толстый, как три вековых дуба, сталагнат*.

— Включите прожектор. Рубиновая клавиша прямо перед вами, — посоветовал охочий до жизни маркиз.

— Зачем? Мы, оборотни, и в темноте видим так же великолепно, как снимаем кожу с живого человека... — миролюбиво заметил Сварог.

Он отключил «кошачье зрение», чтобы полюбоваться, как это выглядит глазами того же маркиза. Выглядело скучно и уныло: темнота, как в закрытом гробу, и пересекающиеся лучи света, словно в гробу просверлили три дырки. Нет, ну на фиг. И Сварог опять задействовал встроенный в него прибор ночного видения.

Пещерные «скаты» приближались с осторожной медлительностью, шаря лучами вокруг себя явно по какой-то системе и, наверное, строго придерживаясь некоего боевого построения. Но Сварог имел все основания надеяться, что пока эти друзья достигнут его укрытия, он все же дождетс гостей

* Натечные образования в карстовых пещерах в виде колонн, возникающие при соединении сталактитов и сталагмитов.

сверху. Держать три машины наверху, прикрывая выходы, не станут, нерационально. Сразу, наверное, тоже не полезут, сперва справятся у пещерных машин, какова обстановка. А обстановочка вполне благоприятная: враг не виден.

Зависнув за сталагнатом, Сварог сделал несколько открытий. Во-первых, он обнаружил, что в таком подвешенном положении «скат» жрет топлива неизвестной Сварогу природы в пять — в пять! — раз больше, чем при высоких скоростях. Во-вторых, Сварог разглядел вырубленные в горной породе ступени, идущие наверх от разлома в полу этого яруса и скрывающиеся за нависающей плитой.

О прибытии на глубину нового персонажа по проторенной Сварогом лыжне сообщила пещерная пыль, взвихренная воздухом, что втолкнул в подземелье корпус стремительной машины, и мелкие камни, отброшенные той же волной.

Сварог давно приготовил свой маневр, оставалось лишь привести в движение «штурвал» и педаль ребугета.

Его «скат» боком выплыл из-за сталагната. Красная точка прицела чуть покачивалась вверх-вниз по лобовому стеклу в ожидании совмещения с целью. А мишень, услужливо подсвеченная прожекторами других машин, неширокими кругами гасила скорость сразу под выходом из колодца.

«Скат» Сварога заметили лишь тогда, когда заработал его ребугет. И незамедлительно в ответ замолотили сразу три спаренных пулемета трех боевых машин.

Возможно, короткая очередь и не причинила губельного вреда «скату», только что прошедшему

сквозь колодец. Но за Сварога работу по уничтожению доделали товарищи несчастного «скатовца», оказавшегося между двух огней и прикрывшего Сварога своим черным «телом» от трассирующей крупнокалиберной смерти. Последнее, что увидел Сварог, вновь бросая машину под прикрытие сталагната, это как изрешеченный «скат» (видимо, подчиняясь агоническим судорогам руки) дрожит, будто резиновая лодка на сильной волне, поднимается, опускается, загребает носом воздух, вдруг взмывает кормой... Яркая вспышка вдруг высветила подземелье, тугая волна ударила захваченную Сварогом машину в бок, попыталась опрокинуть... Сжав зубы, он выправил «скат», быстренько развернулся...

Оттуда, где оказался Сварог, отступать можно было только широким коридором, ведущим, предположительно, в другую пещеру. Или идти в лобовую атаку на три машины. Сварог предпочел ретирацию — тактический маневр иными словами, а не бегство.

Скорость приходилось держать невысокой — неизвестно что ждало за новым поворотом, можно и не успеть притормозить. А туннель этот состоял почти из одних поворотов, извивался, как змея, ползущая сквозь кустарник. На мелкие сталактиты и сталагмиты Сварог смело направлял «скат» и сшибал их, точно метла дворника, сбивающего с карниза ледяные сосульки, а наросты покрупнее разбивал на подлете короткими очередями. Если была возможность, огибал препятствия, крутя-вертя машину, проходя в притирку к стенам. Случись же на пути «сосулька» приличной толщины или просто сузья проход до полной непролазности...

Что ж, тогда разворачиваем наш самолет на сто восемьдесят и по очереди (хоть то хорошо, что больше чем по одному им не протиснуться) дуэлируем на ребугетах с господами охотниками.

Довольно долго по проходу тянулась толстая труба, — пока не скрылась в стене, под рисунком в жанре наскальной живописи: щербатый круг, расколотый круг, круг зазубренный, как сюрикен, под ними всеми — человечки, что-то еще там намалевано, выбито, но не оглядываться же, не возвращаться же. За очередным поворотом Сварог заметил внизу треугольную щель, в ней — ступени, чуть приподнял «скат», чтобы пройти между полукруглым в этом месте сводом и остатками сталагмита, кишка прохода вновь изогнулась, за ней Сварога ждал целый водопад грунтовой воды, сквозь который он провел машину, помыв ее не хуже чем на мойке «люкс»... Так ведь...

Он резко затормозил. Не обращая внимания на возмущение организма подобными выходками, быстро завертел рукоятью, направляющей цилиндры. Прожектора преследующих машин ослепили даже сквозь тонированные стекла. Прикрывая ладонью слезящиеся глаза, Сварог ждал. Еще немного, еще... они не могут разглядеть его за струями! Ага, теперь в самый раз. Повернул набалдашник. Тихий щелчок — и фиолетовый луч с белыми клубами внутри накрыл подземный водопад...

И вода обратилась в лед. «Скат», чья кабина очутилась в центре водяного потока, вляпался в ледяной капкан. Меньше чем за сотую долю мига выросла ледяная стена шириной в два кайма, и «скат» застыл в ней, как попавший в ледовый плен «Челюскин». Сварог представлял, какой силы тол-

чок бросил пилота вперед. Ремни-то его удержали в кресле, но что удержит внутренности, бултыхнувшиеся, как ртуть в термометре?.. А сверху продолжала падать вода и, попадая в фиолетовую зону, наращивала глыбу...

Похоже, вторая машина держалась слишком близко от первой. Или ее пилот не среагировал вовремя, не увидел опасность в выхваченной прожектором картинке... А не вовремя — это значит помедлить на один удар сердца...

Уходя от неизбежного столкновения, пилот опрокинул машину на крыло, но напоролся на мощный сталактит, «скат» бросило в сторону, ударило о стену, развернуло и шарахнуло о торчащую изо льда корму машины первой.

Сварог выключил фиолетовое излучение. А за ледяной перегородкой туннеля матово-белое, созданное горящими до сих пор прожекторами пространство стремительно заполнялось чем-то бесформенным, темным, увеличивающимся. Дым валит, понял Сварог.

— Сейчас взорвется! — истерично закричал маркиз.

Сварог уже разворачивал машину.

Взрыв сотряс туннель, когда Сварог увидел очертания выхода. Взрывная волна подкинула «скат», и машина, прежде чем Сварог выправил полет, прошла макушкой по колонии сталактитов. Над головой треснуло оглушительно, как лопнувший стоведерный стакан под ливнем крутого кипятка, и сверху посыпалась мелкая крошка, то ли пластиковая, то ли стеклянная. Включился давно не дававший о себе знать автоматический голос — как там его называл маркиз, голос то ли

Извергиль, то ли старухи Изергиль, — лишенный черт половой принадлежности, но, оказывается, снабженный программой интонационных вариантов. Сейчас го́лос произносил свой текст с интонацией усталой укоризны — так родители обращаются к непослушным детям, понимая всю бесполезность внушения и следуя лишь обязанности родительского долга:

— Корпус разгерметизирован. Рекомендация: аварийная посадка и включение алой радиотрещотки...

В кабину ворвался пещерный воздух — влажный, тепловатый, припахивающий серой. Вместе с запахом проник внутрь и грохот обрушивающихся, заваливающих туннель камней.

Сварог был уверен, что проход, плавно и незаметно забиравший вниз, выведет его в другую пещеру. Ничего подобного: они вернулись обратно. «Скат» выпорхнул к озеру с изваянием в виде пальца, оказавшись всего в каких-то десяти каймах над водой. И это, как говорится, меняет дело.

Еще один вражеский «скат», скорее всего, тоже ринулся в туннельную погоню за Сварогом. А там тупик. Значит, повернут назад.

Сварогова машина взмывала в крутом, стремительном подъеме, направленном на замыкание круга колодец—туннель—озеро—колодец. При скольжении вверх по воздушной горке сквозь величественную огромность этой пустоты стало ясно, что здесь когда-то бурлил подземный город. Множество нор, наводящих на мысль о швейцарском сыре, связывались между собой карнизами, ступеньками, террасами. Когда-то эту пустоту пересекали висячие мостики — иначе откуда взялось

по два крюка по обеим сторонам? Высеченный на камне рельеф — пустоглазый мужской профиль в три человеческих роста высотой — наверняка что-то да значил для исчезнувших обитателей подземелья...

Замкнув круг, Сварог с удовольствием обнаружил, что в знакомом ему уже входе в туннель не изменилось ничего, если не считать сбитые взрывной волной сталактиты из самых мелких и тонких. Поднявшись к «потолку», он на самой малой скорости подвел машину к нужной точке и вдавил педаль ребутета.

Он выбивал породу крупнокалиберными пулями, как шахтер — отбойным молотком. Только уголек, думается, не так податлив, как известняк.

— Закончилась обойма, осталось шесть, — поставил в известность голос из динамика машины.

— Чуба, ты как? — сквозь зубы спросил Сварог, не оборачиваясь.

— Лучше бы я осталась на Аtare... — сдавленно донеслось из-за спины.

— Держись, подруга, мы скоро...

Рухнула первая плита, подняв пыль, разлетелась на множество кусков. Но в планы Сварога не входило забросать проход мусором. Несколько обширнее были его планы.

— Закончилась обойма. Осталось пять.

Одна беда — патроны могут закончиться раньше, чем он доделает задуманное. Тогда, вдобавок ко всем прочим радостям, он останется и без боезапаса. Черт, он-то рассчитывал, что нависшая над туннелем плита — огромный кусище слоистой породы — поддастся быстрее...

— Закончилась обойма. Осталось четыре.

Пыль попадала внутрь, заставляя все троих чихать и кашлять. Тут еще и замуровываемый «скат» показался в туннеле — правда, пока что отсветами прожектора.

— Закончилась обойма. Осталось три.

Слой породы величиной с пяток «скатов» наконец откололся, падал замедленно, нехотя. Но деться некуда, обвалился, перегородил проход — и никаких пуль не хватит у попавшего в западню «ската» прострелять себе выход наружу. Причем этот кусок пещеры перегородил выход из туннеля наглухо, даже человеку не протиснуться.

— На какую ужасную смерть вы его обрекли, — очнулся от молчаливых раздумий по поводу своей судьбины, плеснул эмоциями маркиз.

— А он меня убил бы по-милому, по-доброму, по-семейному, да? — фыркнул Сварог. — Помолчи, маркиз, отвлекаешь.

Здесь готово. И Сварог уже знал, что делать дальше. Проносясь над озером, он заметил свет в одном из боковых ответвлений. Вряд ли то балуются духи пещеры или призраки подземных горожан, зуб можно поставить — там все те же лица, скрытые за тонированными стеклами своих пепелацев. Этот подземный коридор был узким и словно приплюснутым, ребром «скат» не развернешь, зато был чистым — ни тебе сталагмитов, ни прочих «стала-». Был он вдобавок ко всему еще и коротким. И что-то зазывно и знакомо сверкало на том краю.

«Скат», снижая скорость, выскочил за пределы межпещерного коридора...

Бляха-муха! Таросы и Наваки! Вот это да!

— Склепы Рогнарока... — восхищенно прошептал маркиз.

Даже молчаливая и сдержанная Чуба и та охнула.

Эта пещера была поменьше предыдущей раза в два. Всего-то с девятиэтажный дом. И почти весь ее объем занимала конструкция... в общем, та еще конструкция. Шар, словно сдавленный в нескольких местах, внутри него цилиндр, в цилиндре — треугольник, и все фигуры не сплошные, а сетчатые, собранные из стержней толщиной в две руки и полос разной ширины. И все это нанизано на проходящую по центру пещеры ось. Но главное — и ось, и фигуры сделаны из золота, из потускневшего от времени, но несомненного золота.

Повосхищаться не дали. Два «ската», обследовавшие пещеру, заметили появившуюся машину, развернулись, обдав прожекторным светом, и спустя несколько секунд, посвященных, как пить дать, радиообмену, открыли огонь. Сварог ответил рысканьем машины и очередями из ребугета. Началась такая чехарда, что даже привычному, казалось бы, Сварогу поплохело — что уж говорить про несчастного оборотня...

Дальнейшее походило на перестрелку в лесу. Три машины бесшумно перемещались вокруг золотой конструкции, внутри нее, легко проходя сквозь ячеи, стреляли, попадали в золотые ребра фигур. Сварог, благодаря дыре над головой, слышал этот отнюдь не малиновый звон. Так могло продолжаться долго. Или наоборот, закончиться очень быстро, со следующей пулей-дурой. Но пока все пули принимал на себя драгоценный механизм...

Стоило Сварогу подумать о конструкции как о механизме, и по макушке хлопнула идея. Ну конечно, перед ним аппарат. Простейший механизм.

Как его запустить, он разберется. Вот только разобраться бы, откуда тот запускается...

Перестрелка превращалась в затяжную бессмыслицу. Они стремительно крутились, скользили, маневрировали в хитросплетении золота, все попытки двух машин загнать Сварога в угол и расстрелять в упор к чертовой бабушке заканчивались тем, что он уходил из их клещей, восстанавливая дистанцию и диспозицию. Сварог, расстреляв еще одну обойму, теперь, экономии ради, огрызнулся чуть ли не одиночными выстрелами.

Приглядевшись сквозь заливающий глаза пот, Сварог понял, где должен находиться центр управления золотой штуковиной. Над валом, с которым соединены все фигуры, с той его стороны, где прорублено окошечко. Там же, оказывается, имелось нечто вроде балкончика, с которого неизвестные механики любовались на работу своих золотых игрушек. На балкон, до которого Сварог добрался хитрыми маневрами, сесть было невозможно, пришлось зависнуть в воздухе рядом с ним, открыть дверцу «ската» и перескочить на широкие каменные перила.

— Чуба, со мной!

Ей оставаться в машине нельзя, а маркиза вытаскивать некогда. Если Сварог все сделает быстро, глядишь, и уцелеет техника. Если же они потеряют «скат», будет плохо, но — не смертельно.

Пока Чуба, бледная, зажимая обеими руками рот, занималась важным делом за каменным выступом, он разобрался в устройстве. Хренотень, конечно, — золото, оно ж мягкое, податливое, как это все могло работать, совершенно неясно... Вся механика (примитивная: рычаг, шестерни, цепи) — тоже из

золота, от изобилия которого, вот беда-то, не захватывает дух, не мутнеет сознание, не трясет золотая лихорадка. Лишь бы работала. Сварог выбил золотым молоточком на золотой цепи клин, служивший стопором, и двумя руками не без кряхтения передвинул массивный рычаг.

Приглушенно заскрежетало, залязгало, заскрипело. И золотое геометрическое кружево пришло в движение — в неспешное движение по кругу. Одним прыжком Сварог вернулся на балкон. Ага, вот еще что! Над пещерой находился колодец, выводящий на поверхность. И механизм, запустивший золотую карусель, вдобавок открыл и створы колодца. В пещеру упал дневной свет, а по стенам подземелья побежали причудливые кружева теней...

Один «скат» вращение конструкции застало внутри средней фигуры — цилиндра. И ему пришлось сейчас нелегко. Ему приходилось подстраиваться под движение цилиндра и выискивать момент, чтобы выскочить внутрь следующей фигуры. Второй «скат» оказался вне конструкции, прижался брюхом к стене и сейчас полз вдоль нее, огибая пещерные выступы и продвигаясь к колодцу.

«Скаты» уже не обстреливали машину Сварога, им стало не до того, зато они обстреляли ее во время стоянки у балкончика. Две пули оставили о себе на память два отверстия в корпусе — одно на уровне головы пилота, другое в задней части машины. По поводу второго попадания и вещал сейчас с интонацией вселенской скорби автоматический голос:

— Поврежден блок охлаждения. Температура повышается. Рекомендация: срочно переправить содержимое отсека на исправную кроонгу...

Сварог прыжком занял место пилота, пристегнулся, навел точку прицела на машину внутри золотой геометрии. Пилот «ската» уворачивался от неровностей вращающегося шара, и ему было не до отслеживания врага. Сварог дождался, когда между его пулеметами и целью не окажется золотых ребер, и втопил в пол педаль ребугета. Тах-тах-тах! Яркие цепочки очередей сошлись на корпусе черного истребителя. Подбитый «скат», задымив, вошел в последнее пикирование, ударился о золотое ребро и провалился в ячею на дно пещеры. А над ним продолжала монотонное, шарманочное вращение золотая клетка.

А второй «скат» добрался до колодца. Вернее, это граф Гейр, вновь покинувший летательный аппарат, позволил ему добраться. И тогда отвел рычаг этого безумного механизма на исходную, застопорил шестерни. Как Сварог и просчитал, выпуклость внешней золотой фигуры остановилась напротив нижнего колодезного венца и перекрыла выход из колодца. Закрылись и створы. Второй «скат» очутился в золотой клетке. Из которой сможет выбраться лишь человек, без машины. Ну и пусть себе выбирается.

— Здесь мы закончили, — бросил Сварог, лихорадочно защелкивая ремни безопасности. — Теперь обратно...

У противника оставалась последняя машина, держала сейчас под контролем выходы на поверхность. Какое-то время ее пилот будет ждать сообщений от своих товарищей из-под земли, а потом, вероятнее всего, свяжется с базой, оттуда поступит приказ на отход; пилот, думается, с облегчением подчинится приказу и поспешит на одной из семи

скоростей к месту, которое маркиз называл Зрачком какого-то глаза. А в намерения Сварога не входило дать этой машине уйти.

Он перегнулся через подлокотник, сгреб пленника за кружевной воротничок и почти вплотную приблизил свое лицо к его перепуганной физиономии. Сказал жестко:

— Последнее испытание для тебя, маркиз. Выдержишь его — сохранишь жизнь. Повторишь по радиосвязи, что я сейчас скажу. Слушай и запоминай текст. «Нас подбили, пробит корпус, мы упали на площадку возле озера, в центре которого скульптура пальца. Захвативший машину враг без сознания. Я ранен, потерял много крови, боюсь, что отключусь до того, как подоспеют его друзья и машина вновь окажется в руках врага, на помощь...» Запомнил? И побольше трагизма в голосе.

— Вы правда не убьете меня? — прошептал пленник.

— А ты поверишь мне на слово? Каждый человек — сам могильщик своего счастья, — нравуучительно заметил Сварог. Воткнул разъем рации в остывшее гнездо, растянул шнур, надел гарнитуру на голову маркиза. — Давай.

Маркиз не стал говорить, что он не может, честь, мол, не позволяет или еще что-нибудь в таком благородно-героическом роде. Маркиз всего лишь засомневался:

— Вряд ли он рискнет в одиночку...

— Твое дело повторить, что я сказал, — отрезал Сварог.

Пока маркиз дрожащим — тут ему не пришлось актерствовать — голосом наговаривал текст, он

плавненько опустил «скат» на площадку у озера. Причем посадил не на выдвижные опоры, а как бы в аварийном режиме — на брюхо. Легко представить, как плачевно смотрится машина при взгляде сверху. Должна, должна сработать приманка... Если «скатовец» вообще решится залететь в пещеры.

Сварог сокренько помог выбраться Чубе и маркизу (разумеется, не развязывая тому руки), бегом отвел их к норе в пещерной стене, зашел последним. Невысокий проем заставил его пригнуться. Блин, а тут холодно. И сыро. В маечке-то и трусах. Надо бы себе какую-нибудь одежду наколодовать, а то еще насморк подцеплю...

— Приглядывай за ним внимательно. Чуть что... сама понимаешь...

Сказано словно бы для гуапа, а так, конечно же, для маркиза.

Ничем особо примечательным келья богата не была — ни в «кошачьем» зрении, ни в магическом: выступ в полу, превращенный в подобие стола, примитивная — плоский камень на сточенных сталактитах — лавка перед ним, полочка словно бы под лампадку и рисунок над ней... Вот разве что изображение, выбитое на плоском камне, любопытное: солнце, серп луны, звезды окружают человеческую фигурку на коленях. Наскальные рисунки, золотой ажурный механизм, согнутый палец с шарами вокруг... И Сварог вдруг вспомнил, как фагорская королева Домгаар рассказывала про миф о каких-то монахах, живших под землей. Значит, не такой уж это был ли миф...

Сварог отмахнулся от видений исчезнувшей под водой и во времени таинственной религио-

ной жизни и подошел к проему, из которого открывался вид как на «скат», так и на воздушное пространство над ним, присел на корточки у порога.

— Как думаешь, прилетят тебя спасать?

Маркиз пожал плечами.

— Ладно, будем глядеть вместе.

Сейчас, конечно, нашего маркиза вызывают по рации. Но он же сказал, что потерял много крови, вот-вот в обморок хлопнется. Так что пусть верхний маркиз решит, что обморок уже случился — лишний повод ему поторопиться. Сварог, ясное дело, не собирался сидеть в засаде до морковкиного заговенья, определил разумный лимит времени, по истечение которого...

Есть. Явился, голубчик. Ишь как нервно шарит прожектором. Ага, увидел. Осторожно кружишь над аварийным скатом, черный ворон ты наш. Нет, добычи не дождешься. Сварог изготовил катрал. Ну-с, проверим догадку касательно нагретых двигателей, дул пулеметов и прочих теплых точек на поверхности «ската». А ежели не сработает, то враг, будем надеяться, удара микроскопической споры и не почувствует...

Прицелился, прижал губы к катралу, дважды выдохнул. Два раза дернулся «скат». Прожектор метался по пещере, и Сварог отпрянул — так ведь, япона мать, и нащупать может, а там и морозилку врубить... Но несколько секунд спустя пилоту стало не до поисков снайперов.

Корпус «ската» стремительно опутывали тонкие побеги, растительные щупальца добрались до цилиндров, жадно шарили по дну в поисках щелочки.

Нашли.

«Скат» сорвался с места, на немыслимой скорости одолел расстояние до пещерной стены и прошелся корпусом по ее выпуклостям и наростам. Пилот отчаянно пытался соскresti, сорвать эту тварь с себя. То брюхом, то верхом — по сталактитам, по острым выступам.

Потом машина на сумасшедшей скорости, от которой у Сварога заложило уши, от которой посыпались камни, ринулась к озеру. И ушел в него по маковку.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом черное тело машины выпрыгнуло на поверхность, сбило с пьедестала изваяние с пальцем и вновь шлепнулось в воду. Потом «скат», уже похожий на пук водорослей, всплыл на поверхность и покачивался на потревоженной глади, как поднятый багром со дна топляк.

— Вот и все. — Сварог закурил, пальцы отчетливо дрожали. — Воздушный бой окончен. А мог бы ведь и начинаться, а, маркиз? Ладно, пошли в машину.

— Есть наружные громкоговорители? — спросил он, в который уж раз пристегиваясь в кресле пилота.

— Да... — бесцветным голосом отозвался маркиз и таким же голосом объяснил, как включить громкоговорители.

И через мгновение в пещере, тысячекратно усиливаясь эхом, прозвучало:

— Говорит ваш капитан Сварог. Госпожа Кана, мастер Олес, мастер Пэвер, мастер Рошаль, отбой воздушной тревоги. Всем можно покинуть бомбоубежище. Где вы?

Глава пятнадцатая
Смерть и Зеница Левого Ока

— Князь, я дал слово, что сохраню ему жизнь, если он будет со мной откровенен и честен. Он выполнил свою часть уговора. А сыграй он в героя-молчуна — и еще неизвестно, чем закончился бы этот бой... — Сварог хмуро курил на краю выступа, похожего на продолговатую чашу. В чаше лежал человек. — Убери, Олес, — тише добавил Сварог.

Олес одной рукой прижимал пленника к скале, а другой держал кинжал у его горла. С неохотой, но он подчинился Сварогу, резко и зло загнал клинок в ножны.

«Скат» стоял поблизости от чаши, утвердившись тремя своими опорами на площадке, обрывающейся вниз скалой высотой чуть ли не в кабелот. В одной из глубоких нор, выходящих на площадку, и прятался все это время отряд. Прожектор освещал скорбную сцену, выделял каждую трещинку, каждый камешек на площадке.

— Это традиция, мы так поступаем издревле, со времен первых Хроник, — бормотал пленник-маркиз, бессильно опускаясь на камень и шаря кроличьим взглядом по сумрачным лицам. Люди на него внимания обращали мало — они были заняты своим делом. — Большая Королевская Охота. Всегда считалось великой честью попасть на нее. Не важно кем, лишь бы попасть. Добытчиком, загонщиком, стрелком — все равно. Роды борются за эту привилегию столетиями. Вы не представляете, какие безумные деньги, какие интриги пускаются в ход! Если б вы знали, сколько дуэлей про-

ходит накануне охоты — несмотря на запрет самого Льва-Императора!

— И что ж такого притягательного в этой охоте? — спросил Рошаль, поднеся очередной свой камень к краю чаши.

— Только раз в тысячу Шагов зажигается Зеница Правого Ока и открывает доступ к Зенице Левого Ока. Зеница горит очень недолгое время. Никто не знает, кто их создал — эти два Глаза Бога, они пребывали всегда, один в нашем мире, другой — здесь... Поколения, которым выпадает счастье жить в эпоху Большой Королевской Охоты, чувствуют, что на них с надеждой смотрят предки и потомки их славных фамилий. Честь семьи, честь рода... я не знаю, как это вам объяснить. Замки, которые украсят охотничьими трофеями другого мира, будут нанесены на новые карты особым цветом, их станут посещать члены императорской фамилии. Участники Большой Королевской Охоты, вплоть до следующего сезона, получают доступ на все балы Полной Луны в Замке Императрицы и на прием в честь зимнего равноденствия в дворцовом саду Льва-Императора. Все женщины готовы разделить постель с мужчинами-охотниками, а женщины-охотницы вправе выбирать себе любовников из тысяч и тысяч претендентов...

— А император ваш здесь? — в очередной раз подойдя к чаше с камнем, спросил Рошаль.

— Нет, ему нельзя покидать Рагнарок...

— Не повезло, — отряхнул руки от песка охранитель. — Не пользоваться ему вниманием дам...

Под бормотанье маркиза, которого никто не перебивал и кроме Рошаля никто ни о чем не спра-

шивал, они закидали камнями чашу, которой суждено отныне стать могилой.

— Мы же никого не убиваем! — От внезапного прилива эмоций маркиз дал петуха. — Мы погружаем добычу... тела в холодный сон и оживляем на Рагнароке! Мы не убиваем даже животных!

— И что же вы делаете... с добычей?

— Добыча распределяется между охотниками, они направляют ее в свои замки.

— Вот, значит, почему туда любят таскаться члены фамилий и прочие гости. Поглазеть на диковинки из чужого мира, — краем рта усмехнулся Рошаль. — Людей вы держали вместо дрессированных собачек, да? И нас тоже хотели посадить в клетку?

Маркиз открыл было рот, но не сумел ничего ответить.

— А теперь заткнись, — сказал ему Олес, подходя со своим последним камнем.

Они обступили чашу — последнее пристанище одного из них.

«Место, где много снега, но не из воды...» — вдруг вспомнилось Сварогу предсказание, и он недоуменно завертел головой — здесь ведь никакого снега нет! Но потом перед его глазами встала вымороженная трава, иней на боках лося, ледяной туман вблизи фиолетовой колонны, — и он понял...

— Княжеская могила, — нарушил тишину Олес, — никто не сможет разорить ее, никто не будет шуметь над ней. Суб-генералу понравился бы наш выбор.

Чуба отвернулась, смотрела на каменные стены подземелья.

— Он умер легко, — сказала Кана. — Он дошел с нами до самой пещеры, где мы прятались. И когда стало ясно, что мы в безопасности, он... У него просто остановилось сердце. Каждый желает такой смерти...

— Суб-генерал просил передать вам, мастер Сварог, что эта была лучшая его переделка, — тихо сказал Рошаль. — Больше он ничего не успел сказать.

Откуда-то, из внезапно распахнувшейся где-то очень далеко и очень высоко книги сорвались строки, пришли сюда. И Сварог проговорил:

Значит, нету разлук,
Существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг
В темноте обнимает за плечи.
И полны темноты,
И полны темноты и покоя,
Мы все вместе стоим
Над холодной блестящей рекою...

Где-то в пещерных ходах посыпались камни, чей бесконечный отдых был потревожен сегодняшним боем. Над головами прохлопала перепончатыми крыльями летучая мышь. И снова застыла тишина. Застыла, как это озеро внизу, как эти камни, подпирающие землю...

— Да пребудут с вами доблесть и храбрость — в тех местах, где вам отныне суждено пребывать до скончания времен, — сказал Олес, обращаясь к могиле. — Вы были отличным наставником для тупого испытуемого...

— Мы не слишком-то ладили, мастер суб-генерал, это правда, — негромко добавил Рошаль, — но вместе пережили столько, сколько не выпадает

простому человеку... Вашей жизни можно позавидовать, Пэвер... Я горжусь, что был знаком с вами... — Он сделал паузу, и вдруг глухо, почти себе под нос, проговорил:

Мы возвратимся из дальней дали,
Стремя в стремя и бронь с броней.
Помнишь, как в детстве, когда играли
В рыцарей, верных всегда одной...

Сварог в некоторой оторопи посмотрел на него — настолько это было несовместно: стихи и циничный старший охранитель, но Гор Рошаль отвернулся, и Сварог не мог понять, какое у него лицо.

— Человек не умирает, — сказала Кана. — Человек пребывает во веки, переходя из одной сущности в другую. И пусть вам повезет на иных дорогах существования... мой малознакомый спутник по дороге здесь и сейчас.

Чуба промолчала.

Сварог поклонился могиле. И повернулся к маркизу. Должно быть, что-то такое появилось в его глазах, что пленный судорожно попытался втиснуться в стену.

— Где эта твоя Зеница? — очень спокойно спросил Сварог.

— У-у... реки, — дернул головой тот, словно показывал направление. — За рекой. Маркиз, вы же обещали...

— Стрелки, под которых нас гнали, там же? Кивок.

— Ну что ж... Полетели, покажешь.

— Вы что-то задумали, мастер капитан? — наконец подала голос Чуба. И голос ее был безжизнен.

— Ничего особенного, — сказал Сварог. — Просто хочу завершить одно дельце... И, желательно, навсегда.

— Мечь? — спросила Кана.

— Отнюдь, — покачал головой Сварог.

Его не интересовал мир маркиза со всеми его замками, «скатами» и львами-императорами. Не интересовал ни в рассказах, ни в яви. Он уже спросил о главном: знает ли маркиз что-нибудь о выходе в другие миры — помимо прямого выхода в какую-то Зеницу с Рагнарока на Граматар. Ничего тот не знал. Может быть, и есть на планете маркиза дворцы, открывающие дорогу в Поток или на Тропу, только маркизу о том не ведомо. Значит, нечего Сварогу делать в этом мире Рагнарока. А вот пресловутую Зеницу требуется выколоть. Пока не нагрянула армада мстителей...

...И вот она, та река. Еще одна граматарская река, заурядная во всех смыслах и по всем измерениям.

Пожалуй, только Рошаль сообразил, что задумал Сварог. Наверное, сообразить могла и Кана, но ощущение полета настолько поразило островитянку, что они сидела, вцепившись в подлокотники и неотрывно глядя вниз, на проносящуюся мимо землю. И Рошаль молчал, сквозь прикрытые веки с интересом рассматривая перелески и распадки внизу. Да уж, подумалось Сварогу, на такой машине никакая воздушная болезнь не страшна.

— За рекой, — подсказал сзади маркиз, стиснутый Рошалем и Олесом.

— А не боитесь, мастер капитан, что нас расстреляют на полете, как курей? — негромко спросил Олес. — Они ведь ждут...

— Посмотрим, — только и ответил Сварог.

Сперва они увидели верхушку арки.

Вот она, Зеница Левого Ока.

Имя собственное немного не согласовывалось с формой, но суть от этого не менялась. На самом деле это были Ворота, к которым вдобавок тянуло присовокупить эпитет «триумфальные» — слишком уж высоченные, широченные и величественные.

Ворота вырастали по мере приближения к ним «ската». Высеченная из монолита, из черного блестящего гром-камня неведомого минерального происхождения, арка не имела острых углов — одни лишь плавные изгибы. И никаких тут вам излишеств вроде горельефов, барельефов, фигур и надписей. А сквозь арочный просвет наблюдался все тот же Граматар — картины иного мира не просматривались, не колыхалось таинственное марево, равно как не было внутри ворот всполохов и оптических искажений.

— На такой высоте вас могут подбить, — дрожащим голосом предупредил маркиз.

«Забыл добавить — „и меня тоже“», — бесчувственно подумал Сварог. Чувств не осталось, одна только холодная ярость. Ярость и боль.

Они пролетели еще немного, прошли над лесом и только тогда увидели людей. Участники Большой Королевской Охоты сгрудилась возле арки, готовые в любой момент броситься на просторы родной земли, под защиту родного мира. В отдалении стояли и валялись тенты, легкие стулья, столы, даже диванчик, у их ножек желтели корзины, накрытые салфетками, из-под которых торчали бутылочные горла.

Пестрая толпа охотников, а их тут приблизительно с роту, ошетинилась черными стволами.

Пока не стреляли, но попадать под выстрелы — прав маркиз — большого желания не было. Легкое движение ладонью, и «скат» резко взмыл в небеса, как серфингист по волне.

Завидев чужой истребитель (уж наверное сообразили, что не свой прилетел, — раз не отвечает на запросы и убегает в облака от ружейных стволов), охотники не ринулись в панике под арочный свод — даже женщины, которых у Зеницы набиралось где-то треть.

Перед тем как взмыть в подсолнечные выси, Сварог превратил один из секторов обшивки в бинокль и несколько секунд полюбовался Большой Королевской Охотой вблизи. Даже не знай, что перед тобой (вернее, под тобой) отборнейшая знать, определенно догадаешься по богатой одежке, по манерно-изысканным позам, по ввевшемуся в лица высокомерию... А лица, кстати, напряженные, но — никакого намека на испуг. И Сварог понял причину такой храбрости охотников: с минутой на минуту должен был прибыть воздушный флот, который выяснит, накажет, отомстит. Нет, наверное, если Сварог начнет садить по Охоте из ребугета, растрачивая последнюю обойму, то кто-то ринется под прикрытие арки, кто-то откроет ответный огонь. Однако охотнички надеются, что их воздушная кавалерия прибудет еще до начала стрельбищ... Значит, флот уже на подходе. Что ж, у нас приготовлена достойная встреча....

В следующий заход на Зеницу Сварог будет их атаковать.

И он этот заход начал.

Охотники внизу вдруг залопотали что-то, напроць забыв о мятежном «скате» и принялись ты-

кать ручонками на Зеницу — и Сварог заметил кое-какие изменения в дуге, очерченной гигантской аркой. На беспросветной черноте камня затанцевали оранжевые искорки, все чаще, все быстрее, и вот уже это уже не триумфальные ворота, а огненное полукольцо, и там, внутри полукольца, что-то происходило, что-то начинало меняться, из ничего проявлялся темный силуэт размером с девятиэтажку и напоминающий акулу анфас с хищно расставленными плавниками, наполнялся цветом, глубиной, осязаемостью, а за ним проглядывалась в дымке целая вереница акул, целая стая хищников, ждущих, когда откроется проход и можно будет вынырнуть в залитый солнцем мир...

Кто-то, кажется, Чуба, сдавленно вскрикнула. Остальные хранили гробовое молчание.

Сварог резко бросил машину в пике, повел ее над самой аркой, закрыл глаза, сосредоточился, мысленно сжал синий шарик, доставшийся ему в наследство от Соленого Клюва, и мысленно же швырнул его в нужный момент вниз, сквозь дно «ската», сквозь тонированные стекла-бинокли. И резко набрал высоту — кто его знает, какой мощности окажется взрыватель Короля человеков-амфибий. Да и сработает ли. Зачем-то стал считать про себя, уходя все выше и выше, прочь от эпицентра: «Раз и-и... два и-и... три и-и...»

Сработало.

С высоты в полкабелота картинка открывалась замечательная в своей сюрности — посреди мирного леса торчит таким исполинским магнитом абсолютно черная дуга, уходит опорами глубоко в грунт, и полное впечатление, будто чья-то небес-

ная длань со всей дури, с размаху воткнула этот магнит в землю...

Несколько секунд не происходило ровным счетом ничего, а потом...

А потом раздался... нет, не звук, поскольку барабанные перепонки его не уловили. Зато каждый из находящихся в угнанном «скате» прочувствовал это всеми фибрами души. Звук (все же будем называть его так) был не громкий и не тихий, и шел, казалось, не снаружи, а откуда-то из глубин подсознания. Он был как один-единственный удар сердца бога.

Панорама внизу на секунду словно бы подернулась лазуревой рябью, сдвинулась — и вдруг откуда-то из неприметной точки на поверхности земли, неподалеку от горделиво вздымающейся арки вспыхнуло ослепительное пятно голубоватого света, шарахнуло в стороны, разрастаясь, расширяясь с чудовищной, невообразимой скоростью, сметая со своего пути людей, деревья, тенты и пригорки, под корень подрезало опоры Зеницы, на миг застыло таким блестящим, полкабелота в диаметре, не меньше, блином из меню великана — и погасло. Оставив после себя идеально круглую и идеально ровную площадку, на которой не было уже ничего — только коричневый, вывороченный дерн.

Сварог выровнял машину.

Какое-то время арка, вновь став угольно-черной, еще держалась, еще строила из себя неприступность — а потом в основании исполинских ворот что-то надломилось, и вся конструкция, медленно и печально, колоссом на глиняных ногах начала оседать — а ей навстречу поднимались тучи

пыли. Отламывались целые куски монолита, целые сегменты, не выдержав изменившейся нагрузки, трескались, сминались, крошились в порошок — и вот уже нет Зеницы, все скрыто огромным облаком поднятых в воздух песка, пыли и грунта...

— А я, признаться, думал, что вы пойдете на таран, — нарушил тишину хладнокровный голос Рошаля. — Браво, капитан. Снимаю шляпу.

— Не надо, — устало сказал Сварог. Я ведь не при мундире... — Вытер пот с лица — оказывается, он вспотел. — Ну вот, господа, собственно, и все.

— Что же вы наделали... что же вы только наделали... — скороговоркой начал бормотать пленный маркиз, пока Олес не ткнул его локтем в бок и не спросил весело:

— А что такого? Подумаешь — дичь стала охотиться на охотников, да сплошь и рядом такое случается... Куда теперь, мастер граф?

Маркиза высадили на пустынном океанском берегу. Сварог, уже в свежесотворенном камзоле ало-серых цветов, отвел его по шуршащей прибрежной гальке на десять шагов от опор приземлившегося «ската», развязал ему руки. Океан вяло лизал твердую невкусную землю в сотне шагов отсюда. Гораздо ближе было до коралловой гряды, уже розовеющей за разросшимся кустарником. За спиной тянулись сопки, то плешивые, то лесистые, а где-то еще дальше должны были обустраиваться на новом месте какие-нибудь люди, которым не помешают лишние руки...

Сварог зашвырнул маркизов стилет в кусты.

— Потом подберешь, пригодится.

И тут на маркиза нашло. Он рухнул на колени, обхватил Сварога за голени, забормотал что-то то-

ропливое и маловнятное, сводящееся к тому, что не бросайте, мол, погибну, пригожусь, не вынесу... Обыкновенная, форменная, можно сказать, истерика. Симптомы и методы лечения известны. К маркизу Сварог применил радикальный метод — огрел двумя руками по ушам. Заскулив и прижав ладони к голове, маркиз повалился на гальку. Вот и ладно, вот и успокоился, скоро смиритесь с неизбежностью — не с такой уж и печальной, к слову, какая могла бы быть...

— Сам бы удовольствием вместо тебя остался, — сказал ему на прощание Сварог. — Природа-то какая, а! И рыбалка здесь, наверное, отменная. Грибочки опять же. Да вот дела, понимаешь, зовут в дорогу... Тут люди-то есть — а скоро ох как много набегит, точно тебе говорю. Насчет пилотов не уверен, но вот охотники им наверняка понадобятся...

Дорога, позвавшая Сварога, пролежала вдоль океанского побережья и вела к точке, где отряд должно был терпеливо ждать жилище-посредник. Жилище-транспортное средство, обязанное в целости и сохранности доставить не столько Сварога и компанию, сколько Ключ к Куполу Совета. Где ждет нелегкий разговор с Вало.

Хотя, как понял Сварог из объяснений маркиза, Большая Королевская Охота, следуя устоявшейся за многие тысячелетия традиции, далеко от Зеницы старалась не отходить, но на «скате» тем не менее была установлена карта всей Димереи, изготовленная, не иначе, посредством аэрофото съемки. Карта представляла собой шар (или, лучше сказать, глобус) размером с голову младенца, вмонтированный в приборную панель. Из ромбо-

видного выреза (по его краям светились указатели сторон света), выступала та часть Димереи, над которой находился «скат». Конкретное местонахождение машины показывал макетик «ската» величиной с ноготь мизинца. Хочешь посмотреть, какие ландшафты ждут тебя впереди — крути шар, только придерживай рукой, отпустишь — он вращается в обратную сторону, возвращая местность под «скатом». Хочешь проложить курс — просто-напросто тычешь пальцем в нужную точку, и до нее от исходного пункта высвечивается прямая линия, по которой и веди свой самолёт.

Так что теперь Сварог, сверившись с картой Вало, вел машину вдоль побережья, к месту встречи, кое, без отсутствия средств связи, изменить было, увы, нельзя, вдоль бескрайней синевы по левому борту, вдоль разноцветного буйства растительности по борту правому, и размышлял. Собственно, раньше у него просто не было времени на размышления.

Ясно, что без помощи Вало, добровольной или же принудительной, пресловутую Дверь ему не найти. Ясно также, что без Ключа, который висит на шее Чубы, эта Дверь Вало на фиг не нужна. Так что? Будем договариваться? Или Вало на уступки не пойдет — бросит на них своих откормышей с катралами и массой задавит? Запросто. Что из этого следует? А следует из этого вот что: надо зависнуть где-нибудь в сторонке от Древа и вплавь послать к Вало парламентаря — так, мол, и так, тарогт изволит отдать золотой ключик только в обмен на дверцу... Но кого послать-то, прах побере-ри? Разве что Кану. А будет ли Вало с ней говорить? И убедит ли его стриженная воительница, что

не хило бы и помочь тагарту? Кстати, о стриженной воительнице: пора подумать и о том, что...

— Ты куда? — услышал Сварог голос Олеса. — А... Не, ха-ха, понятия не имею. Может, маскап уже опробовал?..

Сварог покосился на товарищей. Кана, отстегнув ремень, поднялась со своего места. Он догадывался, какой деликатный вопрос хочет прошептать ему в ухо островная дева, но вот помочь смог бы вряд ли. Честно говоря, Сварог знал, как управлять «скатом», но вот где на борту размещены удобства... Никаких специальных, обеспечивающих уединение кабинок точно уж не имеется. Значит, вопрос решался как-то по-другому. «Утки» какие-нибудь, что ли? Жаль, у маркиза не спросил. Вот еще забота. А на воду не сядешь, потонем...

Кана обхватила спинку кресла, наклонилась. И прошипела в самое ухо:

— Не дергайся, паршивый тагарт. Убью.

Слово «тагарт» прозвучало как ругательство, как плевок.

Глава шестнадцатая

Передо мной явилась ты...

Едва в ухо, точно яд Клавдия, проник сей злобный шепот, Сварог почувствовал, как шеи коснулась холодная женская ладонь и оставила нечто влажное и липкое — то ли пластырь, то ли древесный лист. И что-то под этим листом, тонкое и твердое, надавливало на кожу. Похожее на коготь. Или на канцелярскую кнопку...

— Шип каменного тростника, — с тихим торжеством сообщила Кана. — Теперь ты в моей власти. Не надейся его оторвать — он отрывается вместе с головой, и никак иначе. А стоит мне надавить на него или послать ему мысленный приказ, как спора вайака проникнет в твоё тело. Не успеешь ты три раза хлопнуть глазами, как она начнет пробивать дорогу к свету — через твои почки, легкие, мышцы, мозг и всякие прочие кишки, мой дорогой тагорт...

Она расписывала вредительские качества шипа с заметным удовольствием.

— Так ведь это... — по возможности нейтрально сказал Сварог, — ты ведь и сама погибнешь. Ведь кроме меня со «скатом» никто не...

— Я не боюсь, — отрезала Кана. — Я знаю, за что умру.

— И за что, позволь узнать, мы разобьемся к чертям свинячьим?

— Сидеть!!!

Краем глаза следившая за диванчиками для пассажиров Кана увидела, что князь положил ладонь на застежку ремня, выхватила у Сварога из-за пояса шаур, навела его на Олеса.

— Первое и последнее предупреждение. Всем руки на колени! Кто шевельнется — сразу стреляю...

«Гос-споди, ну какая банальщина...» — тоскливо подумал Сварог, пока бритоголовая воительница вытаскивала у него из-за пояса заодно и катрал, засосывала его себе за пояс. Сказал по возможности спокойно:

— Ну и? Теперь, когда ты вооружена как взвод тагортов, может, соизволишь объяснить, отчего такая милашка вдруг превратилась в шипастую фурию?

— Разворачивай машину к Бездонному Дому, — приказала Кана вместо объяснений. — Только не говори, что не знаешь дороги: у тебя есть карта, у тебя есть приборы...

Помнится, Бездонным Домом дамурги называют пресловутый зиккурат. Впрочем, Сварог не настолько еще освоился на Димерее, чтобы без карты и приборов провести аэроплан от побережья Граматара до маленькой точки в Океане — зиккурата, едва выступающего над поверхностью воды... Но в том-то и дело, что карта у него имелаась, аж целых две карты — та, что передал ему Вало, и эта, встроенная в панель управления «скатом», тут бритоголовая Синтия Ротрок была насквозь права...

— Ключ, — повернулась Кана к Чубе. — Очень медленно сними Ключ и протяни его мне. Одно неверное движение, и я отдам приказ шипу...

Послышался легкий шорох, звяканье цепочки.

— Ты считаешь себя хитрым и неуязвимым, — удовлетворенно сказала Кана Сварогу. — Надеешься обмануть меня, надеешься выкрутиться. Так вот знай...

Она присела на левый подлокотник, и в Сварога вонзились яростные глаза фанатички. Наверное, именно с такой неистовой и беспричинной злостью во взгляде народоволки, сжимая ладошкой зажженную бомбу, выбегали наперерез карете приговоренного тайным обществом генерал-губернатора. Преобразилась наша молчаливая Кана, нечего сказать...

— Знай, как бы ты ни ловчил, как бы ни был быстр, я успею послать приказ моему шипу и уничтожить тебя. В последний свой миг я буду думать только об этом. Ты можешь прикидываться, что не

знаешь, как отыскать Дом с помощью этой штуки, — довольно уместно Кана вытянула палец в сторону глобуса. — Тогда я буду показывать тебе, куда лететь, и мы будем носиться над Океаном, пока не найдем Бездонный Дом или пока не рухнем, когда эта птица уже не сможет больше летать.

— Ну в последнем случае мы скорее скончаемся от скуки или от пролежней, — лениво сказал Сварог. — Топлива у нас столько, что лично меня, старого пилота, прямо-таки оторопь берет. Понятия не имею, на чем мы тарахтим, на солярке или керосине, но, судя по этому приборчику, мы не истратили и...

— Хватить болтать! — зашипела Кана.

Признаться, Сварог распалял ее сознательно: когда человек с трудом себя контролирует, ему легче проговориться и легче совершить ошибку. Конечно, здесь важно и самому не переборщить, по тонкой грани ходить приходится...

— А почему бы и не поболтать? — пожал плечами Сварог. — Какой мне смысл выполнять твои приказы? Что сейчас ты ткнешь меня шипом, что часом позже — велика ли разница?

— Если ты сделаешь, что от тебя требуется, то сохранишь себе жизнь. А в придачу к жизни получишь жилище. И даже эта летающая штука останется тебе.

— Ого, какая королевская щедрость! Ах да, я забыл, что наобещать можно с три короба... Я сам, помнится, чего только женщинам не обещал. Даже, представь себе, некоторым обещал жениться.

— Даю слово варга.

О-па! Это был удар. Этого он не ожидал.

— Варги, стало быть... — задумчиво пробормотал он. — Которые, если мне не изменяет память, суть противники наших друзей дамургов...

— А ты думал, я служу этому тупому Вало? Да, я варг. — Она вскочила с подлокотника, шаур прыгал в ее ладошке. — Я буду на твоих глазах убивать этих людей, пока ты не подчинишься моему приказу. Или пока сам не станешь трупом!

Она вытянула руку и направила оружие на Рошала, ее недавнего соседа по диванчику, который сидел внешне расслабленно и лениво наблюдал за происходящим, будто в пятый раз смотрит скучный фильм. Однако взгляд его водянистых глаз был столь красноречив, что любой шпион на месте Каны немедленно бухнулся бы на колени и в сей же миг перевербовался со всей страстью искреннего раскаяния... Впрочем, юная захватчица летательных средств была слишком поглощена собой и своей высокой миссией, чтобы обращать внимания на недвусмысленные взгляды всяких там контрразведчиков. Палец ее дрожал на спусковом крючке шаура. Она пока медлила, но Сварог отчего-то не сомневался, что у нее вполне достанет духу выстрелить.

Стараясь держаться невозмутимо, в голове он лихорадочно прокручивал варианты. И не находил ни одного. Все варианты осыпались, как осенняя листва. Резко бросить «скат» на крыло... Заговорить чертовке зубы... Надеть личину пострашнее... Отвести глаза... Все не то. Все искусство ларов разбивалось об одну-единственную преграду: в кабине слишком тесно. Тесно даже для суперспециалиста по ведению боя в ограниченном пространстве. При любой, самой не о ж и д а н н о й неожиданности она успеет выстрелить и просто физически не сможет промах-

нуться, в кого-нибудь да попадет. А еще этот дурацкий шип — насчет которого чертова баба ничуть не соврала. Равно как и насчет всего остального. Правда, только правда и ничего кроме правды, будь она проклята. Вопрос: сработает ли шип — ведь он оружие, и человеческая рука его не держит, стало быть, магия ларов должна как-то нейтрализовать его. Это с одной стороны. А с другой — проверять отчетливо не хотелось.

Дьявол, такого он не предусмотрел. Вроде бы просчитал все возможности — что Вало перестраخуется и попытается завладеть Ключом до того, как они достигнут точки randevu, что за время похода грохнут самого Вало, что... Но вот что хитроумный предводитель дамургов, видящий, казалось бы, на десять шагов вперед, окажется, блин, той самой старухой с прорухой и самолично включает в их отряд тайного агента подполья — этого предвидеть было нельзя....

Он вкрадчиво спросил:

— А тебе что, совсем не жалко убивать людей, с которыми ты делила пищу, кров и постель, людей, которые, между прочим, спасали тебе жизнь?

Про постель это он специально ввернул. Старый такой прием, с которым Кана, быть может, не знакома — заставить террориста увидеть в заложнике живого человека, глядишь, что-то и шевельнется в окаменевшей душе боевика или бомбиста...

— Во имя нашего великого дела мне не жаль даже себя!

Она произнесла эту пафосную чушь с непоколебимой убежденностью. Значит, все-таки фанатичка. Это еще больше усложняло ситуацию. С простым бандитом еще можно как-то договориться, переку-

пить, обмануть, мозги запудрить — но с людьми, у которых в груди пылает революционный огонь, такие номера не проходят. Худший из типажей — женщина-террорист с замороженной идеологией мозгами. Что остается? Выудить из нее как можно больше ценной информации и все-таки попытаться обезвредить, потом, когда напряжение спадет и она устанет, немного ослабит внимание. Да уж, господи, чего легче...

— Ладно, — с непритворной грустью вздохнул он, — ты, кажется, начинаешь меня убеждать... Но согласитесь, фрау Кана, добровольная помощь всегда лучше принудительной, не правда ли? Поэтому, может, скажешь мне, зачем тебе вдруг так приспичило в Бездонный Дом — тогда, смотришь, и у меня появится интерес помогать тебе со всем пылом и задором...

— Не заговаривай мне зубы, тагорт, — зло прищурилась Кана. — Я не настолько наивна, чтобы поверить, будто ты станешь помогать мне по доброй воле. Ты даже не с Островов, ты просто тупой наемник, тебя можно только купить, но убедить — никогда... Ты хочешь знать «зачем»? Отвечу. За тем, что там ждут мои друзья и соратники. А теперь поворачивай, живо!

Сварог легонько тронул рукоять управления, и машина послушно взяла курс в открытый океан.

— Ты куда? — Ствол шаура вновь уперся Сварогу в висок.

Если сейчас кто-нибудь из отряда прыгнет на нее... Но он тут же отмел беспочвенную надежду: все, кроме него и террористки, были пристегнуты ремнями, твою мать, безопасности. Чуба, конечно, может выскользнуть — в образе волка, но ведь на это требуется время... Он сказал:

— Куда-куда... К твоему Дому, куда еще. В объятия твоих друзей.

— Ты знаешь курс?

— Ну дык, — сказал он. — Еще там, в подземном городе рассчитал. Думал сразу рвануть туда — что-то не тянет меня отдавать Ключик нашему общему приятелю Вало...

— Врешь, — уверенно сказала Кана. — Я тебе не верю.

Сварог покрутил глобус, к счастью, довольно быстро обнаружил зиккурат, отмеченный на карте маркизов-охотников пятью, один в другом, квадратиками. Проговорил устало, будто в пятый раз объясняя двоечнику решение задачки:

— Вот ваш бездонный домик, а эта желтая линия — кратчайший путь к нему. Видишь, уже треть расстояния от материка мы преодолели. Сама можешь следить, не отклонились ли мы от маршрута.

Кана сказала с угрозой, за которой пряталась неуверенность:

— Но если это окажется не Дом...

— Знаю, знаю, ты перестреляешь всех, а меня отдашь на съедение шипу. Поэтому это окажется именно Дом, не изволь волноваться.

— И если через десять минут я собственными глазами не увижу...

— А вот это нет, — безапелляционно перебил Сварог. — Через полчаса. За десять минут не успеем.

Кана секунду сопела мрачно, потом сдалась:

— Ладно. Полчаса. Потом я начну убивать. Одного за другим.

Некоторое время лишь ветер свистел в простреленном стекле кабины.

— Твои друзья-соратники живут в Доме? — спросил Сварог.

— Ты слишком любопытен. Еще одно слово, и...

— Нет, не надо — «и», — очень серьезно сказал он. И выдавил из себя нервный смешок. — Мне просто страшно... Мне и вправду страшно, видишь, как руки дрожат? Могу и с курса сбиться... Наверное, тебе неизвестно, но многих простых людей, не островитян, пробивает на болтовню в экстремальных...

Она хохотнула и с гордостью заявила:

— Мы живем в Океане, идиот! Но не дай тебе Тарос сравнить нас с дамургами, с этими ничтожествами...

— Так почему же свидание около зиккурата... у Дома без дна?

— Очень много вопросов, тагорт. Хотя... — она пожала плечами. — Почему бы тебе не узнать — раз это уже ничего не изменит. Мои друзья проникли в Дом, и теперь им нужен только Ключ.

На это Сварог промолчал... Нет, странное все ж таки существо — человек. В плену, под дулом пистолета, в компании упертой, как баран, подпольщицы-убийцы, готовой в любой момент устроить небольшую кровавую сауну на высоте двухсот метров, — он ликовал и плясал тантеллу... в душе, разумеется.

Сама того не подозревая, Кана раскрыла самую Главную Военную Тайну островитян — где находится каморка папы Карло, отпираемую Ключом.

Значит, в зиккурате.

Значит, нам по пути? Три раза «ха-ха». Интересная штука — судьба...

Конечно, налепленный шип и ее дружки-соратники в качестве почетного караула не позволяют расслабленно откинуться на спинку кресла

и наслаждаться полетом в ожидании счастливого мига приземления на зиккурат. Подлетное время придется истратить на поиски победной комбинации. Покружить незаметно, время потянуть... То самое время, которое неумолимо утекало сквозь пальцы.

Минуто, может быть, несколько минут они летели в совершеннейшем молчании. Под ними перекатывались лазурные барханы Океана. Сзади, как в морских песнях про уплывающий берег родной, уменьшался Граматар. Скоро он пропадет из виду, и они останутся один на один с водой... Кана несколько успокоилась, взгляд ее чуть смягчился, она опять устроилась на подлокотнике.

— А ты стерва, — первым нарушил режим молчания Олес. Говорил он елеинно и проникновенно, словно охмурял симпатичную служаночку. — Я, кажется, начинаю понимать моего предка Бассиля Саутара, третьего князя Гаэдаро, который держал женщин — всех женщин, даже трех своих жен — в замке на цепи. Если б не я, гнила бы ты сейчас в бетонном бункере. Неблагодарная сука.

— Может быть, — растянула губы в оскале Кана, — может быть. А лично ты, князек, не представляешь для меня и моих соратников никакой ценности. Так что лучше помолчи.

— Девочки, не ссорьтесь, — подал голос и Сварог. — Мы же все-таки одна команда. Ну вышло недоразумение, возникло некоторое недопонимание — подумашь. Я, Олес, Рошаль и Чуба, — мы же не претендуем на иные миры. Значит, нет глубинного конфликта интересов. Недоразумение разрешится, все разойдутся довольные... Стало быть, ты — одна из тех, кого называют варгами? Очень

интересно, впервые вижу живого варга. Знаешь, мы были так далеки от этого вашего противостояния... ты даже не представляешь, как далеки мы были... Так что же вы не поделили с дамургами? Океан? Или это у вас идеологическая несовместимость?

— Ты действительно хочешь это знать или кривляешься? — вкрадчиво спросила Кана.

Видно было, что нервы террористки, словно растяжка, натянуты до звона и прикручены к взрывателю. Сварог ответил как можно серьезней, изгнав из голоса малейшую иронию и игривость и придав лицу выражение безмерной усталости — дескать, все надоело, надоело воевать и притворяться, до зарезу жаждетс я определенности и покоя.

— Я действительно хочу знать, Кана, в какие ножницы меня угораздило угодить. Честно говоря, я ожидал всего, любых препятствий на пути, но только не стать разменной фигурой в политической игре, к которой не имею ни малейшего касательства... По-моему, не один я так считаю.

И Сварог оглянулся на своих спутников — слово и впрямь ища у них поддержки.

— Я разделяю недоумение мастера капитана. Хотелось хотя бы знать, в какие интриги мы вляпались... словно в огонь провалились, — сказал Рошаль и щелкнул пальцами.

Стоп.

Стал бы охранитель делать что-то просто так, даже щелкать пальцами — ради одного только жеста? Да и еще это поэтическое сравнение с огнем. Не очень-то свойственная его речи экспрессия...

И Сварог без труда разгадал кодограмму. А что, молодец охранитель, правильно мыслит. Можно

и нужно попробовать этот способ. Такая идея Сварогу в голову отчего-то не приходила...

— Хорошо, я отвечу тебе. — Кана тем временем устроилась на подлокотнике с максимальным комфортом: закинула ногу на ногу, одной рукой обхватила подголовник кресла, другой ласково водила стволом Сварогового шаура по его же скуле... извращенка хренова. — Не потому, что надеюсь вас переубедить, — просто хочу, чтоб вы знали правду... Мы не отказываемся от общего прошлого. Да, варги и дамурги когда-то жили одним Древом. Все тогда искренне верили в Цель, все дела и помыслы посвящали ее приближению... а потом произошел Разлом. Это случилось тысячу лет назад, когда окончилась неудачей последняя предыдущая попытка завладеть Ключом. Дерево охватили разочарование и неверие. Те, кто сейчас называет себя дамургами — оставим им это имя, хотя они и недостойны его, — предали Цель, заболтали ее, превратили в набор трескучих фраз, единственное предназначение которых — заставить верить в необходимость Совета и в необходимость подчиняться ему.

По горячему вступлению Сварог понял, что не придется особо подхлестывать ее вопросами. Дай фанатику-проповеднику слушателя, и фонтан уже не заткнешь. Тем более Кана давно и не по своей воле молчала на любимую тему, а тут такой случай выговориться! И Сварога ее увлеченность устраивала как нельзя больше.

— То, что они сейчас называют Целью, совсем не та подлинная, истинная Цель, завещанная нам основателем-Дамургом. — Глаза Каны с каждым словом разгорались все ярче — как от непо-

тушенного окурка заходится огнем сеновал. — Они выхлостили ее, украли у Цели стержень, гвоздь подменили болтовней...

— И в чем же единственно верное учение... точнее, единственно верная Цель? — подбросил Сварог в этот огонь дровишек.

Остальные в дружеский диалог не вступали. От охранителя, ясное дело, непродуманных высказываний ждать не приходилось, Чуба впервые столкнулась с закулисными политическими дрызгами людей и предпочитала рта пока не раскрывать... А Олес, изучивший командира за довольно длительное совместное странствие, должен понять, что мастер капитан ведет какую-то игру и неаккуратным вмешательством можно ее запросто сломать, — так что лучше помалкивать, вплоть до специального распоряжения.

— Ты не думал, что будет, если дамурги получат Ключ?! А, где тебе думать, ты же всего лишь бессловесный исполнитель поручений. Куда тебя пошлют — туда ты и пойдешь... («Эт-то вряд ли, — сказал сам себе Сварог... а потом вспомнил Гаудина: — Хотя...») Подумай, что было бы, когда б дамурги вошли в другой мир? Да все то же самое и было бы!

— Бесспорно, — поддакнул Сварог вслух.

— Вот! Ты начинаешь прозревать! Дамурги ничего не хотят менять, кроме места своего прозябания. Женщины будут рожать детей, которых они станут сортировать, как люди сортируют щенков: этого — в слуги, этого — в тагорты, женщин — в наложницы, а этого, самого удавшегося, так и быть, произведем в дамурги. И опять продолжится все та же возня за место в Совете. Они выдумают себе

новую Цель, например, объявят, что найденный мир — это не искомый, не окончательный рай, а всего лишь промежуточная остановка. Если в том мире дамурги встретят людей, то отгородятся от них точно так же, или уничтожат бо́льшую — и лучшую! — часть, а оставшихся низведут до состояния варварства — чтобы можно было возвыситься над ними, упиваться собственным величием.

— А варги — что вы станете делать в новом мире? — Сварог успел вклинить вопрос в этот пламенный поток трибунной риторики, про себя подумав, что пора реализовывать идею Рошала. — Ты не возражаешь, если я закурю?

На последний вопрос она только махнула рукой: ей было не до мелочей вроде дыма, ей было важно договорить:

— Мы стали бы воплощать в жизнь истинную Цель. Цель, ради которой каждый варг готов пожертвовать собой. Человек на материке давно выродился, он не развивается, он просто сотни, тысячи лет штампует себе подобных, а когда приходит время — с трудом перебирается на другой континент, воюет — за место под солнцем, убивает и опять плодится. То же самое происходит и с обитателями островов. Мы застыли в одном неизменном состоянии. Человеку стала тесна его кожа, тесны его скудные возможности, он это чувствует, но думает, что ничего поделать не может. Поэтому и не делает. А если не делать, то мир не сдвинется с мертвой точки. Все так и будет повторяться, круг за кругом, цикл за циклом: погружения и подъемы материков, Атар — Граматар, поиски Ключа, походы тагоров...

Под пепельницу Сварог использовал кружку, вставленную в зажим на правой стене. Он страхи-

вал пепел часто, каждый раз наклоняясь к низко расположенному зажиму. Пусть Кана привыкнет к его наклонам, перестанет обращать на них внимание. Хотя, возможно, все предосторожности излишни — ишь как разошлась; чувствуется, оседлала любимого конька, пожалуй, и не заметит, если эксперимент по идее Рошалья начнется прямо у нее под носом...

— Мир давно гниет, как вода непроточного пруда... Но надо менять не только и не столько мир, сколько самих людей. Я помню, что случилось в этом вашем Фагоре. И уверилась окончательно. Зависть, жажда власти, алчность — вот что такое сегодня человек. А мы... Вот ты сейчас управляешь тяжелой птицей и не знаешь, упадет она в следующий миг или нет. Ты в ее власти, ты ее раб. Ты можешь придумать самую быструю и самую непадающую птицу — но отними ее у тебя, отними пищу для птицы, которую ты назвал топливом, и ты вновь все тот же: маленький и беспомощный... Человек сам должен летать птицей, плавать рыбой, превращаться в любого зверя, как Чуба-Ху, и в любое дерево. Человек должен и, главное, я верю, может сравняться в возможностях с Таросом. Тарос и явился людям не как истукан, перед которым надо бить поклоны, а как ориентир — вроде маяков, по которым плавают человеческие корабли...

Наклонившись в очередной раз к пепельнице, Сварог зажег огонь на пальце и быстро поднес к листу на шее, под которым притаился гадский шип. Риск, конечно, был. Мы ж не изучали эту сволочную траву-мураву, мы ж не занимались военной ботаникой — вдруг да вопьется колючка, когда станет горячо. Но исходя из мысли, что жи-

тели плавучих островов обеих ориентаций подчиняют себе растения, как собак, а собакам свойственно бояться хозяйского гнева и не цапать без команды...

На всякий случай Сварог подносил огонь осторожно, неспешно. И лист с одного края отлип, испуганно свернулся. Прав оказался в своем предположении Рошаль — любая часть дерева боится огня. Островитянам удалось приручить природу, — но не переделать ее...

— Основатель-Дамург доказал нам в своем «Завещании потомкам», из которого остальные дамурги убрали все, что могло помешать их покою, оставили лишь общие фразы... Так вот, он доказал, что человек так же способен к внутреннему изменению, как и растения. Не надо держаться за полученную нами от предков данность, как за что-то непререкаемо лучшее. Если есть лучшее, значит, можно создать нечто, что будет лучше лучшего. Так говорил Дамург-основатель... И варги помнят об этом.

Кана не заметила манипуляций Сварога, увлеченно продолжала свою лекцию:

— Опыты по созданию людей-рыб были одной из проб на пути к новому человеку, проба отчасти неудачная, но никто и не ждал больших удач в начале пути.

Сварог снова нагнулся — теперь для того, чтобы затушить сигарету. И за это время успел зажечь огонь на пальце, поднеся его к травяной нашлепке на шее, а когда та, наконец, свернулась в трубочку и отлепилась, закатав в себя проклятый шип, выбросил в пепельницу эту опаленную купину (что в переводе с религиозного как раз и озна-

чает «сожженный куст»). Снова наклонился, про-
бормотал едва слышно:

— Черт, дымится, так и сгореть недолго...

Шепотом, словно продолжает ворчать на непо-
тушенный окурок, произнес заклинание — и на
месте содранного листа с колючкой появилось его
иллюзорное замещение. Сварог выпрямился в
кресле. Ну вот и все, теперь, испытывая огромное
облегчение, близкое к оргазму, можно со всем
нашим вниманием слушать разглагольствования о
переконструировании человекoв. Уж с остальными
трудностями Сварог управится — на кураже-то...
будем надеяться.

— Представь, каким станет мир, населенный
богами? Что, не представить? То-то! Потому что
никакого человеческого воображения не хватит
представить себе этот совершенно невиданный мир!

— А что же вам здесь, на Димерее, мешает со-
здавать нового человека? — теперь уж спокойно,
не боясь спугнуть, перебил Кану Сварог.

— Здесь? Когда дамурги следят за каждым на-
шим шагом? Когда они и в Океане, и на земле
противостоят каждому нашему шагу? И если мы
создадим нечто и это нечто попадет в руки дамур-
гам, то оно тут же может превратиться в оружие
против нас самих... К тому же, для серьезных ис-
следований нам нужны лаборатории, расчеты, ре-
сурсы, подопытные, а все это имеется только на
материках — где приходится конфликтовать не
только с дамургами, но и с невежественными
людьми... Да и как что-то построить за земле,
когда Димерею регулярно сотрясают катастрофы?!

На это ответить было нечего. И Сварог с неко-
тором ужасом понял, что разговор приближается

к той стадии, когда, как говорят в народе одного чахлого мирка, должен «родиться милиционер». А молчания в кабине «ската» допускать было никак нельзя — необходимо было, чтобы беседа продолжала течь, плавно и размеренно, чтоб Кана, увлекшаяся болтовней, не стала бы вновь внимательной и сконцентрированной. Потому что зиккурат был уже близко. А Сварог еще не готов сделать ответный ход.

— Разумеется, у вас были свои интересы на материках, как я сразу не подумал, — сказал он первое, что пришло ему в голову. — В частности на Атаре, в частности в последний Цикл... А если не секрет, кто выполнял ваши задания на суше? Дамурги используют тагоров, а вы?

Он мельком оглянулся и незаметно подмигнул Рошалю. Уж тот сообразит, что означает этот знак, и уж как-нибудь даст понять Олесу, что капитан избавился от опасной занозы, а значит, князю не нужно ничего предпринимать: нужно просто ждать.

— У нас нет тагоров, — гордо вскинула голову Кана. — Мы, варги, сами отправлялись на материк, шли не по принуждению, а во имя истинной Цели.

— Кто бы сомневался... Но, насколько я понимаю, напряженные отношения между дамургами и варгами не могли миновать и сушу. И если агенты, ваши и дамургов, сталкивались, то происходили... ну, скажем так, недоразумения, верно?

— И что с того? — Кончено же, Кане тяжело было перестроиться с возвышенных тем на более приземленные.

— А не было ли у вас агентов в княжестве Гаэдаро? — поймал мысль Сварога Рошаль.

— У нас вообще не было агентов. — Ствол шаура опять ткнулся в грудь Рошалья. — Это у дамургов агенты, у нас же...

— Простите — доверенных людей, — торопливо поправился Рошаль. Ему не терпелось продолжить расспрос (а как жаль, наверное, что не допрос!) — ибо охранитель взял след. — Не было ли у вас доверенных людей в княжестве Газдаро?

— В каждой стране Атара работали наши люди. Но отношения вашего княжества и прочих государств нас нисколько не интересовали. — Кана даже не скрывала презрения. — Нас интересовали только люди дамургов, которые ползали по континенту, как древесные клопы, что-то вынюхивали, что-то крали, что-то покупали... И мы не могли допустить, чтобы им в руки попало нечто такое, что сможет усилить их влияние на Островах.

— А не произошло ли с кем-нибудь из ваших... доверенных людей несчастного случая в княжестве Газдаро накануне прихода Тьмы? — развивал наступление Рошаль.

— Очень много наших не вернулось с Атара в те дни... — Лицо Каны потемнело, шаур дрогнул. — Не знаю ничего про ваше княжество. Зато точно знаю другое: варги до конца выполнили свой долг, их не остановил страх за свою жизнь... Знаете ли вы, люди, которые думают только о себе и свои поступки никак не соотносят с будущим — а о такой неинтересной материи, как будущее, даже не считают нужным размышлять? Знаете ли вы, что можно жертвовать собой ради поколений, что придут сотни и тысячи лет спустя? Истинная Цель

варгов даже не в том, о чем я вам говорила — это лишь путь к Цели. Истинная же Цель варгов — власть над временем. И когда она будет достигнута, вернутся из прошлого и получают новое, вечное бытие те, кто сейчас, не жалея жизней, закладывает фундамент будущего. Будущего, где люди станут равны богам. А боги правят всем, и временем тоже... Сколько нам осталось до Дома? — вдруг спохватилась она. — Помни, тагорт, я не отступлю, когда цель так близка...

— Еще немного, смотри вперед, — успокоил ее Сварог.

— Теперь, кажется, все встает на свои места, — заявил Рошаль с усталым удовлетворением математика, наконец-то решившего теорему Ферма. — А я, признаться, все гадал, кто устроил взрыв на постоялом дворе «Дырявая бочка» и кто был тем пропавшим постояльцем выгоревшей комнаты. Ну никак концы не увязывались. Шпионы Нура и разведки иных государств были отчетливо ни при чем, чужую агентуру мы держали весьма плотно. А те, зная, что мы держим их весьма плотно, не пошли бы на диверсию в самом центре столицы. Да и я в то время не мог знать, что в Митраке действуют еще два игрока. Дамурги и варги... Вернее, их агенты. Теперь я понимаю, что вы, мастер Сварог, попали в поле зрения этих игроков — они расценивали вас как человека, который может вооружить противную сторону. Один резидент убрал конкурента, сам надеясь вас захватить.

— А захватить меня не удалось, потому что мы с вами, дорогой Рошаль, внезапно покинули Гаэдаро на дирижабле. И поди нас догони, — согласился

с выводами охранителя Сварог. И мимолетно подумал при этом: «Но одного мы не знаем: с кем именно хотела познакомить меня Клади — с резидентом дамургов или варгов. Да, судя по всему, Клади работала с кем-то из упомянутых Рошалею игроков... Если только не было иных игроков...»

— Вот! — с видом триумфатора воскликнула Кана. — Вот подлинная сущность обитателей суши! Вас интересуют только ваша собственная муравьиная суeta — кто, где, когда, кого убили, кто убил — проблемы же человека вам безразличны. Заткнитесь оба.

— Лады, — не стал спорить Сварог. — Только один, последний вопрос: каким образом ты, варг, попала в порученцы мастера Вало? Он, на мой взгляд, не отличается чрезмерной...

На горизонте, точно по курсу их следования нарисовались горбы плавучих Островов. Что подкрепляло показания глобуса «ската» — они подлетали к зиккурату.

Вряд ли бы Кана стала отвечать на вопрос Сварога — после того как на ее страстную речь об Истинной цели и сказочном будущем эти людишки отозвались болтовней о каком-то трактире. Но близость Бездонного Дома и вид островов, обещающий скорую встречу с друзьями-варгами, вернул террористке хорошее настроение. А Сварог изготовился к а к ц и и...

— Мужчины так глупы, — фыркнула Кана. — Особенно мужчины-дамурги. Я якобы перебежала от варгов к дамургам, а в доказательство своей любви к дамургам раскрыла этому Вало заговор. Между прочим, действительный заговор молодых дамургов против Совета, о чем нам стало известно

вовсе не случайно, потому что мы, варги, сами и были зачинателями этого комплота. А еще мы с Вало стали любовниками. Каждую ночь я восхваляла не только его мужские таланты — весьма скромные, надо отметить, — но и его незаурядный ум — достаточно посредственный, — и его якобы железную волю... И кто придумал эту чушь, что только женщины падки на лесть, как акулы на кровь? Мужчину купить лестью еще проще, чем поймать слепого морского окуня. Вало доверял мне больше, чем любому из своих приближенных... И когда я узнала, что Вало отправляет на поиски Ключа не одного тагорта, а группу, было решено тоже послать по нашим следам целый отряд... Им был известен курс, которым двинешься ты, потому что это был оптимальный курс... Но проклятые фагорцы спутали все наши планы. Отряд потерял тебя, тагорт. И ему пришлось идти напрямик к тайнику. Как ты видел, добрались только четверо.... Но и они попали в ловушку в форте из жидкого камня. Если б не ты, тагорт, они бы выжили. Десять лучших наших воинов погибли по твоей вине! И за одно это ты достоин смерти...

Вот оно и прозвучало. Кана вовсе не собиралась оставлять в живых Сварога — ни его, ни команду. Значит, пора действовать. Сварог собрался. Резкий крен на правый борт, удар в переносицу, блокировка руки с шауром. Но тут...

Она вдруг замолчала, вперив взгляд в лобовое стекло. Прошептала потрясенно:

— Святой Порк и семь грехов... — и вскочила с подлокотника. Ее свободная от шаура рука больно впиалась в плечо Сварога. — Проклятые дамурги!

Глава семнадцатая

Последний кайм

— Они выследили! Выследили и напали! — Кана отпустила плечо Сварога, ее ладонь переехала на спинку пилотского кресла и теперь терзала обивку. — Ты должен им помочь!

Кто на кого напал и кому надо помочь, Сварог уточнять не стал — и без того понятно. Они уже подлетели к островам достаточно близко, чтобы разглядеть обстановку на волнах и уяснить, что Острова отнюдь не заняты мирным плаванием вокруг зиккурата. Так что с контратакой пришлось погодить — до выяснения обстановки. Пока было ясно одно: уверенность Каны в том, что варги уже внутри Дома, малость необоснованна. Хитрый Вало и здесь оказался предусмотрительным, нарушил планы подпольщиков и несколько реабилитировался в глазах Сварога.

— Ты будешь бить морозящим лучом, куда я покажу!

Кана приблизила свое лицо, вмиг напитавшееся решимостью и яростью, к лицу бывшего своего капитана — и было ясно, что в случае несогласия она выстрелит. Или даст приказ шипу активироваться? Эх, кабы быть уверенным, что сначала она задействует шип, а уж потом примется палить в заложников. Последнее бы мы пресекли с превеликой радостью, а вот ежели наоборот...

— Ладно-ладно, — покладисто заверил ее Сварог. — Буду бить лучом, морозить всех, на кого покажешь.

Честно говоря, без ее подсказок и в самом деле не разобраться, где дамурги, где варги. Одинако-

вые жилища из прутьев одинакового цвета. Флаги не развеваются, опознавательные таблички не прибиты, никто не горланит: «Мы смело в бой пойдем за власть дамургов...»

А в бой шли и те, и другие. В Океане, в трети кабелота от зиккурата кипело настоящее морское сражение с участием примерно двух десятков Островов. В воздухе схлестывались прутья, спутывались, закручивались невообразимыми узлами. От боевых стеблей отрастали побеги, мгновенно покрывались зубьями, которыми вгрызались в древесину врага, старались ее перепилить. Из Островов вылетали гладкие ветви, на концах переходящие в острые, как шило, копейные наконечники, вонзались в противостоящие острова — если, конечно, по пути их не перехватывали и не пригибали к воде ветви защищающейся стороны. То и дело взвивались растительные щупальца, усеянные шипами, и хлестко лупили по вражьи сучьям. Из надрезов брызгал сок, воду, ставшую ареной битвы, покрыл древесный мусор, словно с лесопилки вымыло в Океан отходы производства. Вода вдобавок бурлила и пенилась — схватка шла и под Океаном.

Какие-то Острова сошлись в абордажном стыке, сплелись в огромный живой клубок, ежесекундно меняющий очертания. Даже не представить, что происходит внутри этих жилищ...

Один из Островов в центре грандиозной ботанической битвы вдруг приподнялся, потом начал заваливаться на бок (стало видно, что его приподнимают подобравшиеся под водой толстые стволы) и перевернулся вверх корнями. Взглядам открылось жуткое копошение тонких, похожих на червей, белых, зеленых и коричневых отростков.

— Заходи слева! — Кана стукнула кулаком по приборной доске. — К тем двум! И зависни над ними! Живо!

Кана была целиком поглощена морским побоищем. Оно и понятно — там, внизу, решалась судьба ее соратников по борьбе за Истинную Цель, без которых ей Ключ станет на фиг никому не нужен.

Она приказала Сварогу бросить всю мощь морозилок «ската» на выручку одному из двух Островов, сошедшихся чуть в стороне от общей схватки. Одно из жилищ атаковало противника целой армией тончайших и очень вертких лоз, покрытых, похоже, ядовитыми колючками. Противник отбивался сплюсненными на концах побегам, рубил ими ядовитые стебли, как саблями. Но сверху отлично было видно, что лозы призваны отвлечь на себя внимание, а под водой движется толстый ствол, огибает место схватки по длинной дуге, намереваясь зайти с тыла. Наверное, Кана хотела помочь острову, который не замечал коварного маневра.

Сама же горе-террористка напрочь забыла про тылы. Впрочем, она уверена в своем шипе...

«Извини, красавица, — мысленно сказал Сварог. — Ты сама влезла в эти игры. Обижаться не на кого».

Он проделал несложную работу быстро и чисто: левой рукой рванул девицу на себя, оторвал правую от «штурвала», сложил пальцы «клювом ястреба» и ткнул ими в сонную артерию захватчицы.

«Скат» клюнул носом и стал плавно соскальзывать к воде.

Неизвестно, успела ли она мысленно крикнуть «фас» своей, ныне обезвреженной колючке, но вот

вдавить спуск шаура умудрилась. Два серебряных кругляша звякнули об лобовое стекло, оставив на нем крохотные царапины. Едва захватчица с закатившимися глазами оказалась на коленях Сварога, тот выдернул из ее руки шаур и вытащил из-за пояса катрал. Олес рванул ремни, бросился на подмогу, а Сварог живенько вернул управление «скатом».

— Давайте ее сюда, мастер капитан. Теперь она никуда не денется, спеленаю по всем правилам. Нет, ну что за сучка, а? Знать бы заранее — проиграл бы ее на хер в том бункере, на первом же кону!

— Ты там поосторожнее, князь, — авось пригодится, — сказал Сварог, живенько заставляя послушную машину зависнуть в воздухе над полем битвы. — Ей еще в нового человека превращаться и временем командовать.

— Я буду неумолимо галантен, мастер капитан, — серьезно пообещал князь. — Как ни с кем другим...

— Неплохо, граф, неплохо, — вяло хлопнул в ладоши Рошаль, точно на премьере посредственной пьесы. — Будь моя воля, я бы назначил вас своим преемником...

— Сомнительный комплимент, — глухо произнесла Чуба-Ху. — Мастер капитан, позвольте я поговорю с этой девкой...

— Нельзя, Чуба, — сказал Сварог. — Увы. Она нам пока нужна живой и, желательно, невредимой.

Между прочим, остров, которому грозила опасность с тыла, выкрутился и без холодильной помощи с воздуха. Но — как догадался Сварог — не без помощи некоего древнего предмета. Иначе как

объяснить, что за шар плюхнулся в воду прямо над коварным подводным стволом? Его словно хоботом метнул прут, поднявшийся над жилищем. Шар юлой завертелся на волнах, из него хлестали в стороны темные струи, окрашивая воду в марганцовочный цвет. Толстый ствол выскочил по всей длине из воды, как анаконда из страшных снов, закрутился в спираль — и вдруг лопнул, разлетевшись брызгами и клочьями.

— Садимся, граждане! — объявил командир корабля. — Прямо на зиккурат. Всем занять свои места согласно купленным билетам и пристегнуться...

— А если все это воинство кинется на нас, когда мы сядем? — предположил Рошаль. — Может быть, лучше...

— Не стоит, масграм, — поймал Сварог невысказанную мысль охранителя. — Не будем без нужды кровожадными. Вот если воинство действительно кинется — вот тогда вновь поднимаемся в воздух и начинаем холодную войну.

Однако мрачные опасения Рошалья неожиданно получили подкрепление. От острова, над которым проходил «скат», отделился и рванулся ввысь прут с утолщением на конце — раскручиваясь, как пожарный шланг, и явно намереваясь дотянуться до машины. Сварог вдавил педаль ребугета, направил вниз крупнокалиберные очереди и перебил ими щупальце где-то посередине.

— Ребугет пуст, — злорадно сообщил автоматический голос «ската».

— Ну и наплевать, — снизошел Сварог до общения с голосом из динамика.

«Скат» заходил на зиккурат. Чувство, которое посетило Сварога, когда он впервые увидел это соору-

жение, пришло вновь, и с большей силой. Отсюда, с высоты полета морских птиц, благодаря прозрачной воде зиккурат представлял во всей своей завораживающей грандиозности: пирамидальное строение уходило, расширяясь книзу, в черт знает какие, в непредставимые глубины. Насколько взгляд пробивал сине-зеленые водные толщи — шли ярусы зиккурата, один другого шире, и скрывались в темных слоях океанских тайн. Аж мурашки по коже бежали и дыхание сбивалось от благоговейного трепета, внушаемого этим... действительно бездонным домом. И никак не укладывалось в голове, что такое могли отгрохать люди — обычные люди. Хотя, может быть, люди здесь и ни при чем...

Над поверхностью возвышалась лишь вершина зиккурата: неширокая площадка, огороженная стеной с башенками в углах. Одну разрушенную башенку и разрушенную же часть стены к их прибытию, увы, так никто и не восстановил.

Сварог посадил «скат» по центру залитой Океаном площадки. Три опоры выдвинулись из брюха машины, утвердились круглыми лапами на каменных плитах, уйдя под воду на половину своей длины. Трапу тоже пришлось окунуться в морскую водицу. Как и людям, которым воды здесь оказалось чуть выше, чем по колено.

Сварог отдал Олесу и Рошалю команду перенести Кану на стену — для ее же, мягко говоря, нехорошей женщины, безопасности. Ведь не исключено, что Острова, которые рано или поздно выяснят отношения между собой, и победители пришвартуются к Бездонному Дому, сначала расстреляют «скат» из каких-нибудь станковых катралов, а уж потом полезут его обследовать.

— Что ж, ты сама сделала свой выбор, — философски сказал Сварог неудачливой захватчице, когда ее, связанную по рукам и ногам, сносили по трапу. — Выбор привел тебя на стены Бездонного Дома. Когда-то и мы томились здесь неизвестностью. А нам, признаться, приходилось гораздо хуже. До самого горизонта не видно было ничего, кроме акул — зато акул было столько, сколько самый просоленный морской волк не видел за всю проведенную в одних плаваниях жизнь. Тебе легче. К тебе кто-нибудь обязательно придет на помощь... Ну, пиши, если что.

Кана что-то промычала в ответ. Вытаскивать кляп Сварог не стал — и так ясно, что не услышишь ни одного слова благодарности. Он повертел Ключ на пальце.

— Теперь будем думать, как попасть внутрь. Хотелось бы додуматься раньше, чем Острова ринутся отбирать у нас эту отмычку... А что-то устал я, Чуба, от военных действий...

— И что там внутри? — спросила Чуба-Ху.

Видимо, она считала, что у графа есть ответы на все вопросы, только он по каким-то своим причинам не торопится сразу все выкладывать на стол.

— Понятия не имею, Чуба, — честно сознался Сварог.

Его внутренне передернуло: кажется, вчера он точно так же стоял на гребне и смотрел на копошение акульих туш в океане. Океане, который поглотил Клади...

От стены зиккурата вернулись Рошаль и Олес.

— Поглядывайте по сторонам, орлы, не приближается ли кто.

Пока не приближались, пока Острова продолжали битву на волнах. Рубка там шла — будь здоров: над водой вырос высоченный, качающийся конус: это сплелись в ближнем бою сразу несколько жилищ... Сварог же и так и сяк разглядывал Ключ, пытаясь сообразить, как им пользоваться.

— Может быть, попробовать приложить его к чему-нибудь? — нетерпеливо предложил Олес.

— Или Кана нам соврала, никакой Двери в этой пирамиде нет... — обдал пессимизмом Рошаль. — Наверное, придется ее допросить как следует.

— Не-а, она не лгала, уж поверьте мне... И потом, сомнительно, чтобы в столь ответственный час ей назначили встречу где-то вдали от Цели. Просто вряд ли она знает много. Зачем посвящать ее, в какой части зиккурата располагается Дверь и как ее открывают? Лишний риск, что она единолично попробует воспользоваться Ключом...

— Да, верно, — мрачно кивнул Рошаль. — Так что же делать-то?

— Думать, охранитель, ду...

Так, стоп! Полированная поверхность Ключа вдруг пустила солнечного зайчика на Дом. Опаньки! До того мутный, ничего не отражавший треугольник словно превратился в зеркало. Сварог повернул Ключ к небу — поверхность опять замутилась, не желая ничего отражать...

— Видели?! — вырвалось у него.

— Что? Что? — Оказывается, никто не обратил внимания на любопытную особенность этой треугольной штуковинки в руках у капитана. Ну и ладно.

Сварог вновь развернул Ключ к зиккурату. Появилось отражение Бездонного Дома, но, на пер-

вый взгляд, никаких отличий от оригинала в нем не наблюдалось.

— Ах ты, Наваково вымя... — приглядевшись к манипуляциям командира, наконец и Олес понял, в чем фокус.

— Я сейчас. — Сварог энергично направился к «скату». — Только не за мной следите, за морем! Ясно?

Сверху всегда виднее — это вам любой бюрократ скажет, и Сварог с ним спорить не станет. Сверху виднее, даже если смотришь в зеркало: охват больше.

Он вскарабкался на крышу «ската», вставив олевский кинжал в одну из пулевых пробоин и воспользовавшись им как ступенькой. Сверху принялся осматривать зиккурат в зеркале Ключа, постепенно поворачиваясь по кругу.

И нашел-таки отличие...

Его отвлек залихватский свист Олеса:

— Какой-то куст ломится в гости, мастер граф!

Сварог поднял голову. Ну да — один островок, вырвавшись из свалки, мчался к ним на всех парах. Видать, то ли дамург, то ли варг сообразил, что происходящее на зиккурате сейчас гораздо важнее междоусобных распрей, и, оставшись в бою, можно остаться с носом.

Видит Бог, Сварог не хотел этого. Но выбора ему не оставили.

Он спрыгнул в воду, взбежал по трапу в «скат», на ходу в двух словах объяснив своим, что собирается делать, и рухнул в кресло — в котором уж не думал оказаться вновь.

«Скат» приподнялся над площадкой зиккурата ровно настолько, чтобы цилиндры оказались выше

стен. Сварог даже не стал втягивать опоры и поднимать трап. Морозящий фиолетовый луч ударил в разогнавшийся остров и прошил его от края до края, по всей длине. Жилище словно споткнулось на волнах, еще немного проскользило по инерции и замерло. Будем надеяться, на какое-то время остальных он тоже напугал. И Сварог вернулся к заждавшимся его орлам, чтоб продемонстрировать свое открытие.

Открытие простое. Отражения всех плит, из которых была сложена площадка, совпадали с их реальным видом: серые квадраты, поросшие зеленою водорослей. Все — кроме одной плиты.

Та единственная, непохожая на другие плита, отображенная Ключом, впрочем, и в реальности выглядела так же — но за одним маленьким отличием. Отличие — это круглое углубление, диаметром чуть шире руки, со скобой из светлого металла.

Подошли. Сварог, заглядывая в зеркальную грань Ключа, опустил руку в теплую океанскую воду, взялся за скобу, потянул наверх... Скоба выдвинулась из плиты на две ладони, дошла до упора, что-то щелкнуло — и край плиты поехал вверх, неторопливо и размеренно, как дверь с гидравлическим затвором, пока не застыл строго под прямым углом. В открывшемся взгляду проеме можно было различить только мерное колыхание белого тумана, словно накрытого тончайшей пленкой.

— Это и есть Дверь в... — Голос Рошаля дрогнул. — В другой мир?

Сварог пожал плечами.

— Вало рассказывал, что в приоткрытую Дверь неизменно наблюдалась одна и та же картина: выжженная солнцем степь. Значит, одно из двух. Или

это Дверь и есть, или Дверь где-то внутри зиккурата.

— Вода внутрь не затекает, значит, ее там и так полно. До краев, — сказал Рошаль. — И что же дальше?

— Вы-то, мастер Сварог, умеете дышать по-рыбьи, а нам как быть? — поджал губы Олес.

— Может быть, не все уж так печально. Вряд ли этот домик соорудили в расчете исключительно на умельцев дышать под водой. Сейчас и выясним. Как говорится в старом армейском анекдоте, не хрен думать, трясти надо...

И Сварог опустилсЯ возле проема на корточках. Над водой осталась одна голова. Он сел на край, свесил ноги вниз. И почувствовал, что носки касаются твердой опоры. Набрав побольше воздуха в легкие, утвердил ступни на невидимой за туманной завесой опоре, ощупал носком, что там впереди, нашел край, под ним — ступень, шагнул, еще раз шагнул, и достаточно уверенно и быстро начал спускаться в зиккурат.

Оказавшись под тем слоем, что выглядел сверху пленкой, Сварог выдохнул и вдохнул — выяснилось, что дышать можно свободно без всяческих магии и аквалангов. Воздух тут отличался от океанского — влажного, пахнувшего рыбой и йодом. Здешний воздух был сух и напрочь лишен ароматов. Сварог задрал голову — тот же туман, какой виден сверху, и больше ничего...

Потом он снова поднялся на поверхность.

— Короче говоря, порядок. Можно смело погружаться... Орлы, — Сварог смущенно потер переносицу, — дьявол меня побери, я только сейчас сообразил... Вернее, осознал. Ведь пути назад может

и не быть. Я имею в виду — в этот мир. А что ждет в другом... — Сварог развел руки. — Или, может, и будет путь назад, но — прямо в лапы к нашим приятелям с Островов. Значит, вот что можно сделать... В «скате» стоит автопилот, внутренний небесник... эта такая фиговина, которая сама может управлять «скатом». Я разберусь, как его настроить на полет и посадку. Заряжу его довести вас до фагорцев. Или, допустим, к галеону с золотом. Что скажете?

«Нет», — поочередно сказали все трое.

— Я не люблю возвращаться, маскап, — добавил Рошаль. — У той бабы, королева которая, голова правильная, у нее все получится...

— Вместе до конца, — сказал Олес, выпятил грудь и стукнул по ней кулаком.

— Давайте поторапливаться, граф, — Чуба с тревогой смотрела куда-то в сторону. — Позвольте обратить ваше внимание, что теперь два Острова несутся в нашу сторону.

— Как знаете, я вас не неволил, — решился Сварог. — Оглянитесь по сторонам, что ли — в последний раз, как-никак... Порядок следования такой: я, Чуба, Рошаль, Олес — замыкающим. Князь, на тебе эта плита, задвинешь ее за собой... Ну что, все? Вперед.

Какое-то время они двигались на ощупь сквозь белый туман. И, когда закончились ступени, туман рассеялся.

— Ну-ну... — сказал Олес, оглядываясь. — Вот, значит, что такое этот домина изнутри. Забавно... И куда дальше?

Оглядывались все. А эхо разносило по здешним углам и закоулкам слова Олеса «вот, значит-значит, что-вот-что-такое-такое», раскидывало их в

разные стороны, раздирало на слоги и на звуки «ку-да-а-ше-е-е», которые упругими мячиками еще долго скакали, отдаваясь, отдаваясь и очень долго никак не желая затихнуть и пропасть совершенно.

Они стояли на мозаичном круге радиусом метров пять. (Сварог поймал себя на том, что на ум приходят именно порядком подзабытые метры.) Черные и красные камни под ногами образовывали нечто похожее на циферблат часов, разве что делений было не двенадцать, а раз этак в пять больше. Под некоторыми из черных черточек, пересекающих красный фон, были выложены из черных же камней то ли иероглифы, то ли сильно на них смахивающие значки какой-то иной письменности. Мозаичный пятачок окружали идущие от пола до неразличимого, размытого и, возможно, несуществующего потолка тонкие ребра, между которыми имелись узкие просветы — разве что клинок можно просунуть плашмя. Будто очутился в центре пластинчатого гриба вроде сыроежки, и края пластин обступают тебя со всех сторон...

— Наверное, есть какая-то связь между этими рисунками на полу и... тем, что вокруг, — сказал Рошаль.

— Наверное, — кисло согласился Сварог. — Вот только как бы ее побыстрее отыскать...

Трудно было свыкнуться с эхом, в котором тонул и самый короткий разговор. Даже если говоришь шепотом.

Олес вдруг, никого не предупредив, сделал шаг вперед, к границе мозаичного круга и... пропал.

Нет, с облегчением разглядел Сварог, не пропал. Вот же он стоит, просто показалось... Крик-

нуть Олесу «Назад!» он не успел. Князь сам вернулся на мозаичный пятачок. Вышел спиной вперед и тут же крутанулся на каблуках, в глазах его плясал неподдельный ужас.

— Фу-у, вы здесь, слава Таросу! Я, признаться, испугался. Там... там... Навака его знает, что там. Город там и люди шастают. В одних этих... — он провел пальцем по талии, — в повязках на бедрах. И одноглазые все как один. Я шагнул — и попал в другое место, представляете! А если б еще шажок сделал, а не сразу махнул назад по своим следам... фу, даже не знаю, что и было бы...

«Дверь, — неожиданно понял Сварог. — Клянусь Таларом, это она, Дверь!!! И каждая щель — ни что иное, как выход в какой-нибудь мир!» Он ощутил, как зачастил пульс, и рывкнул на Олеса:

— Ну и нечего соваться, куда не знаешь! Я что, приказывал резвиться? Под арест бы тебя, сопляка...

Эхо мигом прокатило его слова, кажется, по всем закоулкам мироздания. После чего командир надумал повторить подвиг своего бойца.

— Стойте неподвижно. Я сейчас.

Направление Сварог выбрал чуть иное, нежели Олес. Едва нога наступила на край мозаичной площадки, узкая щель гостеприимно раздалась перед Сварогом, он шагнул в распахнувшийся проем и очутился...

Где угодно, только не на Димерее!

Он стоял на скалистом утесе, волнистая граница суши и моря уходила в туманную даль. Справа бушевал стобалльным штормом черный океан. Слева шквалистый ветер перекатывал по плоской мрачной равнине камни. Справа высилось в сумерках некое циклопическое строение с высочен-

ными, потрескавшимися колоннами вокруг явно церковного портала. Над головой проносились тяжелые, налитые утрюмой синью тучи...

Это иллюзия, вдруг понял Сварог, просто картинка чужого мира. Ветер не чувствуется, запахов никаких, звуков тоже. Только картинка — но в которой, похоже, можно заблудиться.

Сварог обернулся. Сквозь щель, такую же узкую, какой она представляла снаружи, из зиккурата, он видел черно-красные камни мозаики, чью-то руку...

Почему-то Сварог не сомневался: сделай он шаг влево — шаг вправо или же шаг вперед, и просвет, он же ориентир для возвращения, исчезнет, иллюзорная картинка сомкнется. И всю жизнь можно положить на поиски дороги обратно. Наплутаешься, как ежик в тумане, прежде чем выберешься на мозаичный кружок. Сварог, разумеется, предпочел не плутать по иллюзорным красотам штормового мира, а поступить по-олесовски — вернуться на исходную.

Поделившись с сотоварищами наблюдениями и умозаключениями, он закончил короткий монолог так:

— Вот ведь, блин, задачка... Что думаете, господа путешественники?

Пока господа путешественники размышляли, Сварог достал Ключ — может, эта штуkenция что-нибудь да подскажет... Повертел ее так и этак, направлял на разные объекты, поднес к мозаике — ничего. Шлифованная поверхность оставалась мутной, Ключ не нагревался, не катился колом по правильной дорожке — короче, помогать отказывался напрочь.

— А если наугад? — вдруг сказала Чуба.

— Наугад? — Сварог поднял на нее глаза. — Наугад... Что-то в этом есть...

И в памяти всплыло прибытие на Димерею, первый день его знакомства с Граматаром, первые люди, кого он встретил на чужом берегу. Слепцы. Это были слепые бродяги под предводительством уроды по имени Бедер. И последняя его фраза: «Мы еще увидимся, добрый господин». Сейчас фраза внезапно обрела плоть, и плотью этой стало озарение.

— Помолчите-ка, ребята. Замрите. И, как говорится, даже не думайте...

Сварог закрыл глаза. Тишина стояла полнейшая, оглушительная — несмотря на присутствующее вокруг неисчислимое количество отражений всяческих миров, несмотря на то что где-то наверху бродили по зиккурату победители морской битвы, может быть, обстукивали плиты, может быть, корежили «скат». Но единственный звук все-таки нарушал тишь. Треньканье колокольчика. Очень чистый, хоть и очень тихий звон. Будто где-то бродит буренка с серебряным колокольцем на шее или... колокольчик бренчит на груди слепца.

— Кажется, я понимаю, как нам быть, — сказал Сварог, и вслед за ним его уверенные слова повторило эхо.

— Пойдем на какой-то звук? Вы что-то услышали? — догадался Рошаль.

— Да. Поступаем так. Идем прежним порядком, но с закрытыми глазами, положив друг другу на плечи руку. Видели, как ходят слепые?

— Вам-то понятно — чтобы обострить слух, а нам зачем закрывать глаза? — поинтересовался

Рошаль, словно заподозрил какой-то подвох со стороны Сварога.

— Вы уверены в себе, мастер охранитель? Уверены, что не шатнетесь в сторону от испуга или удивления и не влезете с головой в какой-нибудь мир, а нам придется вас разыскивать? Или разве не может такого случиться, что вы увидите... нечто, что, скажем так, потревожит ваш разум?

— Допустим, уж за свой разум я совершенно спокоен, — Рошаль поджал губы. — А отвлекусь, сбиться с ноги, потеряться... да, это вполне возможно, согласен.

Когда-то Сварог провожал взглядом цепочку слепых бродяг. Теперь они сами точно так же двинулись сквозь отражения миров. Сварог возглавлял отряд, ступая неспешно, опуская ногу аккуратно, словно на болотную кочку. Часто останавливался, прислушиваясь, чуть поворачивая голову то влево, то вправо. На плече командира лежала рука Чубы.

Дело было даже не в том, что с закрытыми глазами лучше слышно, а в том, что с открытыми глазами колокольчика не слышно вовсе. Тонкое серебряное позвякивание тут же прекращалось, стоило поднять веки, словно кто-то вел с ними хитрую игру, и в этот самый момент по странным правилам игры придерживал язык колокольчика рукой.

Сварог все-таки несколько раз приоткрывал глаза. Сначала чтобы убедиться в том, что колокольчик действительно смолкает, когда зрение перебивает слух. Потом — к тому времени они уже изрядно покружили — Сварог просто не удержался и из любопытства приоткрыл один глаз.

В первом случае, едва подняв веки, он сразу же зажмурился от хлынувшего в глаза яркого света

и карнавальной пестроты красок. Оказалось, и в самом деле вокруг шумит карнавал. В каком-то мире под огромным, ослепительным светилом его обитатели веселились на бескрайнем поле. Всюду стояли шатры, палатки, длинные столы, грудились бочки, летали качели, музыканты наяривали на диковинных инструментах, рядом с ними прыгали-кружились танцы. И повсеместно люди братались с какой-то расой ящеровидных суиществ. Видимо, по этому поводу и был праздник. Мир после долгой войны — или первая встреча двух рас. Контакт, однако... А Сварога и компанию, кстати говоря, ни живьем, ни картинками тому миру не показывали. Никто не тыкал в их сторону пальцами, не поворачивал голов...

Открыв глаза во второй раз, Сварог увидел, что они пересекают по диагонали сумрачный высокий зал с колоннами вдоль стен, а вдали с трона сбегает некто маленький и круглый, в волочащейся мантии, принимается пинать бритоголовых людей в кожаных доспехах, ползающих по залу на коленях...

И ведь где-то среди этих отражений, возможно, затерялся и Талар...

Они ступали по ровному покрытию, скорее всего, по гладким каменным плитам, идеально пригнанным друг к другу. Вдруг колокольчик зазвенел громко и часто. И совсем близко. Сварог остановился, открыл глаза. Они стояли возле круглого отверстия в черно-красном мозаичном полу, и вниз вела винтовая лестница. Вот так-то, господа хорошие. Потайной ход. Как и почему открылся — сие загадка есть, которую оставим на потом, не до таких мелочей сейчас...

Спустились на следующий этаж. По одной стороне навстречу им поднимались нескончаемой вереницей их собственные отражения, по другой стороне такие же отражения двигались вместе с ними. Полчища отражений. Легионы. Мириады. В глазах зарябило от самих себя.

— Нам придется спускаться до самого дна этого... зиккурата? — громко спросила Чуба, голос ее срывался от напряжения. Вот кому приходится хуже всего... Впрочем, может быть, не так уж и хуже — в конце концов, нечисть по определению должна сплошь и рядом сталкиваться с такими вот выкрутасами реальности, на то она и нечисть...

— Ну откуда ж я знаю, — только и пожали плечами Сварог и его многочисленные двойники.

Эха на лестнице не было.

Отражения пропали, когда замыкающий их отряда, гаэдарский князь Олес сошел с последней ступени лестницы.

Второй этаж зиккурата встретил их опять же круглой мозаичной площадкой, которой лестница служила центром. Площадка была разика в два пошире, чем на верхнем этаже, и выложена светло-серыми и зелеными камнями. Рисунок, однако, повторялся прежний — хотя трудно сказать определенно, те же иероглифы выведены под делениями круга или другие.

Лестница дальше вниз не вела, этим этажом и заканчивалась.

— Тактика прежняя, — объявил Сварог. — Поскольку она работает.

— Мастер граф, дайте, прежде чем пойдем, дайте хоть глянуть на другую жизнь, — чуть ли не взмолился Олес. — Как в прошлый раз. Заскочу-

выскочу, одним глазом — и назад. Вы пока отдохнете.

— Значит, на слепом марше приказ не нарушал, молодец, хвалю.

— Ну как нарушишь! Вдруг обалдеешь от чего-нибудь, споткнешься и всех повалишь...

Сварог не стал публично каяться, что оказался менее сознательным, чем подчиненный, и милостиво разрешил:

— Валяй, князь. Только быстро и только одним глазом.

Олес быстро прошагал к пластинчатой веренице миров, похожей на меха гармошки, смело заскочил в наобум выбранный просвет, скрылся с глаз. И спустя секунд пять выскочил оттуда, словно в него плеснули помоями.

— Там Атар! — горячечно зашептал Олес, подбежав к остальным. — Матерью клянусь, Атар! Жемчужный Дворец в Шадтаге! Я там бывал, да ни с чем этот дворец не спутаешь! И если б один дворец! Нос к носу столкнулся с Пастегом Третьим — вылитый, совсем такой, как на портретах. Он здесь, за стеной, живой, принимает послов — вроде бы вильнуурцев... А ведь Пастег умер сто с чем-то лет назад!

— Да, Пастег умер, — угрюмо подтвердил Рошаль. — Зарезала любимая дочь — в отместку за то, что против ее согласия выдал замуж за бадрагского принца...

«Ну? И что это означает? — думал Сварог, вновь ведя отряд за тихим серебряным звоном колокольчика. — Картинки прошлого? Откуда и зачем? Или Олес что-то напутал?»

Со вторым этажом повторилась та же история: колокольчик зазвенел громко и часто, когда неиз-

вестный поводырь вывел их к винтовой лестнице, а лестница привела на третий, считая сверху, этаж.

Третий этаж отличался от первых двух. Не только тем, что на мозаичный пол ушли камни цвета сосновой смолы и спелой вишни, да и выложенный ими рисунок был иной — сложный узор из иероглифов, лепестков пламени и звезд... Сразу от последней ступени лестницы начинался пятикаймовой ширины коридор, по обе стороны которого мехами гармошки протянулись знакомые уже выходы к иным мирам. Коридор начинался от лестницы и упирался в камень высотой в два человеческих роста, суживающийся кверху. Форма камня в точности совпадала с формой Ключа, и смотрел он в коридор точь-в-точь такой же шлифованной гранью, как у Ключа, гранью точь-в-точь такого же стального отлива и тоже мутной. При таких совпадениях неоткуда было взяться сомнениям. Камень, часть которого сжимает в ладони Сварог, — это и есть искомая Дверь.

Дверь.

Дорогу до Двери Сварог ощущал, как проход по космодрому от автобуса к люку ракеты. Волнует, прах побери, пугает и щемит.

Когда до цели оставалось шагов пять, Сварог увидел, что сквозь мутную серость лицевой грани проступают очертания. Степь, выжженная солнцем земля, никакой растительности... Все, как рассказывал Вало.

— Граф!..

Сзади вдруг раздался придушенный хрип.

Сварог резко обернулся.

Олес катался по полу, выгибаясь дугой, пытался разодрать на груди комбез дамургов. Чуба стояла

рядом на коленях, помогала князю, рвала ногтями черную ткань, быстро покрывающуюся складками. Рошаль, хрипя, оседал, запустив пальцы за ворот.

Сварог бросился к ним... и — уловил движение за спиной. Повернулся, выхватывая из-за пояса шаур.

Из просветов, за которыми таились миры-иллюзии, вышли мастер Вало и несколько человек в лиловых одеждах слуг дамургов, с «клюками» наперевес — теми самыми, которыми был вооружен отряд варгов, попавших в плен сумасшедшего компьютера.

— Выходит, вы сняли риксу. Что ж, умно, — приветливо сказал предводитель дамургов. — Примите похвалу вашей предусмотрительности. Мне нравятся сильные противники. — Перед ним по мозаике пола проворно полз длинный, толщиной в телефонный кабель... змея — не змея, шланг — не шланг... прут, да, прут, один конец которого нащупывал дорогу, другой обмотал запястье руки Вало. Живая плеть, мать ее, еще одно оружие дамургов.

Дьявол, все-таки костюмы этих гадов оказались с подлой начинкой! Удушающей!

— Чуба, стой на месте! — крикнул Сварог, не поворачивая головы, — услышал скрип мутирующих костей и понял, что волк сейчас ринется рвать врагов в клочья.

Стрелять из катрала бессмысленно, сволочной Вало наверняка подготовился к такому повороту, шаур, может, и достанет, но Рошаль с Олесом этим не спасешь, задохнута!

Оставалось только одно...

Сварог опустил на колено, коснулся Ключом пола и занес над ним ногу.

— Вот и кранты вашей Цели, Вало! — сказал он. — Скоренько освобождайте моих друзей. Ну! — и вдруг рявкнул во всю глотку: — Раздавлю в крошево к чертям свинячьим, ну!!!

Сварог опустил носок сапога ниже. Еще чуть-чуть — и нога наступит на вожделенный Ключ.

Он не знал, насколько прочен треугольный камень, но ведь и Вало этого не знал! Однако Сварог готов был идти до конца, и Вало не может этого не испугаться.

— Слушайте, это же глупо... — Из голоса предводителя дамургов куда-то пропал самоуверенный тон.

— Быстро! — приказал Сварог. — Считаю до двух. Раз...

Нет, такого, чтобы Ключ, мечту о котором дамуги и прочие варги тысячелетиями передавали от поколения к поколению, хрустнув, пропал для всех, пропал без пользы, пропал на глазах в одном шаге от Цели, — такого Вало вынести не мог.

— Все, все, — главный дамург поднял свободную руку, — оглянитесь. Я отпустил их. Риксы перестали сжиматься.

Сварог быстро обернулся. Да, не соврал. Оба, и Рошаль и Олес перестали извиваться в агонии и рвать на себе одежду — они устало поднимались с пола, тяжело дыша и кашляя.

— Ну что вы за человек, а? — огорченно покачал головой Вало. — Зачем вам эти... На вашу-то жизнь никто не покушается! Хотя вы и хотели обмануть меня, мастер Сварог. Забрали Ключ и пытались воспользоваться им сами.

— Неужели вы сдержали бы условия договора? — Сварог поднялся с колена, но в любой момент готов был восстановить позицию.

— Скажу больше: я готов выполнить свою часть договора — даже после того, что произошло. Мне, признаться, все равно, кто будет править этими людишками на Граматаре. — Вало передернул плечами. — Так что почему бы не сделать вас царем царей. Получите все, что я вам обещал. Вы отдадите мне Ключ...

— А вы меня убиваете, а заодно и моих спутников, — dokonчил мысль Сварог.

— Бросьте, — поморщился Вало. — Зачем мне ваша жизнь, а тем более жизнь ваших... спутников.

— А не вы ли только что собирались нас убить?

— Чтобы наказать заслушание. Ведь будь я более доверчив, не знай я досконально человеческую породу, сидел бы сейчас в Древе, ждал бы вашего возвращения.

— Моего? — ехидно переспросил Сварог.

Оправившиеся Рошаль и Олес подошли к капитану, встали рядом, — со шпагами наголо. Чуба, dokonчив все-таки, несмотря на окрик Сварога, обращение, мягко вышла вперед. Прижав уши к голове, гуап обнажил могучие клыки в оскале и тихонько так, по-кошачьи, урчал. Слуги Вало явственно занервничали — им впервой приходилось столкнуться с оборотнем.

— И вашего тоже, — вздохнул мастер Вало. — Мне все равно, от кого я получу Ключ... Да поймите же вы наконец, я обязан был подстраховаться... А где Кана, кстати?

— Наверху, связанная, вас ждет.

— Связанная, наверху... — задумчиво проговорил Вало. — Значит, она попыталась завладеть Ключом и ей это не удалось. Она раскрыла себя?

— А вы, выходит, знали, кто она? — усмехнулся Сварог.

— Ну вот, вы и сами убедились, что нас окружают враги. Кому тут можно доверять? Разумеется, я подозревал, что Кана ведет двойную игру. И использовал ее вслепую. Мне необходимо было убедить через нее варгов, что ваш отряд — единственный, кого мы послали за Ключом. Это развязывало руки остальным.

— Ну так ваша приманка сработала. Варги шли по нашим следам. Их, кстати, это и погубило — они слишком уж педантично следовали за нами. И забрались туда, откуда выйти уже не смогли... Остальные, вы сказали? Так их было несколько?

— Да, несколько тагоров. Лично моих тагоров, о существовании которых знал только я, и один даже наделенный знаниями Древней Магии... Значит, удалось не им, а вам...

Вот такой спокойный разговор вдруг пошел у Сварога и Вало. Они заполняли пустующие клетки, словно подводя итоги своему пребыванию здесь. Только кому суждено уйти, кому остаться?

— А если бы я все же двинулся к Древу? — спросил Сварог. — Признаться, туда я и направлялся, да вот ваша Кана несколько спутала карты.

— Вас с Ключом или Ключ без вас верные мне слуги все равно доставили бы сюда. Самое разумное, согласитесь, поджидать возле Двери. В любом случае тот, кто завладеет Ключом, рано или поздно явился бы сюда.

— А вы не боитесь, что дамурги проиграют битву? — спросил Сварог.

— Битву? — удивленно вскинул брови Вало. — Какую битву?

— Наверху идет бой.

— А! — рассмеялся дамург. — Варги все-таки напали.... идиоты. Не думал, что они решатся...

На мгновение лицо Вало омрачилось каким-то неприятным раздумьем, потом он тряхнул головой.

— Так чего же вы хотите, мастер Сварог?

— Я хочу пропустить вас к выходу из Бездонного Дома, — предельно правдиво ответил Сварог.

— И самому воспользоваться Ключом? — Вало натужно хохотнул. — Это же безумие, граф! Что вы станете делать там?!

Он показал большим пальцем себе за спину.

— В безводной, безжизненной степи? Вы же не готовы! Вы погибнете сразу или, что для вас еще хуже, не сразу, будете умирать мучительно. И погубите своих людей, за жизнь которых столь похвально беспокоитесь.

Ага, Вало хочет посеять раздор среди экипажа. Ну уж что-что, а это у мастера демагога не пройдет.

— Вы же не жили мечтой об уходе. Вы жили мыслями об этом мире, о том, чтобы возвыситься здесь. Ну так и воплощайте свою мечту! Становитесь королем Граматара, проживайте оставшиеся годы в роскоши, в обожании подданных. Вы сможете осуществить любую свою прихоть, вы это понимаете? Абсолютная власть! Что вам еще надо?!

Самое печальное, что он несколько не лгал.

— Мне надо, чтобы вы, мастер Вало, покинули Бездонный Дом, — сказал Сварог.

— Хорошо, — Вало устало провел ладонью по лицу, — хорошо... Если вы хотите уйти, то давайте уйдем вместе. Давайте я отправлю своих людей за остальными дамургами на Древо, там уже собрано все необходимое для переселения. Древо вот-вот

подойдет к Бездонному Дому, и мы все вместе уйдем за Дверь... Согласны?

— И вы не боитесь, что ваших гонцов на Древо перехватят варги? — удивился Сварог.

— Не перехватят. Никаких гонцов не будет. Просто пошлют с вершины этого Дома условный сигнал — есть способ... Не в этом дело, мастер Сварог. Вы согласны или нет?

— Я б ушел вместе, — вздохнул Сварог, — но когда-то я пообещал мастеру Ксави, что не прощу дамургам гибель большей части экипажа «Серебряного удара» и гибель женщины по имени Клади. Вы не жалели моих людей ради вашей Цели. Теперь пришла моя очередь. Чтобы восстановить справедливость.

— Как в ы ее понимаете...

— Как я ее понимаю.

— Безвыходная ситуация, — от отчаяния Вало потряхнул своей плетью, пустив по ней волну. — Вы не отдаете мне Ключ, я не пускаю вас к Двери. Блестяще! Просто великолепно... И как нам быть? Сколько это будет продолжаться?

Мастеру Вало не хотелось драться, потому что он боялся за свою жизнь. Лоб покрылся морщинами — он лихорадочно искал обходные пути. Сварогу тоже не хотелось драться, потому что без потерь будет не обойтись, но и он не видел другого выхода. Вало прав: типичный, тривиальнейший пат.

— Давайте выставим поединщиков, — без особой надежды предложил Вало.

— Еще монетку предложите кинуть, — Сварог покачал головой. — Не годится. Хотя... Идея поединка само по себе не плоха. Если поединщиками

будем я и вы. Решим наш спор между собой. Поковбойски, так сказать.

— Послушайте, — почти взмолился Вало, — ведь вы же разумный человек...

Яркое искрящее сияние заставило Вало и его людей обернуться, а Сварога и его людей поднять головы.

Из шлифованной грани треугольного камня с проступающими сквозь нее контурами степи просунулась гигантская голова ящера на длинной чешуйчатой шее. Звякнули, коснувшись пола, когти на массивных, как пни вековых дубов, лапах. Туловище, покрытое искрящейся серебристой чешуей, заполнило собой все пространство между людьми и Дверью. Но оставленного места дракону было мало, и задняя часть его туловища, а также крылья, задние лапы и хвост остались там, за Дверью.

— Рихар... — услышал Сварог восхищенный выдох Олеса.

Вало и его люди инстинктивно сделали шаг назад. Они не пытались скрыться в картинках миров, вид бесшумно наплывшей оттуда, нависшей над ними громадины парализовал их, приковал к месту.

Сварог тоже остался на месте — ни единый, даже самый слабый звоночек не указал на опасность.

Может быть, никто из них не двинулся по другой причине — потому что остановилось само время. Откуда-то нахлынуло такое ощущение...

А следом за драконом, пройдя как бы сквозь него, из Двери вышла Клади.

— Bravo. Мои поздравления, граф, — сказал дракон глубоким, чуть хриплым голосом, но таким

громким, что, казалось, дрогнули сами стены зик-курата. И Сварог узнал его, узнал этот голос. Именно его он и слышал, когда валялся без памяти после обстрела броненосца зелеными соплями. — Вы таки добрались сюда...

Сварог молчал. Он смотрел на Клади. Клади смотрела на него и улыбалась, немного смущенно.

— Наконец я вижу вас в замешательстве... — Дракон оскалился, что запросто могло сойти за усмешку — совсем как у довольной собаки, и между треугольниками ослепительно белых зубов мелькнул ослепительно алый раздвоенный язык. Его дыхание нельзя было назвать зловонным — пахло скорее медициной. — Мне удалось удивить вас, граф?

Сварог с трудом оторвал взгляд от Клади и посмотрел на дракона. На рихара. Дракон, совсем по-лошадиному, чуть повернул голову, и на Сварога уставился выпуклый блестящий глаз размером с суповую тарелку, Сварог разглядел свое искаженное отражение — как в кривом зеркале.

— Ну? — устало спросил он. Удивляться сил уже не было. — А ты кто такой?

— Люди называют нас рихарами и считают нас мифом, — услужливо ответил дракон. — Но, как вы видите, мы несколько больше, чем миф.

Каким манером он разговаривал, Сварог так и не понял. Дракон продолжал усмехаться, однако слова, почему-то без участия губ и языка, исходили явственно оттуда — из чрева прекрасного в своей чудовищности, в своей нечеловечности существа.

— Здравствуй, — сказала Клади.

— А ты кто? — спросил Сварог.

— Я Клади, помнишь еще? — слабо улыбнулась она.

В воздухе коротко просвистело — и плеть Вало щелкнула по шее рихара. Дракон лениво повернул голову и посмотрел на взбешенного предводителя островитян.

— Вы что-то надо от меня, мастер Вало?

— Прочь с дороги! — рявкнул Вало и вторично замахнулся кнутом. — Рихар ты или не рихар, да хоть сам Ловьяд! Ключ мой!

Кнут опять беспомощно ударил по телу дракона.

— И опять же — интересная ситуация, — невозмутимо сказал рихар. — Итак, теперь все в сборе, как мы и предполагали... Двое претендентов на обладание Ключом, на право выхода на Тропу... Кому же отдать предпочтение, а? За вас, граф, было замолвлено словечко, — а вы, мастер Вало, столько лет готовились к этому моменту... Обычно мы не вмешиваемся в дела людей, однако сейчас случай неординарный. И его исход может повлиять на мировые линии... Что ж, мастер Сварог, теперь вы видите картину этого мира целиком. Теперь вы понимаете?

— Что именно?

Сварогу смертельно надоели все эти «интересные ситуации». Он переступил с ноги на ногу, оглянулся на своих спутников. Спутники смотрели на рихара, ожившую легенду, раскрыв рты.

— Что представляет из себя Димерея, — ответил дракон. Махнул исполинской башкой и прикрыл глаза матовой мембраной. — И все миры в целом. Что над каждой властью есть своя власть. Что нет никакой пустыни там, за Дверью, — там есть м и р ы, похожие друг на друга, как отражение

в зеркале. И что здесь в Дверь могут войти только те, кто вместе. Понимаете?.. Впрочем, сейчас это не важно. Некогда, когда вы только-только покинули прошлый континент, мы предлагали вам вернуться на Талар — при определенных условиях. Теперь же нам стало понятно, что условия эти, как говорится, погоды не сделают. И положение вещей не изменят. И теперь остается одно: решить, кто пройдет в Дверь — мастер Вало или мастер Сварог.

— Так, погодите. — Вало опустил бесполезный кнут. Он снова был собран и внимателен, снова прокручивал в уме варианты. — Постойте, кто бы вы там ни были. Ключ принадлежит мне. Это я добыл его...

— Ключ принес граф Сварог.

— С моей помощью! По моему... по моей просьбе!

— Это не важно. Кому из вас входить в Дверь — вот в чем вопрос... — Глаза рихара открылись. — Двоим вам там делать нечего. Вы настолько разные, что Дверь пропустит только одного из вас. А другого — лишь через пятьсот лет...

— Я — старший дамург, — очень спокойно сказал Вало, — я готовил уход сто восемнадцать лет. Мои люди ждут, когда откроется Дверь, они верят мне. Идти должен я.

— Вы с самого начала ошибались, — мягко сказал дракон. — Вам не найти вашу пустыню. Вы заблудитесь среди Иномирья... Впрочем, и вы, граф, вряд ли отыщете дорогу домой, если, конечно, не... — Он пошевелился, и по сверкающей чешуе побежали радужные волны. — Вы что-то говорили про поединок, граф? Да будет так. Мы приняли решение.

И Сварог провалился во тьму.

Глава восемнадцатая

Исход

...Где-то очень, очень далеко играл клавесин. Мелодия исполнялась с легкой поволокой грусти — мелодия ранней осени.

А вокруг медленно, как снег в тихую погоду, падали камни. Самой разной величины. От размеров с кулак и даже мельче до вполне приличных валунов... нет, попадались и еще крупнее — вон вдали опускается каменяга вообще астероидных размеров. Но и огромные камни — Сварог попробовал — можно легко отбросить рукой.

Каменный снег шел нескончаемо, местами густой, местами редкий. Камни падали по всей Вселенной, падали на фоне беззвездной ночи, на фоне не знающей ни дня, ни ночи мглы. Но чтобы видеть, «кошачий глаз» не требовался. Сварог парил в воздухе, управляющая камнепадом сила вниз его не увлекала. Граф Гэйр мог свободно летать меж «снежинок». Правда, чтобы полететь... да нет, чтобы просто сдвинуться с места, необходимо было оттолкнуться от одного из этих камней. Поток — вот первое, что пришло Сварогу в голову, но очень скоро он понял, что никакой это не Поток. Где звезды, где, скажите на милость, движение? Взглянул вверх и убедился, что прав. Ему удалось отчетливо разглядеть высоко-высоко над головой воронку, из которой вылетали камни и потом уже разлетались в разные стороны.

Это что-то напоминало...

Что-то до боли знакомое...

Ну разумеется! Песочные часы! Как песок, что перетекает из верхней колбы в нижнюю, откуда-то высыпались камни.

Оказавшись в этом, мягко говоря, странном месте, Сварог обнаружил на себе доспехи. И сие его ничуть не удивило. Сварог осмотрел себя. Нагрудник в виде выгнутых пластин, чашки наплечников, налокотники с короткими острыми шипами, пластины, прикрывающие бедра и голени, наколенники, остроконечные сапоги — все из легкого прочного металла, все начищено до зеркального блеска. Все идеально подогнано под фигуру неизвестными мастерами, словно у них было полно времени примерять, переделывать, подправлять... Впрочем, как понял Сварог, у обитателей зиккурата свои, особые отношения со временем, так что здесь возможно все. Голову и шею защищал шлем из чешуйчатой кольчуги, из такой же кольчуги были сделаны перчатки. Лицо закрывала тончайшая, тоньше паутины, крупноячеистая сетка. Сварог дотронулся до нее — проволока обладала прямо-таки титановой жесткостью.

А вот оружия не выдали. Более того: шаур и катрал отсутствовали. Стало быть, секунданты уравнивали шансы сторон.

Не приходилось сомневаться: где-то здесь находится и Вало. Их не сразу свели в поединке, им давали время привыкнуть, освоиться.

И Сварог начал привыкать, начал осваиваться. Оттолкнулся ногами от проплывавшей мимо каменюги, похожей на надгробную плиту. Плита полетела в одну сторону, Сварог — в другую. Камень столкнулся со вторым камнем, размером с доброго коника, сбил его с траектории, направил новой дорогой, на новые столкновения. А Сварог, получив начальное ускорение, схватил случившийся по пути булыжник, бросил его от себя и, тем самым,

еще добавил скорости. Что ж, неплохо придумано, так можно разогнаться и до свиста в ушах — если это зачем-то понадобится...

Невдалеке он заметил монолит величиной с пьедестал Медного всадника и скорректировал свой полет в его сторону. Добравшись до намеченного камня, вцепился пальцами в выступ на его поверхности и остановил себя. Потом перебрался на спину валуна и попробовал встать на ноги. Получилось. Кроме того выяснилось, что он, стоя на камне, словно удерживаемый силой его притяжения, плывет вниз вместе с ним.

Итак, вырисовывались две стратегии предстоящей дуэли: во-первых, сойтись в ближнем бою и биться на руках, во-вторых, пользоваться камнями на расстоянии и вблизи.

Сварог не в первый раз огляделся и — на этот раз среди камней блеснул металл. Сварог направился в ту сторону.

Вало был в таких же, как Сварог, доспехах. И он тоже заметил противника. Они начали сближаться.

Судя по тому с какой решительностью главный дамург сокращал дистанцию, ему не терпелось добраться до вражьего горла и устранить последнее препятствие к Ключу. Прямо-таки торпедой летел навстречу мастер Вало.

Вдруг, словно испугавшись собственной решимости, он свернул в сторону, с силой толкнул средних размеров валун и вновь вышел на прямую, ведущую к Сварогу. Камень, направленный его рукой, ударился о другой камень, тот тоже врезался в какой-то булыжник. Дальше Сварог не смотрел.

И зря.

Мощный удар в спину швырнул графа Гэйра вперед, и на мгновение в глазах помутилось.

Этому сукину сыну на бильярде бы играть, королем кия стал бы. Как, собака, сумел просчитать, что куда полетит и обо что ударится?..

Сварог кувырком в воздухе вернул себя в исходное положение и... И только и сумел что еще чуть отклониться.

Маневр был задуман мастером Вало великолепно. Сбить с позиции, вывести на мгновение-другое из ситуации, самому набрать скорость и, налетев, решить исход боя одним-двумя ударами. Вот такая вот простенькая комбинация «двоячка» — и она ему удалась... Ну, почти удалась.

Выдрессированная десантной службой реакция спасла Сварогу жизнь. Он все-таки чуть уклонился, и удар шипастым локтем, нацеленный в незащищенную доспехами шею, пришелся по прикрытой пластиной ключице. Поэтому Сварога всего лишь откинуло в сторону, но он остался и в живых, и в сознании.

Хитроумный мастер Вало не бросился добивать Сварога. Он опасался ближнего боя с физически более развитым соперником. Вало, толкаясь о встречные камни, стремительно разрывал дистанцию.

Где-то очень, очень далеко клавесин продолжал вести мелодию легкой осенней тоски. И под звуки прощания и неизъяснимой грусти Сварог кинулся в погоню за Вало.

Странная это была погоня. Два человека придавали ускорение своим закованным в сверкающую броню телам, отгалкиваясь от бесконечных

камней, и скользили меж ними под звуки старинного инструмента. Оба легко приняли правила чьей-то игры, так же легко приняли реальность этого фантастического места. Но сейчас каждого из них интересовало лишь одно — победа над соперником.

Вало, наверное, смог бы оторваться от Сварога на достаточную дистанцию и смог бы возобновить свои бильярдные комбинации, но он допускал ошибку — слишком часто оглядывался и отвлекался на выталкивание камней навстречу Сварогу.

И вот их разделяют считанные каймы. Сварог уже не сомневался, что через вздох-другой он настигнет Вало, когда дамург, развернувшись, двумя ногами запустил разделявший их камень в грудь графу Гэйру. Валун с овчарку величиной прервал разбег Сварога, оставив в нагруднике вмятину.

Видимо, мастеру Вало показалось, что противник ошеломлен таким поворотом их дуэли. И он решил развить успех. Схватил булыжник и ринулся в атаку.

Сварог подставил под размашистый удар локоть, булыжник выпал из разжавшихся пальцев и поплыл своим путем. А граф Гэйр ухватил мастера дамурга за плечи и вбил лобовую броню шлема в сетчатое забрало противника.

Сверху наплывало темное тело — каменище размером с космическую станцию. От удара сцепившихся тел эта плывущая скала стала медленно, словно с неохотой поворачиваться вдоль своей оси. Противники, скребя доспехами по неровностям монолита, душили друг друга.

Сквозь сетчатое забрало сверкали два горящих угля — раскаленные ненавистью глаза Вало. Паль-

цы у дамурга оказались на удивление сильными. Или это злоба и отчаяние умножали его силы?

Противники, поворачивающиеся вместе со скалой, поочередно вбивали друг друга в ее каменное тело. И продолжали сдавливать незащищенные доспехами шеи.

У Сварога уже помутнело в глазах. Он костил себя последними словами, что ввязался в это состязание по удушению, как думалось, с более слабым противником. Ни хрена себе — слабый! Но переиграть невозможно. Придется побеждать по этим правилам...

Лар, защищенный магией, твою мать. Советский десант, блин, майор фигов. И даст себя придушить хрен знает где, в каком-то безвременье, украшенном дождем из бульжников, под занудное треньканье клавишина! Херня какая-то, как говаривал Пэвер...

Ярость не могла не вызвать впрыск адреналина в кровь. В пальцы, как резервные полки из засады, хлынули добавочные силы, последний натиск, яростный штурм, навал и...

И — Сварог почувствовал, что пальцы Вало отпустили его шею.

Тело в блестящих доспехах поплыло вниз со скоростью безжизненных камней.

Фу... Кретинская дуэль, подумал Сварог. Самый идиотский поединок в его жизни. И мастер Вало... Вряд ли он ждал от жизни такого дурацкого финала...

— ...Ваш спор разрешен, — прозвучал над графом Гэйром граммофонный голос.

Сварог нашел себя сидящим на уже знакомом мозаичном полу. Бравый экипаж — Рошаль, Чуба,

Олес — стоял чуть поодаль, напряженный и внимательный. Он разминал шею и попытался отдышаться. Первое, что он увидел, подняв голову, — это была пасть дракона и скачущий между треугольных зубов красный раздвоенный язык.

— Ясный хрен, разрешен! Я знал, что маскап победит! — раздался громкий возглас Олеса. — Не могло быть иначе!

Сварог поднялся, обнаружив, что пропали доспехи, зато вернулись шаур и катрал. Над безжизненно распростертым телом мастера Вало склонились слуги в лиловых одеждах. Потом слуги посовещались, подхватили хозяина и, то и дело испуганно оглядываясь, понесли к лестнице.

— Теперь это твое, — сказала Клади, подходя и протягивая Сварогу Ключ.

— Ты живая? Ты... Клади?

Сейчас Сварог безо всякого удивления принял бы и положительный, и отрицательные ответы.

— Я Клади, и я живая, — улыбаясь, ответила она голосом той Клади.

— А остальные? Кто утонул с тобой на броненосце, они тоже спаслись?..

— Они утонули, — помрачнела баронетта.

— Признаться, я мало что понимаю... Вообще ни хрена не понимаю, признаться, — резко сказал Сварог. — Тут курят, в этом Бездонном Доме?

— Можешь курить. Это не бездонный дом и не зиккурат, как ты его называл. И не Храм, как мы когда-то полагали. Мы называем это Зеркальной Осью Времени. Здесь, в мире Димереи, она отражается в виде здания, которое ты называешь зиккуратом... Ладно, будем называть это место так, как ты привык.

— Мы?..

Да, голосом и лицом эта Клади ничем не отличалась от той. Но сейчас говорила не та Клади, не ее слова, не ее интонации... Не ее глаза, в конце концов. Глаза у той были... живые. У нынешней же... Вот точно с таким сочувствием, под которым сами от себя маскируют презрением к несмышленишам, иконы смотрят на людей.

— Я понимаю, что тебя должны нервировать любые упоминания о деревьях, но все же не могу избежать подобного сравнения... Представь себе некое древо, чей ствол пронизывает мироздание и до каждого из сущих миров дотягиваются его ветви. Оно создано для того, чтобы сохранить каждое мгновение, перестающее быть настоящим и проваливающееся в прошлое, — сохранить хотя бы в отражениях. Ничто не должно безвозвратно утрачиваться.

«Неужели она могла так искусно притворяться? С первого дня знакомства? И она все знала наперед?» — думал Сварог, подавляя в себе нарастающее раздражение. Он чувствовал себя обманутым.

— Зиккурат, — говорила Клади, — состоит из ярусов, или Шагов. Каждый Шаг — глубиной в век. А мы — Хранители Храма.

— И сколько здесь этажей? — Сварог воспользовался разрешением и закурил. Пальцы дрожали. Клади снова улыбнулась.

— А у времени есть начало?

— Понятно. — Сварога еле сдержался от резкости, он уже из последних нервов переносил эту ее новую, снисходительную манеру разговора. — И ты тоже — Хранитель?

— Теперь я Хранитель.

— С какого же времени? — спросил он.

— С того времени, как поняла это.

— И когда ты поняла это? — спросил он.

Она не успела ответить — вмешался дракон:

— Мастер Сварог, позвольте мне кое-что объяснить. Я — Старший Хранитель. Люди зовут нашу расу рихарами — волей обстоятельств и нашим собственным выбором когда-то давным-давно мы стали Старшими Хранителями. С некоторых пор в Младшие Хранители мы берем людей... Нет, неверно сказано: «берем». Будущего Хранителя избирает Жребий. Раз в пятьсот лет. Раз в пятьсот лет на смену одному Младшему Хранителю должен прийти другой.

— Раз в пятьсот лет? — вырвался у Рошалья вопрос.

— Да, вы правильно установили взаимосвязь, — дракон чуть наклонил свою огромную голову. — Раз в полтысячи лет на планету приходит Тьма. И Приход Тьмы вынуждает Младшего Хранителя в мире Димерея отойти в иной мир. Тогда Великий Жребий Времени выбирает нового Хранителя. Это должен быть ребенок, родившийся в год первого предзнаменования Прихода Тьмы, в день Закрытой Луны, в час Осы. Хранитель отмечается при рождении Живым Знаком Хранителя. После Прихода Тьмы Знак раскрывается, и человек узнает тайну своего рождения и предназначения.

— Это выглядит как родинка на левой груди, — не опуская глаз сказала Клади.

Да, Сварог помнил эту родинку...

— Родинка исчезла, а вместо нее в меня вошло Знание, — тихонько продолжала Клади. — Это бы-

ло похоже на пробуждение после сна... Знаешь, бывают такие сны, которые принимаешь за явь. Но потом ты просыпаешься, ночные видения отступают все дальше, и ты понимаешь: все что было с тобой до того — сон, а настоящая жизнь только начинается.

— Когда же именно ты... пробудилась? — спросил Сварог.

— Это случилось после боя с гидернийскими броненосцами — когда «Удар» направлялся к зиккурату.

— Ты тогда знала, что случится? Что «Серебряный удар»... утонет?

Клади кивнула.

— Я ничего не могла изменить. Я уже стала Хранителем, мне открылось полное Знание. А Хранители не имеют право вмешиваться в жизнь людей.

— Да? — Сварог отбросил окурок. — Разлетелись по мозаичному полу алые искры. — Если мне не изменяет память, вы давеча вмешались в наш с мастером Вало частный спор...

— Здесь управляем мы. Мы вправе вмешаться, если сочтем вмешательство необходимым, — опять взял слово дракон (он же рихар). — Мы никого не приглашаем к нам, но если к нам приходят, то оказываются на территории наших законов. В этот раз мы вмешались, чтобы спасти жизни людей, которым еще не время умирать. Посмотрите, что было бы, не вмешайся мы...

Между драконом и Сварогом возникло что-то вроде прозрачной пленки, и на ней появилось изображение. Сварог узнал себя и своих спутников, перед которыми стоял Вало, сжимая живую плеть.

— Если поединщиками будем я и вы. Решим наш спор между собой, — говорил Сварог на экране.

— Послушайте, — почти взмолился Вало, — ведь вы же разумный человек...

Далее должен был из Двери показаться дракон. Но — нет. Вместо этого опять зазвучал голос главного дамурга:

— Вы должны понимать, что такое взаимовыгода и вынужденный компромисс. Я вынужден признать, что без вас мне не открыть Дверь. Но и вы признайте, что без моей помощи вы не сумеете остаться живым в непригодном для жизни месте.

— Вы плохо знаете людей, потому что никогда не интересовались никем кроме себя. Люди руководствуются в своих поступках не только соображениями голой выгоды, мастер Вало. Есть еще некая материя, именуемая чувствами. Чувство ненависти, чувство...

Но Вало не дал Сварогу договорить. Его плоть вылетела вперед, распрямляясь и вытягиваясь копьем. Плоть нацеливалась тонким и острым, как спица, наконечником пробить графу Гэйру сердце. Однако Сварога и его сердца на месте не оказалось — Сварог отпрыгнул, упал, в падении нажимая на курок шаура. Серебряная звездочка стукнулась о грудь мастера Вало и отскочила, не принеся вреда. Прочная ткань его одежды, вот почему дамург без боязни выходил под шаур...

Сварог, более не тратя бесценных мгновений на стрельбу, рванул к мастеру Вало. Навстречу ему, конечно, бросились слуги в лиловых одеждах. Одновременно ринулись в бой Олес, Чуба, Рошаль.

Сварог понимал, что живая плеть должна догонять его. Поэтому, перехватив руку с кинжалом и вывернув ее, граф Гэйр развернул слугу спиной навстречу ветви-копью. И точно — в спину, прикрытую лиловой тканью, вонзился растительный наконечник. Сварог отбросил от себя труп, в прыжке ногой достал в голову еще одного слугу — и оказался перед главным дамургом.

Сварог, тот, что наблюдал за происходящим на экране, увидел, как выдернулась из спины слуги плеть, как она разворачивается острым жалом на него, экранного. Какой-то миг — и жало вопьется уже в спину графа Гэйра...

Сварог наблюдающий испытывал странное ощущение — противоположное раздвоению личности. Ощущение слияния с собственным отражением, будто все происходит вновь на самом деле.

Сварог экранный успел. У него в распоряжении оставался всего удар. Одним ударом он должен был решить исход схватки, иначе — хана. И Сварог сделал это. Резким и точным выпадом костяшками кулака он сокрушил кадык главного дамурга. Вало, как-то сразу же обмякнув, завалился на спину, а живая плеть упала на пол простой веревкой.

Схватка длилась секунды. Изнутри — ох как хорошо Сварог это знал — бой кажется в стократ длиннее...

Схватка завершилась. Ее итог Сварог видел на экране. Рошаль сидел на полу, морщась, держался за поврежденное плечо. Слуги Вало были мертвы. Из груди Олеса торчала рукоять кинжала, рядом бился в предсмертной агонии волк Чуба-Ху...

Экран погас. Люди молчали.

— Наше вмешательство не повлияло на исход, но сохранило человеческие жизни, — сказал рихар. — Правда, для некоторых из вас это кое-что изменило. Двое из вас — те, чью смерть мы отразили, — не смогут покинуть этот мир. Если они пройдут сквозь Дверь, то их жизни останутся здесь.

— Ничего себе дела! — потрясенно воскликнул князь. — А нельзя что-нибудь еще сделать?

— Можно, — неожиданно сказал дракон. — В вас, мастер князь, течет кровь древней расы, населявшей Димерею задолго до распада единого материка, задолго до первого Прихода Тьмы. Мы можем отвести вас по ступеням зиккурата в счастливые времена расцвета той древней цивилизации.

— К мертвякам, что ли? — скривился Олес.

Дракон издал странный звук, похожий на отрывистый смешок.

— Представьте себе, что вы смотрите в зеркало, князь, и вдруг вы и ваше отражение неожиданно меняетесь местами. Уверяю вас, вы не почувствуете перемены. Вы понимаете, о чем я?

— Не очень-то, — признался Олес.

— Мы не знаем, куда отправляется человек после смерти, в какой мир переселяется его душа, а в какой — его телесная оболочка. Мы сберегаем отражения прожитого в этом мире. Идя к Двери, вы проходили сквозь них, для вас они представляли всего лишь картинками. Но мы можем впустить вас в отражения, и вы не почувствуете, что пребываете в мире отраженном, потому что, в сущности, разницы нет никакой. Разве, — опять драконий смешок, — левая рука станет правой, а правая — левой.

— Вроде что-то понимаю... — Олес запустил пятерню в волосы. — То есть у меня имеется маленький, но выбор. Или вернуться на поверхность, или отправиться к предкам в отражения ушедших веков. Эхе-хе... — Князь повернулся к женщине, что стояла рядом с ним. — Что скажешь, Чуба?

— Решай, — просто сказала Чуба-Ху. — Я с тобой.

— А что будет с капитаном?

— То, что предопределено, — сказал дракон.

— Исчерпывающе. А... а она может отправиться со мной к моим предкам? — Олес взял женщину-оборотня за руку.

— Если она выкажет такое желание, — дракон, словно от усталости, прикрыл глаза. — И желательно вам поторопиться с раздумьями.

— Ладно, — решительно сказал Олес. — У меня здесь не осталось ни родных, ни княжества, ни даже родного материка — к тому же охота взглянуть, как жили люди до Тьмы... Тем более, вы говорите, расцвет там, процветание... Еще и предков своих отыщу...

Мигом повзрослевший князь решительно шагнул к Сварогу. Протянул руку.

— Прощайте, мастер граф. Я многим вам обязан. Если бы не вы... Я не знаю, что еще сказать, как выразить...

— Счастья, князь. — Сварог пожал ему руку. — В конце концов, не в том дело, когда жить, а в том, что... Да ладно. Прощай, гуап Чуба-Ху. Я знаю: все у вас будет хорошо.

— Не забывайте меня, мастер Рошаль. Нет, все-таки правильный выбор я делаю, хотя бы от

вас, охранитель, отдохну в иных веках, — с этими словами Олес пожал руку Рошалю.

— Удачи, — сухо попрощался Гор Рошаль.

Олес поклонился Клади.

— Мы готовы, — Олес посмотрел на дракона.

— В путь, — произнес рихар.

И тот же миг Олес и Чуба-Ху словно бы растаяли.

И снова между драконом и Сварогом появился экран. На нем высветилась широкая мощенная белыми плитами дорога, по которой шли, держась за руки, мужчина и женщина в просторных белых одеждах. Олес и Чуба. Они двигались в направлении города, очень похожего на атарский Старый Город, но только во много раз больше. Мужчину и женщину обгоняли напоминающие раковины повозки, запряженные изящными лошадьми вороной масти.

Отчего-то Сварогу стало грустно.

— Вам тоже пора, — сказал дракон, убрав экран.

— Ты, разумеется, не можешь сказать, что меня ждет там, за Дверью? — Сварог смотрел на Клади.

— Я этого не знаю. И Старший Хранитель этого не знает... Но ты можешь остаться здесь.

Сварог помолчал, а потом сказал:

— Нет. Пожалуй, пойду. Пожалуй, уже и в самом деле пора, не стоит затягивать прощание. Вы не передумали, Рошаль? — Сварог повернулся к охранителю. — Там, за Дверью, может быть чертовски опасно...

— Если б это было так, я бы вас тотчас уведомил, мастер граф, — с легким поклоном сказал Гор Рошаль. — Я готов выйти с вами в эту Дверь. Здесь мне делать нечего. Уже нечего...

— Тогда, — Сварог поднял руку и разжал ладонь, сжимавшую Ключ, — давайте выйдем.

— Счастливого пути, — сказал дракон. — Я уже больше вам не нужен. Может быть, когда-нибудь мы снова с вами встретимся, мастер Сварог. Время покажет.

И рихар отступил в Дверь. В коридоре третьего яруса зиккурата осталось трое, трое людей.

Сварог уже видел, как нужно пользоваться Ключом. Внизу, у самого пола, в шлифованной лицевой грани Двери имелась черная щербина. Конфигурация выбоины точно воспроизводила контур Ключа. Конечно, надо вставить на место утраченную часть большого камня под названием Ключ — ларчик и откроется. Что ж, спрашивать больше не о чем, осталось лишь попрощаться.

Той Клади он бы знал, что сказать. Но перед ним сейчас стояла другая женщина. На ум ничего подходящего не приходило. Или напыщенная пафосная глупость, или общие слова. Он выдавил:

— Прощай, Клади. Может быть, когда-нибудь я вернусь. Ты же узнаешь об этом?

— Я узнаю об этом, — сказала женщина, что некогда была Клади, сделала шаг навстречу, приподнялась на цыпочки и легонько коснулась его щеки губами. — Прощай, и... Я буду думать о тебе. Я все время думала и думаю о тебе...

Последние слова несомненно произнесла та Клади, его Клади. Что-то встрепенулось в Свароге, он понял, что должен и хочет ей сказать...

Но Клади рядом уже не было. Она пропала, словно растворившись, как минутами раньше Олес и Чуба.

Неизвестно сколько бы простоял Сварог в растерянности и задумчивости перед Дверью, но его вернул в деятельное состояние голос Рошаля:

— Пойдемте, маскап. Даже если суждено погибнуть, то давайте покончим с этим делом побыстрей.

— Да, масграм, — судорожно вздохнул Сварог, как перед прыжком в ледяную воду. — Вы как всегда убедительны...

Он наклонился, сунул Ключ в предназначенную для него щель.

Дверь пошла зыбью, и там, в глубине, в бездне заворочались какие-то тени, тяжело закрубились бесплотные облака, началось кружение, течение — завораживающее, манящее, гипнотизирующее...

Что там? Поток? Древние Дороги? Еще что-нибудь? Сварог прекрасно понимал, что за Дверью его может ждать и костлявая с косой — и ничего другого кроме нее. Шаг вперед — и смерть...

Но другого пути у него не было.

Что бы там ни произошло, подумал Сварог, дракон и женщина сохранят хотя бы мое отражение. .

И они сделали шаг сквозь зеркало.

Конец третьей книги

ГЛОССАРИЙ

Фрагмент из учебника истории Атаря для обучающихся второй ступени, том шестой: «О примечательных людях, кланах, орденах и прочих сообществах, населявших Атар в период последнего Цикла, известных собранных и сортированных по заказу Фагорского Университета ученым сего заведения Красом Тахо, 68 год Нового Цикла, г. Домгаар, Фагор, Граматар».

Часть 16

О Блуждающих Островах

Когда-то люди, ныне называющие себя д а - м у р г а м и (см.), спасая себя от необходимости раз в пятьсот лет перебираться с гибнущего континента на всплывающий, пошли по пути генной инженерии...

Примерно три тысячи лет назад, как и полагается по димерейским физическим законам или, если угодно, по проклятию Димереи, материк Граматар в сопровождении извержений, землетрясений и прочих катаклизмов погрузился в океан. Однако на этот (единственный) раз не целиком: над поверх-

ностью воды осталась макушка континента — пик самой высокой горной системы затонувшего Граматара. Из материка получился остров. Остров не то чтобы слишком большой и не то чтобы слишком пригодный для обитания, зато он находился рядом. Не надо перебираться через океан в поисках материка Атар, который, быть может, и не всплыл вовсе, который, быть может, всего лишь есть красивая легенда. А если даже не легенда, то поди доплыви до него целым и невредимым, поди доведи жен, детей, скот, зерно и продукты. Океан, он ведь тоже готовится: готовит штиты, мели, шторма, глубоководных чудовищ... да мало ли чем может океан встретить человеческую песчинку, осмеливающуюся бросить вызов его просторам! Лучше пусть будет плохая земля, но та земля, что ближе. Уж как-нибудь обиходим ее, засеем, засадим садами. Опять же рядом... да что там рядом! Под ногами, хоть и под водой, лежат бывшие наши, соседские, ну а теперь ничейные дома, замки, оружие, инструменты, драгоценности и вообще все то, что невозможно или что не успели погрузить на корабли. Лежат еще не тронутые ни временем, ни соленой водой. Можно просто нырять, закидывать неводы и шустрить баграми, можно придумать что-нибудь, как-нибудь исхитриться достать, добраться до них. И еще одно соображение двигало людьми, соображение для кого-то наиважнейшее, для кого-то пустячное: тот чудом оставленный над водой остров — клочок родной, своей земли.

Вот за эту самую родную землю разразилось морское сражение. Сражение, доселе невиданное по числу сошедшихся флотов, по пролитой крови, по ожесточению, с которым топили, брали на абор-

даж, резали и добивали друг друга недавние соседи по материку и даже недавние союзники в политике и торговле.

Думается, флота не сумели отплыть достаточно далеко, чтобы с марсов в подзорные трубы уже было бы не разглядеть землю в той стороне, где остался покинутый Граматар. Вид уцелевшей земли подвигнул нескольких правителей (точно неизвестно, но где-то пяти-шести государств) отдать приказ флотилиям разворачиваться и возвращаться. И уж тут никак не могло обойтись без кровопролития. На всех земли не хватит.

Корабли дырявили друг другу борта пушечными ядрами, забрасывали зажигательными бомбами и обстреливали стрелами, обмотанными горячей паклей. Корабли сходились в абордажах, шли на таран. Корабли горели, взрывались, тонули. Грузовые корабли, что сперва держались в отдалении, шли на подмогу своим соотчикам, если те уступали в сражении. Другие транспорты приставали к берегу, люди высаживались на остров, захватывали плацдармы. Сражение, понятное дело, очень скоро перекинулось и на землю.

Новые десанты выбивали с позиций тех, кто уже сумел кое-как окопаться. Окопавшиеся не ограничивались обороной, они совершали вылазку за вылазкой, не давая другим закрепиться за камнями, в ложбинах, на уступах и в расщелинах.

Ввязавшимся в бой отступить теперь уже было никак невозможно, не на пробитых же, не на покореженных же кораблях отправляться штурмовать океан. Ничего другого не оставалось, как воевать до победного. Лишь несколько кораблей ушли в океан, развернувшись кормой к Граматару. Впро-

чем, это были те немногие корабли, которые в стороне, в недосыгаемости орудий самого дальнего боя дожидались исхода сражения. Не стоит уточнять, кто украшал собою палубы и каюты этих осторожных судов. Монархи, монаршьи семьи до последнего троюродного племянника двоюродной жены, высокородная свита, самые откормленные и самые орденоносные из штабных военачальников и добрая дивизия слуг. В общем, лучшие и нужнейшие люди уплыли прочь из опасных, смерть несущих вод. И это в дальнейшем скажется на раскладе исторического пасьянса.

А на клочке Граматара, накрытом плотной дымовой завесой, все смешалось в кровавой мясорубке. Подчас только после гибели человека делалось возможным разглядеть, не своего ли земляка и единоверца ты отправил в мир иной. С другой стороны, если ты не всадишь в наплывающий из дыма темный силуэт пулю, кинжал или стрелу, то, не ровен час, всадят в тебя.

Волны вышвыривали на береговые камни обломки мачт, палубные доски, обрывки парусов и трупы. Живые плыли к земле — куда ж еще? — выбирались на берег и сразу ввязывались в бойню, потому что от бойни спрятаться было просто негде. С уцелевших и продолжающих бой кораблей торопились высадить десанты — иначе пригодные к высадке участки могли взять под контроль обороняющиеся и потом просто не дать лодкам подойти к берегу.

Короче говоря, на море и на суше бились в тот день долго и кроваво. Может, одним днем не обошлись, даже наверняка не обошлись.

Но как силы не беспредельны, так и безумие не бесконечно. Наконец люди вымотались, устали от

крови и трупов, которыми остров был завален настолько, что приходилось карабкаться по грудам из тел, чтобы добраться до противника. Постепенно начал брать верх здравый смысл. Люди перестали брэнчать сталью, попробовали разговаривать, стали договариваться, начали считать уцелевших, перебирать спасенное имущество.

Народам, участвовавшим в сражении, одинаково не повезло. В бойне уцелело если не поровну выходцев из разных государств, то численного преимущества, которое позволяло бы диктовать свои условия, ни один из народов не имел. По всему выходило, что придется жить сообща, что должна складываться новая раса, возникать новые монархические династии, а то и новая форма правления.

Выстроилась как раз новая форма правления. В общем-то, понятно почему. Никто не хотел давать полную власть выходцам из других государств, опасаясь (и, наверное, справедливо), что со временем может начаться геноцид одних народов другими. Требовалось правление на паритетных началах. Отсюда и пришли к такому органу управления как Совет, который с некоторой натяжкой можно именовать парламентом.

Проблемы разноплеменности и власти были не единственными трудностями, с которыми столкнулись выжившие на камнях Граматара. Сделалось ясным, что вскоре придется кормиться исключительно одним морем. Запасы еды, перенесенные с кораблей на берег, были не безграничны. А на камнях не растут ни злаки, ни деревья. Также трудно было надеяться на прочность и долговечность домов, построенных из корабельного дерева. Строительный материал для новых домов, для более

прочных и удобных домов взять было просто неоткуда.

Поэтому не приходится удивляться, что первый Совет попал под сильнейшее влияние некоего ученого, пообещавшего, что найдет выход из всех сложностей, оденет, обустроит, накормит от пуза, что, дескать, он был близок к величайшему открытию, но не сумел завершить работы из-за прихода Тьмы, теперь же, если ему не будут мешать, а наоборот, создадут все условия...

Вряд ли он был к чему-то близок накануне прихода Тьмы, наверное, просто лгал, чтобы попасть в Совет и заседать в тепле, а не зябнуть на ветру и не копаться в грязи. Однако слишком много всего наобещал тот ученый и на слишком близком расстоянии оказался от тех, кто ему поверил, чтобы бездействие и отсутствие результата сошли ему с рук. И, вдобавок, некуда ему было сбежать от обманутых толп, а люди действительно отдавали ученому последнее, самое лучшее, доставляли тому все, что только он не пожелает, если это было, разумеется, в их силах. Спасти себя от расправы этот ученый мог лишь единственным способом — действительно что-то изобретя. Он вынужден был лихорадочно и старательно напрягать разум.

Мысль, подстегнутая страхом, подчас способна на чудеса. А если к этому добавляется страстное желание остаться при власти, при почете, удержать синекуру, сохранить влияние на принятие властных решений... В мозгу, разнеженном сладкой жизнью, обычно мысль течет вяло, редко кто может себя заставить поработать в полную силу, когда можно в это же самое время придаваться сибаритству, зато когда над тобой висит угроза...

Видимо, божья искра таланта сидела в том ученом муже, он сумел высечь ее об кремь страх, и полыхнуло пламя озарения.

От рождения ли того ученого звали Дамургом или позже так прозвали — не столь уж важно, но новая островная раса обязана своим именем ему.

Три тысячи лет назад, когда удался первый опыт по «приручению» растений (теперь неизвестно — какой именно: то ли удалось приспособить растения к морской воде, то ли невиданно ускорить их рост), никто не мог предугадать, к чему это в конечном итоге приведет, во что это выльется через сотни и тысячи лет. А привело к тому, что дамурги полностью подчинили флору, заставили растительный мир работать на себя. Они стали одними из правителей Океана. С приручения собак и лошадей началась новая эпоха для человека Димереи, с приручения растений тоже не могла не начаться новая эпоха...

Фрагменты из «Сказаний о боге Маскапе»
(записано Альдо из рода Барро, хронописцем провинции Фагора Клаустон, по указанию дожа Ассада, сына дожа Тольго в пятидесятый год от Прибытия)

Песнь вторая

Зачин 2, стих 4

И тому знаменье было. В небесах, объятых дымом и поджаренных пожаром всей земли той обреченной, вдруг сверкнул ярчайший луч. Как мечом рассек он небо, прорубая в черных сгустках

дверь огромную из света, и серебряные ступени пробежали до земли. И сошел с небес на землю, и сошел в доспехах бога человек такой высокий, что его золотые кудри, развеваясь, задевали пики величайших гор.

2.5

И сказал он клаустонцам, что упали на колени и в молитве простерли руки, он сказал: «Не бойтесь, люди, я принес благую весть». Голос был подобен грому, а глаза его сияли, как алмазы из короны, а когда поднимет руку — зажигается звезда.

2.6

Он сказал: «Меня послал к вам — Тарос, бог тепла и света, бог добра и сострадания, и велел мне передать, чтобы шли через пожары, через горы и болота, не боялись ни чудовищ и ни тверди содрогания, ни людей со злобной мыслью, шли на куз прямо к морю, там увидите корабль».

2.7

«Но дойдет туда не каждый, лишь прошедший жизнь достойно, тот, кто Тароса заветов никогда не нарушал. Перед ним отступят тучи, перед ним погаснет пламя, и послушны станут звери и утихнет злобный вихорь. Только он прибой услышит, сапоги омочит в море, и узрит он в тихой бухте тот корабль из серебра».

2.8

«Тот серебряный корабль высотой до небесья, шириною во всю бухту, со златыми якорями и совсем без парусов. Там вас встретит рыцарь добрый, Таросу слуга он верный, сильный, мудрый и отважный корабельный бог Маскап».

2.9

«И Маскап дорогу знает, по морям дороги знает, в Граматар дорогу знает, проведет он в Граматар. Заклинанием течений, заклинанием удачи, Таросом благословленный поведет корабль Маскап».

Песнь четвертая

7.3

Злые силы сбились в тучу, над водою сбились в тучу, под водою закишели, и куда ты ни посмотришь — все черным-черно от них. Приготовились на битву, набежали отовсюду, налетели и приплыли, и случилось это сразу, как над морем, как над синим рог Ловьяда прозвучал.

7.4

Был там злобный кречет Сиу с головой ни льва, ни тигра, с головою ни собачьей, но с чужою головой. Были люди там — не люди, что живут, как рыбы в море, что кусают по-акулы и ныряют

глубже ската, те, что дышат через жабры, кожа синяя у них. Был там бог морского горя, он же бог морского яда, он же бог трав плотоядных, наводнивших океаны, бог по имени Амург.

7.5

И сказал Маскап с улыбкой, злату бороду огладив, закулив волшебну трубку, посмотревши сверху вниз: «Вы не бойтесь, клаустонцы, не пугайтесь, не дрожите, с нами Тарос, с нами правда, с нами сила и удача, а за них лишь гидернийцы, а за них лишь злость и мрак».

7.6

«Дам я каждому мужчине меч сверкающий, как очи несравненной Кладады, дочери морского бога, нам помощницы во всем. Дам я женщинам свирели, чтобы в гром могучей битвы их мелодия вонзалась, чтобы в муже или сыне зажигали силы дух».

7.7

И серебряный корабль он повел на черну тучу, он повел с веселой песней и с улыбкой на устах...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

РОБИНЗОНЫ ГРАМАТАРА

Глава первая. Флеш-бэк	3
Глава вторая. На древо взгромоздясь...	18
Глава третья. Кое-что о Дверях и Ключах	36
Глава четвертая. Господа нарушители государственной границы	54
Глава пятая. Шамаханская царица	73
Глава шестая. «Жить — так в Сочи...»	101

Часть вторая

ТУДА И ОБРАТНО...

Глава седьмая. Долог путь по Граматару	111
Глава восьмая. Шагом и бегом	126
Глава девятая. «Жидкий камень»	140
Глава десятая. Новые Шахеризады	155
Глава одиннадцатая. Ставки сделаны, господа!	175

Часть третья

...НО ОБРАТНО — НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОМОЙ

Глава двенадцатая. Только бегом	209
Глава тринадцатая. Коршуны и зайцы	226
Глава четырнадцатая. Большая Королевская Охота	250
Глава пятнадцатая. Смерть и Зеница Левого Ока	290
Глава шестнадцатая. Передо мной явилась ты... ..	303
Глава семнадцатая. Последний кайм	325
Глава восемнадцатая. Исход	356
ГЛОССАРИЙ	373

Александр Бушков

СВАРОГ. ЧУЖИЕ ЗЕРКАЛА

Р о м а н

Ответственные за выпуск

Е. Г. Измайлова, Я. Ю. Матвеева

Корректоры

Т. В. Никонова, И. В. Адамантова

Верстка

А. Н. Соколова

Подписано в печать 10.09.2002.

Гарнитура «Таймс». Формат 84×108 1/32. Бумага газетная.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 13,64. Усл. печ. л. 20,16.

Изд. № 02-4846. Тираж 125000 экз. Заказ № 1038.

«Издательский Дом „Нева“»

199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, д. 29

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

129075, Москва, Звездный бульвар, д. 23

Отпечатано с готовых диапозитивов

в полиграфической фирме «Красный пролетарий»

103478, Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16